

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

5
2023

СЕНТЯБРЬ •
ОКТАБРЬ •

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**И.А. Седакова (главный редактор),
И.Е. Адельгейм, М.М. Валенцова (заместитель главного редактора), М. Гардзанити (Италия),
А.А. Гиппиус, Н.С. Гусев, М. Зеленка (Чехия), Е.Н. Ковтун, М.В. Лескинен,
Г.Ф. Матвеев, Л. Матейко (Словакия), В.В. Мочалова, С.А. Мызников, К.В. Никифоров,
В. Павлович (Сербия), В.Я. Петрухин, Р. Прешленова (Болгария), М.А. Робинсон, М.Н. Саенко,
Н.Н. Старикова, А.С. Стыкалин, Б.Н. Флоря, О.В. Хаванова, Е.И. Якушкина.**

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

*Отделы: И.Е. Адельгейм (зав. отделом литературоведения),
Е.В. Байдалова, И.И. Баринов, О.В. Белова (зав. отделом культурологии),
М.М. Валенцова (зав. отделом лингвистики), Е.Б. Лопатина,
А.С. Стыкалин (зав. отделом истории).*

Заведующая редакцией Е.Ю. Нуйкина

*Сотрудники редакции: Л.А. Авакова, Т.Ю. Кравченко, И.Ю. Веслова
Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а*

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@inslav.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (не менее 100 слов) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу: <https://ras.jes.su/slav>.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <https://inslav.ru/page/pravila-publikacii-v-zhurnale-slavyanovedenie-information-authors>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

Содержание

СТАТЬИ

<i>Вишняков Я.В.</i> (Москва). Торговля как инструмент политики. Русско-сербский торговый договор 1893 года и его последствия	5
<i>Ростиславлева Н.В.</i> (Москва). Проблема идентичности интернированных в условиях крушения Российской империи	20
<i>Шахин Ю.В.</i> (Севастополь). Закулисная сторона югославской кадровой политики первой половины 1960-х годов	29
<i>Сартаков Е.В.</i> (Москва). Джордже Попович-Даничар – переводчик, издатель и пропагандист произведений Гоголя в сербской Воеводине в XIX веке	44
<i>Березович Е.Л.</i> (Екатеринбург), <i>Шляхтер Н.А.</i> (Холон, Израиль). «Иудино дерево» в различных культурно-языковых традициях Европы: слово и образ	56

К 100-ЛЕТИЮ ВИСЛАВЫ ШИМБОРСКОЙ

<i>Адельгейм И.Е.</i> (Москва). «Картинка не такая уж простая». О Виславе Шимборской	78
<i>Шабалина Е.В.</i> (Екатеринбург). «В утраченном раю правдоподобия»: комментарий к переводам стихотворения Виславы Шимборской <i>Dworzec</i> («Вокзал») на русский язык	96

СООБЩЕНИЯ

<i>Котов В.В.</i> (Москва). Новые исследования о чешской истории спорта	108
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

<i>Хлебникова В.Б.</i> (Москва). Дружба и научное сотрудничество А.Н. Пыпина и П.А. Ровинского (по материалам личной переписки)	118
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Куренная Н.М.</i> «Беларуская літаратура і літаратуразнаўства». Сборнік навуковых артыкулаў ..	130
<i>Гужвица Ст.</i> Rieber A.J. Storms over the Balkans During the Second World War	133
<i>Лубоцкая А.С.</i> А.К. Александрова. «Потуже затянуть пояса». Антикризисная политика правительства Г. Папандреу в Греции (октябрь 2009 – ноябрь 2011 г.)	137

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Лобачева Ю.В.</i> Международная научная конференция «Шемякинские чтения. Актуальные проблемы истории стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.»	141
--	-----

ЮБИЛЕИ

<i>Борисёнок Ю.А.</i> К юбилею Геннадия Филипповича Матвеева	145
--	-----

НЕКРОЛОГИ

Памяти Валерия Леонидовича Мусатова (1941–2023)	148
---	-----

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Slavic Studies

Slavic Studies

FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

SEPTEMBER •

OCTOBER •

*Published under the Division of History and Philology
of the Russian Academy of Sciences*

THE EDITORIAL BOARD:

**I.A. Sedakova (editor-in-chief),
I.E. Adelgeim, M.M. Valentsova (assistant editor-in-chief), M. Gardzaniti (Italy),
A.A. Gippius, N.S. Gusev, M. Zelenka (Czech Republic), E.N. Kovtun, M.V. Leskinen,
G.F. Matveev, L. Matejko (Slovakia), V.V. Mochalova, S.A. Myznikov, K.V. Nikiforov,
V. Pavlović (Serbia), V.J. Petrukhin, R. Preshlenova (Bulgaria), M.A. Robinson, M.N. Saenko,
N.N. Starikova, A.S. Stykalin, B.N. Florya, O.V. Khavanova, E.I. Yakushkina**

A.S. Stykalin (executive secretary)

Departments: *I.E. Adelgeim, E.V. Baidalova (Literature);
O.V. Belova (Cultural studies); M.M. Valentsova (Linguistics);
I.I. Barinov, E.B. Lopatina, A.S. Stykalin (History).*

Head of the Editorial office: *E.Yu. Nuykina*

Copy Editors: *L.A. Avakova, T.Yu. Kravchenko, I.Yu. Veslova*

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32a
Phone: +7 (495) 938-01-20
E-mail: zhurslav@inslav.ru

Contents

ARTICLES

Vishnyakov Yar. V. (Moscow). Trade as a Policy Tool. Russian-Serbian Trade Agreement of 1893 and its Consequences	5
Rostislavleva N. V. (Moscow). The Identity Problem of Internees During the Collapse of the Russian Empire	20
Shakhin Y. V. (Sevastopol). Behind the Scenes Side of Yugoslavian Personnel Policy in the First Half of 1960s	29
Sartakov E. V. (Moscow). Djordje Popović-Daničar – Translator, Publisher and Propagandist of Gol’s Works in Serbian Vojvodina in the 19th Century	44
Berezovich E. L. (Ekaterinburg), Shlyachter N. A. (Holon, Israel). «Judas Tree» in Various Cultural and Linguistic Traditions of Europe: Word and Image	56

ON THE CENTENARY OF WISŁAWA SZYMBORSKA

Adelgeim I. Ye. (Moscow). «Not Such a Simple Picture». About Wisława Szymborska	78
Shabalina E. V. (Ekaterinburg). «In the Paradise Lost of Probability»: Commentary on Translations of Wisława Szymborska’s Poem <i>Dworzec</i>	96

ESSAYS

Kotov V. V. (Moscow). New Studies on Czech Sports History	108
--	-----

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

Khlebnikova V. B. (Moscow). Friendship and Scientific Cooperation Between A. N. Pypin and P. A. Rovinsky (Based on Personal Correspondence).....	118
---	-----

REVIEWS

Kurennaya N. M. Byelorussian Literature and Literary Studies. Collection of Scholarly Articles.....	130
Gužvica S. Rieber A. J. Storms over the Balkans During the Second World War	133
Lubotskaya A. S. A. K. Aleksandrova. «Tighten Our Belts»: Anti-Crisis Policies of the G. Papandreu Administration in Greece (October 2009 – November 2011).....	137

SCHOLARLY LIFE

Lobacheva Y. V. International Scholarly Conference «Shemyakin Readings. Actual Problems of the History of the Countries and Peoples of Central and South-Eastern Europe in the 18–20 th centuries».....	141
---	-----

JUBILEES

Borisenok Y. A. For the Anniversary of Gennady Filippovich Matveev	145
---	-----

OBITUARIES

Valery Leonidovich Musatov (1941–2023).....	148
---	-----

Торговля как инструмент политики. Русско-сербский торговый договор 1893 года и его последствия

© 2023 г. Я.В. Вишняков

Московский государственный институт (университет)
международных отношений
(Москва, Российская Федерация)

vishnyakov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается малоизученный в историографии аспект русско-сербских отношений, связанный с планами Российской империи по проникновению на рынки Сербии в конце XIX – начале XX в. Этот фактор стал одним из важных противовесов австрийской политике в борьбе за влияние не только в Сербии, но и во всем балканском регионе. Реалии развивавшегося в мире индустриального общества требовали от петербургского кабинета существенной корректировки политики, базировавшейся ранее на традиционных, но ставших к началу XX в. архаичных принципах «единоверия» и «единоплеменности». После Берлинского конгресса 1878 г. сербский князь Милан связал будущее своей страны с австрийскими интересами, а влияние России существенно снизилось. В поисках решения, позволявшего восстановить утраченное влияние в стране, петербургский кабинет все большее внимание обращал на развитие экономических отношений, которые могли дать новый импульс к развитию русско-сербских политических отношений. Отречение сербского короля Милана от престола в 1889 г., приход к власти русофильского радикального кабинета стали для Петербурга благоприятными факторами для возвращения своих позиций в стране. В этом смысле заключенное в 1893 г. взаимовыгодное торговое соглашение, шедшее вразрез с интересами Вены, имело далеко идущие последствия, став основой для развития русско-сербских многомерных контактов после уничтожившего династию Обреновичей переворота 1903 г.

Ключевые слова: Сербия, Россия, «напредняки», Н. Пашич, Р. Милошевич, А.И. Персиани, В.И. Тимирязев, договор о торговле и судоходстве.

Ссылка для цитирования: Вишняков Я.В. Торговля как инструмент политики. Русско-сербский торговый договор 1893 года и его последствия // *Славяноведение*. 2023. № 5. С. 5–19. DOI: 10.31857/S0869544X0027876-6

Trade as a Policy Tool.
Russian-Serbian Trade Agreement of 1893 and its Consequences

© 2023. Yaroslav V. Vishnyakov

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
(Moscow, Russian Federation)

vishnyakov@yandex.ru

Abstract. The article discusses the little-known historical aspect of Russian-Serbian relations, connected with the plans of the Russian Empire for penetration of Serbia's markets in the late 19th and early 20th century. This factor became one of the important counterweights to Austrian politics in the struggle for influence not only in Serbia, but also in the Balkan region. The realities of the industrial society that emerged in the world required the Petersburg cabinet to significantly adjust its policy, which was based earlier on the traditional, but by the beginning of the XX century turned into archaic factors of «unanimity» and «homogeneity». After the Berlin Congress of 1878, the Serbian Prince Milan linked his country's future to Austrian interests, and Russian influence decreased significantly. In the search for a solution to regain lost influence in the country, the Petersburg Cabinet paid increasing attention to the development of economic relations, which could give a new impetus to the development of Russian-Serbian political relations. The abdication of the Serbian King Milan in 1889, the accession to power of the Russophile Radical Cabinet, became favorable factors for Petersburg to regain its position in the country. In this sense, a mutually advantageous trade agreement concluded in 1893, which ran counter to the interests of Vienna, had far-reaching consequences, becoming the basis for the development of Russian-Serbian multidimensional contacts after the collapse of the Obrenović dynasty in 1903.

Keywords: Serbia, Russia, «naprednjaki», N. Pashich, R. Miloshevich, A.I. Persiani, V.I. Timiryazev, trade and shipping agreement.

For citation: *Yaroslav V. Vishnyakov. Trade as a Policy Tool. Russian-Serbian Trade Agreement of 1893 and its Consequences // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. № 5. P. 5–19. DOI: 10.31857/S0869544X0027876-6*

На протяжении XIX – начала XX в. Сербия находилась в центре политики России на Балканах. Однако после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Берлинского конгресса, признавшего независимость страны, сербский князь Милан Обренович занял проавстрийскую позицию. Именно Вена могла стать эвентуальным союзником Белграда, а союз с Двуетиной монархией вполне отвечал государственным интересам страны в связи с надеждами на ее вхождение в мировую систему хозяйства и комплексную модернизацию экономической и политической систем – ключом, с помощью которого можно было добиться процветания. Ближайшее следствие этой «смены курса» – отставка русофильски ориентированных либералов и их замена австрофилами-напредняками¹. Именно они во главе с М. Пирочанацем в октябре 1880 г., сменив кабинет либерала Й. Ристича, взяли на себя задачу превратить Сербию в государство, по словам исследователя А.Л. Шемякина, «централизованное, основанное на власти закона, с парламентской системой (но ограниченной ровно настолько, насколько она могла бы обеспечивать законодательную гегемонию новой интеллектуальной олигархии), сильным аппаратом (как бы проводником реформ сверху) и исключительно политическими функциями. Внутренняя индустриализация, для

¹ Политический курс страны определяли три партии, оформившиеся в начале 80-х годов XIX в: Народная радикальная партия – крупнейшая политическая сила страны, была основана в 1881 г. выдающимся политиком Николой Пашичем. В конце XIX в. составляла ведущую оппозиционную силу режиму Обреновичей. Напредняцкая (прогрессистская) партия также оформилась в 1881 г. Один из ее лидеров – известный государственный деятель Сербии Милан Пирочанац (1837–1897), занимал в 1874–1875 гг. пост министра иностранных дел, а в 1880 г. стал главой правительства страны. Напредняки поддерживали династию Обреновичей и находились у власти в 1880–1883 гг., 1884–1887 гг., 1895–1896 гг. Однако в 1896 г. партия утратила свое значение и была распущена. Вновь была восстановлена в 1906 г. Либеральная партия, во главе с Йованом Ристичем, требовала расширения полномочий Народной скупщины как носителя высшей законодательной власти и гаранта основных гражданских и политических прав и свобод граждан. Во внешней политике либералы выступали против откровенно проавстрийского курса Милана Обреновича.

проведения которой правительство активно привлекало иностранный капитал, становилась основой его экономической стратегии, а свобода личности и этика индивидуализма объявлялись высшими общественными добродетелями» [Шемякин 2000, 23; см также Михайлова 2014, 125–140].

По мнению нового главы сербского кабинета министров, такой курс, обусловленный резким отходом от прорусской ориентации сербских правящих кругов, был вполне оправдан и направлен на то, чтобы сделать маленькую Сербию частью европейского индустриального мира. Пирочанац считал, что Россия, несмотря на статус великой державы, никогда не сможет догнать быстро развивающуюся европейскую экономику и культуру, что делало перспективы русско-сербского сотрудничества весьма туманными. По его мнению, сербы намного ближе к австрийским славянам, чем к славянам из России. Кроме того, стремление России вытеснить с Балкан Австро-Венгрию он расценивал, по существу, как попытку завоевания, что не соответствовало сербским интересам [Раич 2011, 366–367]. После приема в Вене в сентябре 1880 г. князь Милан Обренович окончательно перешел во внешней и внутренней политике на австрофильские рельсы, связав судьбу страны и династии с Дунайской монархией, подвергнув сербский суверенитет серьезному сомнению.

24 апреля (6 мая) 1881 г. был подписан торговый договор с Австро-Венгрией, в окончательном тексте которого Вене предоставлялось право наибольшего благоприятствования в торговле с Белградом. Именно это условие стало причиной отставки либерального кабинета Й. Ристича. В июне того же года Милан Обренович заключил с венским кабинетом политическую тайную конвенцию сроком на десять лет, по которой Сербия отказывалась от притязаний на Боснию и Герцеговину и Новопазарский санджак. Вскоре власти подписали и военную конвенцию. В феврале 1882 г. при поддержке Двухединой монархии сербский князь провозгласил себя королем. В том же 1882 г. было заключено сербско-германское торговое соглашение. Принимая депутатов скупщины в 1884 г., Милан произнес: «Было время, когда судьбу народа решало только оружие и только от его успеха зависел прогресс народа. Но политические успехи на этом пути поставили нас в положение, когда мы должны вести борьбу с регрессом, борьбу с бездельем, борьбу с азиатскими пережитками» [Perović 2018, 237]. И в этой борьбе для сербского монарха примером для подражания стала именно Австро-Венгрия. Для Петербурга возникла прямая угроза полного вытеснения с Балкан, тем более что политическое положение России в регионе существенно осложнил болгарский кризис 1886 г., окончившийся избранием на престол в Софии ставленника Австро-Венгрии и Германии Фердинанда Саксен-Кобургского и полным разрывом отношений Петербурга со страной, за освобождение которой было пролито немало русской крови.

Опасность окончательно потерять статус покровительницы славянского мира, а вместе с ним и влияние на молодые балканские государства усугублялась еще и тем, что после окончания войны 1877–1878 гг. российские правящие круги рассчитывали на важную с политической точки зрения экономическую экспансию в Сербию, прежде всего на получение выгодных контрактов на железнодорожное строительство. Однако эти попытки потерпели неудачу. Концессия на строительство первой сербской железной дороги была подписана 22 января (3 февраля) 1881 г. с фирмой «Юнион Женераль», возглавлял которую Эжен Бонту. 30% акций фирмы принадлежало австрийскому «Лендербанку». Однако предприятие Бонту лопнуло в 1882 г., а сам он был предан в Париже суду. Это дело еще больше подлило масла в огонь политического

кризиса в Сербии, поскольку всплыл факт крупного подкупа со стороны Бонту не только видных чиновников страны, но и самого сербского короля².

Таким образом, в 80-е годы XIX в. Австро-Венгрия занимала около 90% сербского рынка, а товарооборот с Россией, несмотря на робкие попытки расширить торговые отношения между странами, фактически отсутствовал. В 1888 г. российское консульство в Галаце выдало сербским торговцам всего 165 именных свидетельств на вывоз русских товаров в Сербию, а в 1889 г. — 177. Они закупили и ввезли в страну в 1888–1889 гг. рыбу (50 965 пудов), красную икру (194 пуда), сельдь (149 пудов) и керосин (12905 ящиков)³. В свою очередь, по данным на 1884 г., экспорт товаров из Сербии в Россию отсутствовал вообще, в то время как в Австро-Венгрию в этот же год вывезли продукции на сумму 34 457 803 дин.; в 1891 г. сербский экспорт в Двуетную монархию составил 45 632 752 дин., а в Россию в тот же год было ввезено продукции на более чем скромную сумму 1 627 дин. [Поповић 2022, 140].

Между тем развитие русско-сербских торговых отношений могло стать не только эффективным политическим противоядием проавстрийскому курсу Милана, но и существенным противовесом общей экспансии Вены в среднем и южном течении Дуная. Не случайно в 1881 г. вступило в силу «Положение о срочном товаро-пассажирском пароходном сообщении между городами Одессой и Измаилом с заходом в Килию и Рени», а князь Ю.Е. Гагарин-Стурдза (1846–1905) принял на себя обязательство совершать эти рейсы посредством одного, принадлежавшего ему, парохода «Ольга». В 1886 г. это предприятие было преобразовано в Акционерное общество Черноморско-Дунайского пароходства. Однако выдержать конкуренцию с более мощными австрийскими, венгерскими и румынскими пароходными компаниями общество не могло. Так, например, к 1902 г. австрийское пароходное общество имело около 800 барж при 156 пароходах. Венгерское пароходство насчитывало 46 барж при 43 пароходах. В составе румынского казенного пароходства, открытого в 1898 г., имелось 65 барж и 25 пароходов⁴. В 1903 г. казна выкупила Черноморско-Дунайское пароходство и переименовала в Русское дунайское пароходство.

В ноябре 1881 г. российский предприниматель сербофил А.Л. Мураневич подал в Московский биржевой комитет записку о выгоде установления торговых контактов с Сербией, в которой среди прочего отметил: «В последнее время усилившееся политическое давление на Сербию со стороны Австрии еще более заставляет сербов быть чувствительными к этой исключительно австрийской эксплуатации их земли. Вследствие этого между сербами распространяется все больше и больше убеждение, что лишь торговая связь с Россией спасет их страну от полного порабощения Австрии. В Сербии предполагают составить целое общество, члены которого намерены покупать исключительно русские произведения, как только они явятся на сербском рынке, и в последнее время собирались подписи между влиятельными лицами-сербам для этой цели»⁵.

Значение, которое русское правительство придавало расширению торговых связей с Сербией, было напрямую связано с происходящими в Белграде событиями в политической жизни. «Новый курс» Милана Обреновича вызвал в стране глубокий системный кризис. Тимокское восстание 1883 г. и проигранная война с Болгарией 1885 г. привели в январе 1889 г. к отречению короля от престола

² См. подробнее: [Данченко 1996, 46–48].

³ АВПРИ. Д. 8901. Л. 10.

⁴ АВПРИ. Д. 9031. Л. 55.

⁵ Москва–Сербия, Белград–Россия, 128–129.

в пользу двенадцатилетнего сына Александра, при котором был сформирован регентский совет в составе Й. Ристича, К. Протича и генерала Й. Белимарковича. Сам же он покинул страну. В обмен на это из средств русского Волжско-Камского банка Милану была выплачена ссуда в 2 млн франков. Генерал С. Груич сформировал правительство радикалов, перед которым, по словам исследователя О.В. Павлюченко, «стояла довольно сложная внешнеполитическая задача: с одной стороны, добиться улучшения отношений с Россией, а с другой — сохранить прежнее благосклонное отношение соперницы России на Балканах и покровительницы Обреновичей Австро-Венгрии» [Павлюченко 1987, 13]. Тем не менее приход к власти радикального кабинета не мог не вызвать конфронтацию с Веной, которая в июне 1890 г. под предлогом эпидемии запретила ввоз сербских свиней, составлявших основную часть экспорта страны. Правда, действовал запрет недолго и уже в сентябре того же года был отменен⁶.

Смена политического курса Белграда привела к тому, что именно период 1889—1893 гг. стал временем становления экономических отношений между Сербией и Россией. Сербский историк Н. Попович опубликовал записку, составленную в мае 1889 г. Министерством торговли Сербии на имя премьер-министра страны. В ней указывалось, что увеличение экспорта стало важнейшей задачей развития сербской экономики, сделаны попытки выхода на рынки не только Италии, Франции и Англии, но даже американского континента. Однако эти меры не могут идти ни в какое сравнение с тем, если бы «самые важные экспортные товары (вино, чернослив, ракия) были бы направлены на рынки огромной Российской империи»⁷ [Поповић 2022, 138]. В октябре 1889 г. посланник в Белграде А.И. Перисани сообщил в Петербург о намерении Груича для упрочения торговых контактов назначить консулов в Москву и Одессу⁸.

Таким образом, возникли благоприятные условия для оформления, имевшего для России не столько экономические, сколько политические выгоды, торгового соглашения, тем более что с февраля 1891 г. правительство возглавил триумфально вернувшийся из эмиграции лидер радикальной партии страны, убежденный русофил Н. Пашич. Он еще в 1890 г., будучи в Петербурге, как председатель скупщины принятым императором Александром III, поставил вопрос о заключении сербо-российского торгового договора. Летом 1891 г. Александр Обренович в его сопровождении посетил российский столицу, где сербской делегации был оказан весьма благожелательный прием, а сам юный король награжден орденом Александра Невского. В Петербурге полагали, что с отъездом Милана ситуация в Сербии поменялась коренным образом: на престоле находился пусть несовершеннолетний, но законный монарх, а у власти в стране — преданные России «сербские патриоты», во главе с «мудрым Пашичем» [Данченко 1996, 268—269.] Тем более что, пытаясь освободиться от австрийской зависимости, еще в 1889 г. сербское правительство взяло под контроль соляную и табачную монополию, а в том же 1891 г. было основано сербское пароходное общество. К началу 1902 г. оно имело 42 баржи и восемь пароходов⁹.

⁶ К подобным мерам венский кабинет прибегал неоднократно. После свержения Обреновичей в 1903 г. Австро-Венгрия развязала таможенную или «свиную» войну, которая продолжалась с 1906 по 1911 г. и закончилась фактическим поражением Двуетной монархии.

⁷ В 1888 г. Сербское правительство, заинтересованное в расширении географии сбыта чернослива, в том числе и на американский континент, запросило у азиатского департамента МИД сведения о поставках российских сушеных слив, в том числе и в Америку. См.: АВПРИ. Д. 8899. Л. 1—5.

⁸ Москва—Сербия, Белград—Россия, 132—133.

⁹ АВПРИ. Д. 9031. Л. 55.

Активизации российской политики способствовало и то обстоятельство, что к 1893 г. истек срок сербо-австрийского торгового договора, к тому же выход товаров российской промышленности, прежде всего текстильной, на сербский рынок мог стать, в противовес Вене, не только важным экономическим рычагом укрепления политических позиций в стране, но и дать динамично развивающейся российской легкой промышленности выгодные выходы на перспективные рынки молодых балканских государств. Именно здесь, в условиях только формирующегося местного потребительского рынка, российские товары могли составить как ценовую, так и качественную конкуренцию продукции, ввозимой как из Австрии, так и из других европейских государств. Министр финансов И.А. Вышнеградский написал главе МИД Н.К. Гирсу в январе 1892 г.: «Торговое соглашение с Сербией могло бы несомненно содействовать сбыту русских произведений на рынки королевства. При слабом своем развитии туземная фабрично-заводская промышленность не может удовлетворить внутреннего спроса на изделия, которые поступают туда в значительном количестве из-за границы. При этом привозятся не только наиболее дорогие и сложные изделия, производство коих, требуя усовершенствованной техники, малоразвито в России, но также изделия более простой и грубой обработки, которыми наша промышленность могла бы с успехом снабжать рынки названного государства, в особенности в виду удобства их доставки через посредство русского пароходства по Дунаю. Для примера можно указать на изделия нашей хлопчатобумажной промышленности, вывоз коих за границу предполагается ныне поощрять возвратом пошлин за употребляемые при их приготовлении материалы. Поэтому существенно важно, чтобы водворение в Сербию произведений русской промышленности не было поставлено в менее благоприятные условия сравнительно с однородными произведениями конкурирующих с нами стран». Далее министр финансов резюмировал: «Независимо от сих торговых соображений, нельзя не признать, что заключение трактата с Сербией имело бы немаловажное политическое значение»¹⁰.

В 1891 г. в Мюнхене состоялись переговоры австрийских и германских представителей, на которых обсуждались условия подписания нового межгосударственного торгового соглашения. Сербское правительство также получило приглашение «для переговоров относительно возобновления существующих между этими империями и королевством торговых трактатов, которым срок в скором времени истекает». Понятно, что в данном случае речь шла о пролонгации условий кабального договора 1881 г. Как заметил А.И. Персиани, «привилегированное положение соседней империи, наносившее явный ущерб и германской промышленности, побудило берлинский кабинет пригласить сербское правительство отправить также в Мюнхен своих уполномоченных для переговоров относительно соглашения, по которому преимуществва, представленные австрийским произведениям, распространены были бы

¹⁰ АВПРИ. Д. 9018. Л. 13–14. В октябре 1891 г. на заседании московских предпринимателей, на котором присутствовали Н.Н. Коншин, Д.И. Морозов, Н.И. Прохоров, И.К. Поляков было заявлено, что «торговля с Сербией, как и другими сопредельными государствами, для русских фабрикантов будет возможна лишь тогда, когда удовлетворено будет подлежащею властью уже очень давнишнее ходатайство московских и других фабрикантов о возврате пошлины на хлопок при вывозе хлопчатобумажных товаров за границу, без чего конкуренция для них с западноевропейскими фабрикантами в Придунайских княжествах была бы весьма убыточной». Вместе с тем очевидно, что российские текстильные фабриканты были заинтересованы в получении выхода на сербский рынок для сбыта своей продукции. См.: Москва–Сербия, Белград–Россия, 136.

и на германские»¹¹. Сербское правительство отклонило данное предложение, посчитав, что более целесообразно вступить в переговоры с одной Австрией. С этой целью, как в декабре 1891 г. доносил российский посланник, «сербское правительство отправит в Вену особую комиссию в текущем месяце. Во главе ее будут находиться в качестве председателя член государственного совета Попович¹², и при нем будут состоять директор монополии табаку г-н Пачу¹³ и начальник сербских таможен г-н Стефанович»¹⁴. А.И. Персиани при этом подчеркнул, что «г-н Попович — протекционист по убеждению, человек весьма твердого характера, он противник Австрии и как писатель неоднократно указывал на вред, наносимый Сербии договором ее с этой державой»¹⁵.

Полученные сербской делегацией от Н. Пашича инструкции сводились к кардинальному пересмотру соглашения 1881 г. и включали среди прочего установление нового таможенного тарифа, «благодаря которому пошлина должна быть увеличена по крайней мере на сто процентов», предоставление Сербии права «ввести у себя систему акцизов и монополий» и на осуществление политики протекционизма зарождающейся сербской промышленности, а также пункт о том, что «тарифное облегчение на паромовых и железных дорогах, сделанное Австро-Венгрией какой-либо державе распространяется и на Сербию». Чтобы не повторилась ситуация 1890 г. в сербские требования был включен пункт о том, что «запрещение ввоза в Австро-Венгрию сербского скота в случае эпидемии может состояться лишь когда зараза засвидетельствована будет смешанною сербо-австрийской комиссией, а не одними венгерскими властями, как это ныне делается»¹⁶.

Сербский премьер понимал всю нереалистичность этих предложений, однако выдвинув подобные условия, рассчитывал на ответное смягчение позиции Вены в пересмотре условий договора 1881 г. Фактически лидер радикалов шел ва-банк. «Не имея повода рассчитывать на благосклонность венского кабинета, г-н Пашич предвидит, что правительству предоставлено будет на выбор: либо не подписать договор и вступить в открытую экономическую борьбу с соседней империей, либо подчиниться ее требованиям и потерять в таком случае доверие страны», — отметил А.И. Персиани. При этом российский дипломат подчеркнул: «Нельзя не сознаться, что Сербия не в силах будет устоять в неравной борьбе с Австро-Венгрией. С закрытием северной границы королевства должна прекратиться и вся сербская вывозная торговля, так как сбыт в Турцию, Болгарию и Румынию сырья, однородного с местными произведениями этих стран, — немислим»¹⁷.

В марте 1892 г., с целью оказания давления на венский кабинет в пересмотре статей договора 1881 г., «г-н Пашич, — как написал Персиани, — внес

¹¹ АВПРИ. Д. 9018. Л. 7–7об.

¹² Речь идет о Джордже Поповиче (1832–1914) — известном журналисте и публицисте.

¹³ Лазар Пачу (1855–1915) — известный сербский политик, врач, видный деятель Радикальной партии, долгое время занимал пост министра финансов страны.

¹⁴ АВПРИ. Д. 9018. Л. 8.

¹⁵ Там же. Л. 8

¹⁶ Там же. Л. 10–12.

¹⁷ Там же. Сербско-австрийские переговоры напрямую были увязаны с характерной для государственного развития балканской страны конца XIX — начала XX в. борьбой за власть. Персиани отметил: «Проживающий там ныне г-н Гарашанин (имеется в виду один из видных деятелей напредняков Милутин Гарашанин. — Я.В.) поощряет, по-видимому, графа Кальноки (Густав Кальноки — министр иностранных дел Австро-Венгрии. — Я.В.) не соглашаться на уступки, рассчитывая, что неудача радикалов в этом, жизненном для Сербии вопросе, повлечет за собою их падение». Там же. Л. 12.

в скупщину законопроект об общем тарифе, который будет применен к произведениям как тех государств, которые с Сербией торговых договоров не заключали, так и тех, которые не возобновят своих трактатов по истечении их срока»¹⁸. Он был немедленно принят скупщиной в первом чтении, а в мае того же года окончательно утвержден. При этом, по словам российского посланника, закон «носит до того запретительный характер, что исключает всякую возможность конкуренции на здешнем рынке товаров государств, не подписавших с Сербией торговых соглашений или своевременно их не возобновлявших». Далее Персиани с тревогой сообщил: «Нет сомнения, что борьба эта нанесет Австро-Венгрии значительный ущерб, но с другой стороны нельзя упустить из виду, что и соседняя монархия может в свою очередь закрыть свою границу сербскому сырью и тем самым нанести смертельный удар вывозной торговле сербского королевства. Нужно надеяться, что соглашение состоится, в противном случае, этот экономический вопрос может породить немаловажные политические осложнения»¹⁹.

В такой обстановке возможный выход сербских сельскохозяйственных товаров и продукции животноводства на российские рынки имел важное стратегическое значение для балканской страны. В свою очередь российские правящие круги, используя благоприятную политическую конъюнктуру, активизировали действия по подготовке торгового договора. Не случайно И.А. Вышнеградский в письме Н.К. Гирсу в январе 1892 г. подчеркнул, что соглашение с Россией могло бы «только облегчить для Сербии переговоры, начатые в Вене. Поэтому было бы весьма желательно по возможности неотлагательно заявить сербскому правительству о нашей готовности вести с ними переговоры о заключении торгового трактата и просить о сообщении тех оснований, на которых Сербия признавала бы возможным соглашение с нами по сему предмету»²⁰.

В мае 1892 г. в сербскую столицу для ведения переговоров по заключению торгового договора прибыл специальный российский представитель В.И. Тимирязев²¹, эту поездку лично согласовал император Александр III. По прибытии в Белград Тимирязев был немедленно представлен Н. Пашичу, который, по словам российского посланника в Белграде, приказал «предоставить в его распоряжение все необходимые сведения». В данных русскому представителю инструкциях указывалось: «1. Выяснение оснований, на которых могло бы быть подписано соглашение; 2. Вступление в первоначальные переговоры; 3. Наблюдение за ходом переговоров в Вене»²². Уже в июле 1892 г. Тимирязев из Белграда отправился в Вену для наблюдения за ходом сербо-австрийских переговоров, которые, по доходившим до русских дипломатов сведениям, близились к завершению. При этом, по словам Персиани, «по настоянию австрийского правительства белградский кабинет вынужден был разрешить своим делегатам в Вене вести переговоры по торговому трактату одновременно и с германским уполномоченными, которые прибыли для сего в Вену»²³.

¹⁸ Там же. Л. 99.

¹⁹ Там же. Л. 103.

²⁰ Там же. Л. 15.

²¹ Тимирязев Василий Иванович (1849–1919) – на тот момент действительный статский советник, впоследствии – действительный тайный советник, вице-директор Департамента торговли и мануфактур, член Комиссии для пересмотра общего таможенного тарифа 1890 г., член Совета министра финансов (1894–1898), коммерческий агент Министерства финансов.

²² Там же. Л. 107.

²³ Там же. Л. 110.

Таким образом, переговоры в Вене и Белграде велись практически параллельно, хотя еще в феврале 1892 г., Н. Пашич в беседе с Персиани заявил, что «с остальными иностранными государствами, а равно и с нами, сербское правительство намерено вступить в переговоры лишь когда последует соглашение с Австро-Венгрией, или же по прекращении переговоров с этой державой, если соглашение не состоится, так как Сербия не имеет достаточного количества специалистов, которым могло бы быть одновременно поручено ведение такого важного дела»²⁴. В свою очередь Тимирязев «до приступления к переговорам по заключению торгового трактата», пользуясь прибытием в Белград представителей крупных московских мануфактур — Г.И. Былинкина, П.С. Зорина и Н.Н. Клушензова, посчитал целесообразным устроить в Белграде выставку изделий российской легкой промышленности, а также провести совещание «в здешнем торговом обществе с сербскими купцами», которые не только «изъявили полную готовность и желание вступить в торговые сношения с Россией», но и единодушно высказались «за необходимость назначения в Белград сведущего лица в качестве торгового агента, который мог бы служить посредником, передавая справки, образцы и заказы»²⁵. Эти мероприятия давали петербургскому кабинету надежду на скорое возвращение влияния в стране. В честь Тимирязева и русских предпринимателей в сербском торговом обществе был дан большой обед, на который пригласили около ста человек, в том числе и министра торговли страны, предложившего на этом мероприятии тост за здоровье императора Александра III. Российский посланник, в свою очередь, ответил здравицей в честь короля Александра. «Сербы воспользовались случаем, чтобы заявить перед русскими гостями о своем сочувствии к нам, и это настроение отозвалось в произнесенных на обеде речах и здравницах», — резюмировал Персиани²⁶.

Вместе с тем в июле 1892 г. переговоры в Вене завершились согласованием нового соглашения. Сербское правительство приняло большинство австрийских предложений, с которыми конфиденциально ознакомился Тимирязев. Он «из рассмотрения их убедился, что сербы вынуждены были сделать Австрии большие уступки в тарифах, так что увеличение дохода от возвышения таможенных пошлин далеко не достигнет ожидавшихся размеров». Вместе с тем венскому кабинету пришлось пойти на некоторые уступки. «Сербское министерство может похвалиться значительными успехами в вопросе первостепенной для страны важности, а именно, отменой льгот, предоставленных исключительно Австрии по пограничной торговле. Кроме того, им достигнут благоприятный результат по вопросу об облегчении стеснительного и унижительного для независимого государства ветеринарного осмотра при вывозе скота в Венгрию», — указал Персиани в донесении 30 июня (12 июля) 1892 г.²⁷ В свою очередь, временный поверенный в Белграде А.В. Неклюдов отметил по этому поводу в донесении 27 июля (8 августа) 1892 г.: «Торговый трактат с Австрией, как сообщил Пашич, окончательно улажен и через два-три дня будет подписан. Сербы выговорили себе право на четыре монополии: спирт, спички, петроль и папиросная бумага»²⁸. Согласование договора с Двуетидной монархией отразилось на подготовке торгового соглашения с Россией. По мнению

²⁴ Там же. Л. 29–31.

²⁵ Там же. Л. 113. См. также: Москва–Сербия, Белград–Россия, 139.

²⁶ Там же Л. 114.

²⁷ Там же. Л. 110–111.

²⁸ Там же. Л. 118.

В.И. Тимирязева, Россия могла бы «согласиться на введение означенных монополий на следующих условиях:

1. На керосин – с тем чтобы исключительным поставщиком его была Россия, на основаниях, обеспечивающих взаимную выгоду, в силу особого договора.

2. На спирт – с тем чтобы Австрии не была предоставлена исключительная поставка этого предмета в нарушение права наиболее благоприятствуемой нации по отношению к России.

На спички и папиросную бумагу – безусловно, так как спичечное производство существует в Сербии, и предметы эти не могут иметь значения для русской торговли». При этом сербское правительство после подписания договора с Веной собиралось приступить к принятому скупщиной пересмотру автономного тарифа «для согласования его с выработанным в Вене льготным тарифом, причем Д.С.С. (действительный статский советник. – Я.В.) Тимирязев будет приглашен заявить о тарифных изменениях, которые желательны для наших товаров»²⁹. Сам же В.И. Тимирязев, исходя из подписанного сербо-австрийского соглашения, предлагал вести переговоры по заключению торгового трактата на следующих основаниях:

«1. Со стороны Сербии:

А) Понижение пошлины и трошарины (octroi) на соленую рыбу и другие предметы, если в том встретится надобность после сделанных Австрии тарифных уступок и Б) в случае введения монополии на керосин, – исключительное приобретение его в России по особому соглашению.

2. С нашей стороны:

А) Облегчение вывоза сербских продуктов при помощи черноморско-дунайского пароходства и установление прямых пониженных тарифов Москва – Белград и обратно; при посредстве, как нашего, так и вновь учрежденного сербского пароходства по Дунаю.

Б) Предоставление облегчений заграничного транзита для сербских товаров через Одессу, а если возможно и через Рени;

В) В случае настояний сербского правительства некоторая сбавка нашей таможенной пошлины на чернослив, если бы вышеупомянутые облегчения по провозу оказались недостаточными»³⁰.

В августе 1892 г. кабинет Пашича ушел в отставку, уступив место либералам Й. Авакумовича³¹. Российские правящие круги сочли возможным не вмешиваться в этот внутрисербский конфликт, а император Александр III прямо указал: «Нам положительно все равно какая партия возьмет верх, лишь бы она не подчинялась Австрии и действовала в национальном духе» [Данченко 1996, 291]. В этих условиях заключение русско-сербского торгового трактата приобретало еще больший политический смысл. Переговоры по его подписанию активизировались осенью 1892 г. между Тимирязевым и министром торговли Сербии Гвоздичем. Причем за их основу был взят новый австро-сербский договор, «равно как и тариф, из которого предстоит некоторые статьи исключить, другие же дополнить или изменить согласно требованиям русско-сербской торговли»³². На фоне обсуждения условий русско-сербского договора в декабре 1892 г. Сербия подписала торговый договор с Германией, который

²⁹ Там же. Л. 110.

³⁰ Там же. Л. 111–112.

³¹ Авакумович Йован (1841–1928) – видный сербский политик, лидер Либеральной партии.

³² Там же. Л. 147.

представлял собой «дословное воспроизведение статей австро-сербского торгового трактата»³³.

Отмечу, что Тимирязеву пришлось вести переговоры с четырьмя министрами торговли, начиная их, по сути, каждый раз заново, так как Кабинет считался временным и его члены не хотели брать на себя никаких обязательств. «Переговоры по торговому трактату продвигаются по-прежнему весьма медленно. Сербское правительство до сих пор не высказывало своего окончательного согласия на наши, более чем умеренные требования относительно пошлинного обложения главнейших предметов нашего вывоза — керосина и соленой рыбы», — написал Персиани в донесении 23 марта (4 апреля) 1893 г. Назначенный на место Гвоздича, который ожидаемо покинул свой пост, и, как отметил российский посланник, «очевидно не радел об этом деле», новый министр торговли Кундович возобновил переговоры, а Аввакумович при этом выразил желание, «чтобы вопрос о торговом договоре с Россией поступил на утверждение скупщины одновременно с австро-венгерским трактатом»³⁴.

Важное место в переговорах играл вопрос об установлении постоянного пароходного сообщения между странами как важного элемента противодействия австрийскому влиянию не только в Сербии, но и в регионе в целом. Не случайно и Тимирязев, и Персиани обращали «особое внимание на важное значение услуги, оказываемой Россией Сербии облегчением сбыта сербских товаров по Дунаю, помимо австрийских рук»³⁵. К тому же интерес российского правительства к судоходству по Дунаю было связано с существенным ростом добычи нефти в бакинском нефтяном районе и увеличением ее экспорта (особенно керосина), что позволяло закрепиться на нефтяных рынках не только балканских стран, но и Двуетидной монархии и Германии. Тимирязев особо затронул вопрос о необходимости мер, направленных на то, чтобы сербское пароходство не попало под австрийское влияние. «С этой целью предположено было нами в будущий наш договор, который будет договором торговли и мореплавания, по образцу австрийского, включить взаимное обеих договаривающихся сторон обязательство для развития непосредственных торговых сношений между обоими государствами, приняв все зависящие меры, дабы между подлежащими железнодорожными и судоходными предприятиями последовало в скорейшем времени соглашение относительно прямой связи между пароходными обществами, русским и сербским, на Дунае, и непосредственной передачи перевозимых ими грузов на железнодорожные пути обоих государств, с применением к ним возможных льготных тарифов прямого сообщения и транзитных», — отметил Персиани³⁶.

1 (13) апреля 1893 г. еще не достигший совершеннолетия Александр Обренович, устроил государственный переворот, свергнув регентов, и взял власть в свои руки. Радикалы, ненадолго вернувшиеся во власть, поспешили закончить переговоры с Россией. Сербы приняли все русские условия и в октябре 1893 г. договор о торговле и судоходстве (на русском и сербском языках) был подписан. От России его завизировали Персиани и Тимирязев, а от Сербии — министр торговли Р. Милошевич и министр иностранных дел А. Николич.

³³ Там же. Д.8920. Л. 152.

³⁴ Там же. Л. 162. Персиани подчеркнул: «По примеру австрийского и германского договоров, которые редактируются по-немецки и по-сербски, текст нашего договора мог бы быть изложен не по-французски, а по-русски, на что сербы изъявили свое согласие» (Там же. Л. 111).

³⁵ АВПРИ. Д. 9018 Л. 161–162.

³⁶ Там же. Л. 163.

В договоре указывалось, что сербское правительство «удерживает за собой право ввести государственную монопольную продажу следующих предметов: петроля, папиросной бумаги, зажигательных спичек и спирта из зерна и патоки добываемого». Для экономических, а вместе с тем и политических интересов Петербурга особенно были важны девятая и десятая статьи, в которых указывалось, что русские и сербские суда «независимо от происхождения и назначения их груза, пользуются всеми преимуществами, дарованными судам наиболее благоприятствуемой страны и их грузам»³⁷. Тогда же, помимо договора, в Белграде была подписана важная не только для российских, но для сербских экономических интересов «Декларация относительно установления прямой связи между русским и сербским обществами пароходства по Дунаю», предусматривающая перегрузку перевозимых ими грузов на железные дороги двух государств по льготному тарифу³⁸. По настоянию Персиани на должность агента Дунайского пароходства назначили драгомана посольства Юркевича, по словам русского посланника «неоднократно заявившего умелым содействием развитию наших торговых связей с Сербией, ладя со всеми партиями, что политически важно»³⁹. Приложение к договору устанавливало пониженные пошлины на ввоз в Сербию соленой рыбы, керосина и чая из России в обмен на льготный тариф на ввоз сербского чернослива.

9 января 1894 г., нарушив все договоренности, в Белград вернулся Милан Обренович, что означало для Петербурга крах надежд на изменение внешнеполитического курса балканской страны и стабилизацию русско-сербских отношений. Таким образом, это соглашение, что важно, заключенное «без определения для него срока с представлением каждой из договаривающихся сторон заявить за 12 месяцев о желании прекратить действие договора», осталось одним из немногих факторов сохранения российского политического влияния и противодействия австро-фильской политике Милана Обреновича и его сына. К тому же в 1895 г. кабинет Н. Христича вынужден был заключить в Карлсбаде с рядом западноевропейских банков кабальное для страны соглашение о займах, что ставило основные источники сербских государственных доходов в зависимость от иностранных держав. Таким образом торговля с Россией, несмотря на все сложности политических отношений в конце XIX в., становилась важным элементом развития страны. К началу XX в. товарооборот между странами существенно вырос. Посланник в Белграде Н.В. Чарыков указал, что на русских и сербских пароходах к окончанию навигации 1901 г. было перевезено: рыбы — 122809 кг, минерального масла — 42684 кг, чая — 560 кг, мануфактурных товаров — 407 кг, смазочных масел для ружей — 6321 кг, книг — 228 кг, «и сверх того, последним экстренным рейсом — два вагона минерального масла и 14 ящиков чая. Вниз по Дунаю, в Россию было отправлено 2800 кг сливы. На март 1902 г. заявлено вниз по Дунаю 50000 кг сахарной патоки и крупные партии мясных продуктов»⁴⁰. Кроме того, к открытию навигации 1902 г. планировалось установить прямое сообщение «между всеми станциями сербских железных дорог и пристанями сербской, а следовательно русской пароходных линий»⁴¹, что позволяло доставлять сербские ячмень и кукурузу, в том числе и на английские пароходы в порту Браилов. Таким образом, русско-сербский торговый договор, в противовес Вене, значительно расширил транзитную торговлю страны,

³⁷ Там же л. 169

³⁸ Там же. Л. 169.

³⁹ Там же. Л. 157.

⁴⁰ АВПРИ. Д. 9029. Л. 140.

⁴¹ Там же. Л. 140.

открывая Сербии двери на другие европейские рынки. Н.В. Чарыков сообщил: «Французский делегат в управлении сербских монополий высказал мне, что сербы поступают весьма разумно, открывая себе по Дунаю доступ к западноевропейским рынкам, так как благодаря этому может осуществиться подъем экономического положения Сербии, столь необходимый для оздоровления ее финансов»⁴².

Трагические события 29 мая (11 июня) 1903 г. — убийство короля Александра Обреновича — коренным образом изменили и русско-сербские отношения, принявшие с этого времени характер стратегического партнерства, а экономическое сотрудничество стало определяться в том числе военными целями и интересами, тем более что традиционное австрийское влияние существенно снизилось. В страну начал проникать крупный русский капитал. Это иллюстрируется примером масштабной российской инвестиции в Сербию, которую можно считать единственным до 1917 г. крупным вложением в экономику балканской страны — строительством делового центра «Страховое общество Россия». Это когда-то самое высокое здание в Белграде — нынешний отель «Москва», которое и сегодня является одной из главных достопримечательностей и самым узнаваемым зданием сербской столицы, строилось с 1906 г. по проекту архитектора из Земуна Йована Илкича и российского инженера немецкого происхождения Павла Бергштрессера с использованием новейших технологий. В январе 1908 г. величественное семиэтажное здание было торжественно открыто. Сооружение здания обошлось в 2 млн руб. Новым крупным сербско-российским стратегическим проектом, вызвавшим серьезную озабоченность Австро-Венгрии, стало начало строительства в канун балканских войн железной дороги в юго-восточной Сербии, связавшей г. Ниш с дунайской пристанью Прахово⁴³. Ее инициатором и проектировщиком стал инженер и журналист Иероним Павлович Табурно⁴⁴. Причем строительство этой дороги можно рассматривать в контексте обсуждавшегося с 1909 г. европейского проекта строительства Дунайско-Адриатической железнодорожной линии, что вызвало глубокие политические разногласия между Россией, Германией, Австро-Венгрией, Италией и Турцией с одной стороны, Сербией и Черногорией, с другой. Дорогу вследствие глубоких противоречий так и не построили.

Предвидение не обмануло талантливого русского инженера. Начавшаяся вскоре Первая мировая война показала важность русского экономического присутствия в дунайском регионе и использования сербских речных портов в военных интересах России и ее союзников. В течение 1914–1915 гг. корабли дунайского пароходства перевозили оружие и военные материалы в воюющую Сербию, а оплату сербских военных заказов осуществляло его представительство в Одессе.

⁴² Там же. Л. 140.

⁴³ См. Докладная записка инженера И.П. Табурно председателю Совета министров и министру финансов о мерах для поднятия торгово-промышленных оборотов России на Балканском полуострове. 1912 г. // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/357639>.

⁴⁴ Табурно Иероним Павлович (1862–1913) — русский инженер и военный журналист. Родом из Боки Которской (Рисань). Один из проектировщиков Транссибирской железной дороги. Свои идеи по развитию Дальневосточного региона он изложил в книге «Как наилучшим образом обеспечить свободное развитие России на Дальнем Востоке и неприкосновенность ее границ» (СПб., 1908). Как инженер внес большой вклад в развитие угольной отрасли на Донбассе. В качестве корреспондента «Нового времени» был свидетелем событий Русско-японской войны, о чем написал книгу «Правда о войне» (СПб., 1905). В 1912 г. в качестве корреспондента освещал события Первой балканской войны, изложив их затем в книге «О сербских битвах. Впечатления очевидца войны сербов с турками в 1912 г.» (СПб., 1913). Был редактором газеты «Вечер».

Отмечу, что российская дипломатия не всегда правильно-оценивала изменения, произошедшие в мире конце XIX – начале XX в. В период бурного развития индустриального общества, капиталистической модернизации и этики индивидуализма архаические «единоверие» и «единоплеменность» как традиционные факторы российского влияния на Балканах были уже недостаточны. Петербургскому кабинету, чтобы сохранить статус покровителя славянского мира, приходилось искать новые, соответствующие реалиям времени, политические рычаги воздействия на формирующиеся элиты не только Сербии, но и других молодых балканских стран. И экономический элемент играл в них не самую последнюю роль. Однако, несмотря на подписанный в 1893 г. торговый договор, Российской империи не удалось получить абсолютное преобладание на сербском рынке, к тому же деятельность Черноморско-Дунайского пароходства в силу как объективных, так и субъективных обстоятельств оставалась убыточной. В начале XX в. на долю Двуетной монархии по-прежнему приходилось 89,88% сербского вывоза и 60,04% ввоза. Товарооборот же Сербии с Россией составлял всего лишь 1,45% ввоза и 0,02% вывоза⁴⁵. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что экономический фактор, являясь важной составной частью балканской политики России конца XIX – начала XX в., требует своего специального исследования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495.

Москва–Сербия, Белград–Россия. Сборник документов и материалов. М.; Белград, 2012. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи 1878–1917. 703 с.

Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. www.prlib.ru.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Данченко С.И. Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., ИСБ РАН, 1996. 420 с.

Михайлова А.А. Роль иностранного и отечественного факторов в промышленной модернизации Сербии в XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (124). С. 125–140.

Павлюченко О.В. Россия и Сербия: 1888–1903 (дипломатические отношения, общественные связи). Киев, Наук. Думка, 1987. 129 с.

Поповић Н. Трговина између Србије и Русије (19 век) // Руски добовольци у Србији. Тематски зборник радова. Руски научни институт: Центар за руске и источноевропске студије М. Јовановић Филозофског факултета Универзитета у Београду; Институт славяноведения Российской академии наук, Београд, 2022. 200 с.

Раич С. Милан Пирочанац, Стоян Новакович и Владан Джорджевич – интеллектуальная «троица» сербских напредняков (прогрессистов) о славянской взаимности. // Историки-слависты МГУ. М., Институт Славяноведения РАН, 2011. Кн. 8. Славянский мир в поисках идентичности: В ознаменовании 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи. 1172 с.

Шемьякин А.Л. Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е годы) // Славянские народы: общность истории и культуры М., Индик 2000. 488 с.

Perović I. Politička elita I modernizacija u prvoj deceniji nezavisnosti Srpske države // Srbija u modernizacijskim procesima. XX veka. Beograd, Institut za noviju istoriju Srbije, 2018. 452 s.

Рукопись поступила в редакцию 22.03.2023

Рукопись принята к печати 12.04.2023

⁴⁵АВПРИ. Д. 8912. Л. 10.

REFERENCES

- Danchenko S.I. Razvitie serbskoj gosudarstvennosti I Rossiya. 1878–1903. Moscow, ISB RAN, 1996, 420 p. (In Russ.)
- Mihajlova A.A. Rol' inostrannogo I otechestvennogo faktorov v promyshlennoj modernizacii Serbii v XIX v. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*, ser. 2, Gumanitarnye nauki, 2014, no. 1 (124), pp. 125–140. (In Russ.)
- Pavlyuchenko O.V. Rossiya I Serbiya: 1888–1903 (diplomaticheskie otnosheniya, obshchestvennye svyazi). Kiev, Nauk. Dumka Publ., 1987, 129 p. (In Ukr.)
- Perović I. Politička elita I modernizacija u prvoj deceniji nezavisnosti Srpske države. *Srbija u modernizacijskim procesima*. Beograd, 2018, 452 p. (In Srb.)
- Popović N. Trgovina između Srbije I Rusije (19 vek). Ruski dobrovoljci u Srbiji. *Tematski zbornik radova*. Centar za ruske i istočnoevropske studije M. Jovanović Filozofskog fakulteta Univerziteta u Beogradu; Institut slavyanovedeniya Rossijskoj akademii nauk, Beograd, 2022, 200 p. (In Srb.)
- Raich S. Milan Pirochanac, Stoyan Novakovich I Vladan Dzhordzhevich – intelektual'naya «troica» serbskih naprednyakov (progressistov) o slavyanskoj vzaimnosti. *Istoriki-slavisty MGU: M., Institut Slavyanovedeniya RAN? kn. 8: slavyanskij mir v poiskah identichnosti: V oznamenovanie 70-letiya kafedry i 175-letiya uchrezhdeniya slavisticheskikh kafedr v universitetah Rossijskoj imperii*. Moscow, 2011. 1172 p.
- Shemyakin A.L. Serbiya na perelome. Obretnenie nezavisimosti I problema modernizacii (1880-e gody). *Slavyanskije narody: obshchnost' istorii I kul'tury*, Moscow, Indrik 2000, 488 p. (In Russ)

Received on 22.03.2023

Accepted on 12.04.2023

Информация об авторе:

Вишняков Ярослав Валерианович
доктор исторических наук, профессор
МГИМО МИД России
г. Москва, Российская Федерация
ORCID ID: 0000-0002-2316-7116
E-mail: vishnyakov@yandex.ru

Information about the author:

Yaroslav V. Vishnyakov
DSc. (History), Professor
MGIMO MFA of Russia
Moscow, Russian Federation
ORCID ID: 0000-0002-2316-7116
E-mail: vishnyakov@yandex.ru

Славяноведение, 2023, № 5, с. 20–28

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 5, pp. 20–28

DOI: 10.31857/S0869544X0027862-1

Оригинальная статья / Original Article

Проблема идентичности интернированных в условиях крушения Российской империи

© 2023 г. Н. В. Ростиславлева

Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Российская Федерация)

ranw@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается самоидентификация гражданских плен­ных, бывших подданных Российской империи. 3 марта 1918 г. был подпи­сан Брест-Литовский мирный договор. На территории Германской империи к тому моменту находилось около 1,5 млн военнопленных и 50 тыс. интер­нированных, которых надо было возвращать на родину. Этим вопросом за­нималось Бюро по делам военнопленных и интернированных. В фондах ГА РФ имеются материалы Генерального консульства РСФСР в Берлине, позво­ляющие судить об особенностях взаимодействия этнической и гражданской идентификации интернированных и беженцев. Среди беженцев были лица с немецкими паспортами, в которых указывалось, что их владельцы либо эт­нические русские, либо поляки, литовцы, эстонцы, но они все «хотели бы вернуться в Россию». Интернированные с оккупированных областей могли заявить о желании вернуться в Россию в отличие от военнопленных, но воз­ник вопрос как отделить гражданских плен­ных с территорий, контролиру­емых советским правительством (Гроссруссланд), от лиц с территорий, ок­купированных с начала апреля 1918 г. Главный критерий разделения – место рождения, но нередко стремление вырваться из плена заставляло гражданских плен­ных отказываться от своей этнической принадлежности, чтобы быстрее покинуть лагерь. Представляется, что вполне корректно в условиях круше­ния Российской империи и послевоенного урегулирования говорить о ситу­ативном гражданстве и ситуативной идентичности. Политика – тот фактор, который заставлял отдельные группы интернированных проявлять апатию. Представители РСФСР были серьезно озабочены доставкой в лагеря пропа­гандисткой литературы, чтобы не растерять бывших подданных Российской империи и сделать их советскими гражданами.

Ключевые слова: интернирование, репатриация, гражданство, этничность, ситуативная идентичность.

Ссылка для цитирования: *Ростиславлева Н. В.* Проблема идентичности интер­нированных в условиях крушения Российской империи // *Славяноведение*. 2023. № 5. С. 20–28. DOI: 10.31857/S0869544X0027862-1

The Identity Problem of Internees During the Collapse of the Russian Empire

© 2023. Natalia V. Rostislavleva

Russian State University for the Humanities
(Moscow, Russian Federation)

ranw@mail.ru

Abstract. The article deals with the self-identification of civilian prisoners, former subjects of the Russian Empire. On March 3, 1918, the Brest–Litovsk Peace Treaty between the Soviet Russia and the Central Powers was signed. By that time, about 1.5 million prisoners of war and 50 thousand internees were on the territory of the German Empire, who had to be returned to their homeland. This issue was dealt with by the Bureau of Prisoners of War and Internees. The State Archive of the Russian Federation (GA RF) contains materials from the Consulate of the Russian Soviet Federated Socialist Republic (RSFSR) in Berlin, which describe the peculiarities of the interaction between ethnic and civil identification of internees and refugees. Among the refugees there were persons with German passports, which indicated that their owners were Russians, Poles, Lithuanians, Estonians, but they all «want to return to Russia». It was perfectly acceptable for internees from the occupied regions to declare their desire to return to Russia, which was not applied to prisoners of war. Another aspect of the problem is the process of separation, which began in April 1918, which divided the internees into the category of persons from the soviet territories and another category from the occupied territories. This process was driven not systematically, but rather chaotically. The main criterion for separation was the place of birth, but the striving to extract themselves from the gripe of captivity forced the denying the internees' ethnicity, because then they could leave the camp faster. It seems that it is quite correct to speak about situational citizenship in the context of the collapse of the empire and the post-war settlement. Political reality was the factor that forced certain groups of internees, for example, students, to be apathetic. Therefore, representatives of the Russian consulate were seriously concerned about the delivery of propaganda literature to the camps in an attempt not to lose the former subjects of the Russian Empire and to make from them the Soviet citizens.

Keywords: internment, repatriation, citizenship, ethnicity, situational identity.

For citation: Natalia V. Rostislavleva. The Identity Problem of Internees During the Collapse of the Russian Empire // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. № 5. P. 20–28. DOI: 10.31857/S0869544X0027862-1

Конструирование идентичности – одна из актуальных проблем исторического знания, которая обретает особое значение в условиях переломных событий. Она интересовала исследователей, начиная с конца XVII в. Уже Г.В. Лейбниц (1646–1716) видел различие между «реальной» и «персональной/моральной» идентичностью, понимая под последней определенные формы самосознания, самоконтроля, самоуверенности. Связь идентичности индивидуума с процессом перцепции, как отметила А. Ассман, превращает ее в «реальную», т.е. идет процесс выстраивания ассоциативного ряда в сознании с опорой на собственный опыт и состояние психики [Assmann 2020, 67–68]. В конце XX – начале XXI в. в связи с глобализацией был поднят вопрос о плюрализме идентичностей и о внутренней структуре данного феномена. П. Рикер (1913–2005) выделил два полюса идентичности *idem* и *ipse*. *Idem* – идентичность как тождественность, не изменяющаяся со временем (принадлежность к определенной группе), а *ipse* – идентичность как самость, которая

определяется индивидуальностью, меняющейся с течением времени [Рикер 2008, 144–155]. Изучением грамматики идентичности занимается довольно давно А. Ассман. Она отметила важный вклад в историографию проблемы теоретиков методологии истории понятий, рассматривающих идентичность в контексте группы терминов – идентичность, память, культура, уточняя, что в 1990-е годы все эти термины изменили смысл, а идентичность простирается от индивидуальной до коллективной, которая может быть предметом изучения психологов, социологов, политиков [Assmann 2020, 71–72]. Связь идентичности с чувством принадлежности и отношением лояльности также находится в фокусе внимания Ассман. В данной статье рассмотрены версии идентичности и выбора гражданства, которые во многом определялись чувством принадлежности, вызовами ситуации и политическими ориентирами.

В годы Первой мировой войны интернирование стало глобальным феноменом и затронуло все воюющие страны. Проблемам интернирования в глобальном плане посвящены работы английского историка М. Стиббе [Stibbe 2019]. В данной статье под интернированием понимается ограничение в правах гражданского населения враждебных государств (*enemy aliens*). В основном ему подвергались мужчины призывного возраста и бывшие военные. Формы интернирования в различных государствах отличались. На территории Германской империи интернированные находились в лагерях гражданских и военных пленных, но существовали также гражданские пленные, пребывавшие вне лагеря, их в современных исторических трудах принято называть конфинированными [Ростиславлева 2020, 83–85]. В литературе и источниках термин «интернирование» используется также в отношении военнопленных, которых по причинам психического и физического здоровья депортировали в нейтральные страны, и уже там они обретали соответствующий статус¹ [Шатохина-Мордвинцева 2018, 204–220].

3 марта 1918 г. был подписан Брест-Литовский мирный договор между советской Россией и Центральными державами. Как указывается в документах фонда «Центропленбеж»², на территории Германской империи к тому времени находились около 2,5 млн военнопленных и 50 тыс. интернированных, которых надо было возвращать на родину³. В Берлине было создано Генеральное консульство РСФСР, при нем функционировало Бюро по делам русских пленных за границей. Именно так названа данная структура в документах ГА РФ 24 апреля 1918⁴. В литературе встречается также название «Консульский отдел Полномочного Представительства в Германии» [Лазаренко 2021]. В документах ГА РФ указано, что руководил отделом военных и гражданских пленных при Генеральном консульстве РСФСР атташе С.М. Семков⁵. Аналогично названа занимаемая им на тот момент должность и в современных публикациях [Лазаренко 2022]. С 1 мая 1918 г. защита и забота об интернированных перешла полностью от испанского посольства в ведение Генерального консульства РСФСР, а С.М. Семков выступил организатором инспекций лагерей

¹ Sächsisches Hautstaatsarchiv Dresden. Bd. 11350. Nr. 118; Bd. 11352. Nr. 555.

² Фонд является частью общего фонда «Центральное управление по эвакуации населения (Центроэвак)» наркомата внутренних дел РСФСР

³ ГА РФ. Л. 1–2. Данная цифра относится к тому времени, когда в число военнопленных и интернированных включали всех пребывавших в военном и гражданском плену подданных Российской империи на территории Германии.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Там же.

гражданских пленных. Его докладные записки — ценный материал для изучения положения российских интернированных в Германии в 1918 г. Также эти документы раскрывают особенности взаимодействия процессов этнической и гражданской идентификации указанных лиц.

Пристальное внимание гражданским пленным уделялось и в связи с политической ситуацией. Семков предположил, что «волна военнопленных может затопить Советскую республику. Военнопленные могут оказаться прекрасным материалом для контрреволюции», поэтому для оказания им помощи необходимы аппарат и колоссальная материальная и медицинская помощь⁶. Таким образом, со стороны советского государства осознавался масштаб задачи: шла борьба также и за интернированных. Представители гуманитарных организаций, прежде всего национальных комитетов Красного Креста, советовали, как можно скорее позаботиться о них. Семков цитировал представителя датского Красного Креста, который заявил: «Если не хотите иметь врагов революции, то Вы должны прийти на помощь»⁷, т.е. имели место политические основания для активизации работы с интернированными.

Семков составил анкету из 13 пунктов, которую собирался распространить среди военнопленных и, по-видимому, среди интернированных. Наряду с фамилией, именем и отчеством требовалось указать национальность, родной язык, место проживания до того, как они попали на фронт и пожелания, куда бы они хотели вернуться⁸. Как видно из анкеты, язык и национальность не просто принимались во внимание, а были в приоритете. В условиях крушения многонациональной Российской империи проблемы этничности, национальной идентичности не затушевывались, однако политическое противостояние оказывало влияние на их решение. В историографии существует точка зрения о том, что в то время также решался вопрос о реструктуризации имперских пространств, возникали пограничные проблемы, которые, безусловно, переплетались с вызовами политики и этничности [Ланник 2021, 146–147].

Представители Советской России понимали: скорее всего, не все интернированные хотели вернуться. В докладных записках Бюро по военнопленным и интернированным отмечено: «Официальная (германская. — *Н.Р.*) пресса изо дня в день вторит, что военнопленные сами не хотят возвращаться домой»⁹. Семков сравнил борьбу за людей с фронтовым сражением, поскольку нередко он получал ответы «полные ненависти и злобы к нашему (советскому. — *Н.Р.*) правительству»¹⁰, но, тем не менее, информацию германской дипломатии в публичном пространстве о желании интернированных остаться в Германии назвал ложью «от начала и до конца»¹¹.

Германия действительно противодействовала репатриации, и не только по политическим соображениям, скорее по экономическим, так как труд гражданских пленников активно использовался в немецких хозяйствах¹², хотя вне лагерей это и запрещалось. Поэтому, как отметил Семков, нужно контролировать находившихся в лагерях гражданских пленников, активно распространять литературу из

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 44.

¹² Sächsisches Hauptarchiv Dresden. 11348. Nr. 2625. Bl. 21–30.

России и так организовать репатриацию (музыка, знамена), «чтобы расположить пленных к новому госстрою Рабочей и Крестьянской республики»¹³.

В докладных записках Бюро по работе с военнопленными и интернированными всячески подчеркивалось стремление бывших подданных Российской империи вернуться, упоминалась «жажда и сверхчеловеческая тяга возврата на родину»¹⁴. Ранней весной 1918 г. между Германией и Францией в Берне было заключено соглашение об ускоренном возвращении французских плен-ных [Delpal 2006, 149], это психологически сыграло против РСФСР, которая не проявила должной оперативности в деле репатриации. Таким образом, вопрос о гражданстве и вектор самоидентификации отчасти зависел и от оперативности и слаженности работы Бюро по военнопленным и интернированным ГК РСФСР в Берлине. Выигрывал тот, кто быстрее и лучше организовывал репатриацию.

Позиция России: если русские, интернированные на аннексированных территориях, желают все-таки вернуться в Россию, «мы обязаны им помочь»¹⁵. Тем более, что в докладных записках Семкова и его коллег подчеркивалось тяжелое положение российских интернированных: правовой гнет и насилие со стороны Германии; материальная нужда и «желание немедленного возвращения на Родину (Родина всегда в этих докладных записках была написана с большой буквы. — *Н.Р.*); необходимость наладить переписку с родными»¹⁶. С одной стороны, помощь в решении этих проблем означала удовлетворение нормальной потребности людей, с другой — контроль за ними, так как проводился анализ переписки: «Письма интернированных граждан раскрывают перед нами мир страданий и человеческого унижения. То, что казалось им вчера, что заключенный мир между Россией и Германией станет для них миром освобождения, становится миром разочарования и безнадежности»¹⁷. Семков полагал: существуют веские причины для скорейшей репатриации гражданских пленных.

В фокусе внимания отдела по делам военнопленных и интернированных находились лица с оккупированных территорий. Они приходили в Бюро по делам русских пленных за границей и, как сообщалось в докладной записке 23 мая 1918 г., не хотели оставаться в Германии: «Все жаждут возвращения в Россию»¹⁸. Среди них преобладали поляки, латыши, эстонцы. Сотрудники Бюро разработали алгоритм работы с ними: требовалось заполнить заявление, что «они считают себя русскими гражданами и просят содействия в переезде на Родину»¹⁹. Выделялось два типа таких граждан: лица, у которых в немецких паспортах указано, что они русские граждане; лица, у которых там указано, что они либо поляки, либо литовцы или эстонцы. Вторым предлагалось заполнить заявление, что они желают «перейти в русское гражданство»²⁰. Позиция Германии по этому вопросу, видимо, была нейтральной, а для Советской России, как докладывал Семков, профессиональный «состав подходящий»: преобладали металлисты и ткачи. Их мотивация перехода в русское гражданство предельно проста: они живут впроголодь, поэтому в условиях крушения

¹³ ГА РФ. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 8, 17.

¹⁵ Там же. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 5.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 20.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

Российской империи готовы были стать гражданами того государства, которое оказало бы им хоть какую-то поддержку. В частности, Семков указал, что они «нуждаются в помощи в размере от 10 до 50 марок. Мы же стараемся рассеять у них иллюзии скорейшего возвращения на родину»²¹. В данном случае родина написана с маленькой буквы и главный посыл — они ждут помощи, так как сами не могут выбраться, им надо помогать, а иначе вместо дружелюбия получим «проклятия по нашему адресу»²².

Несмотря на серьезные проблемы с продовольствием в Петрограде и Москве, Семков настаивал на безотлагательной помощи потенциальным российским гражданам. Причем в докладных записках звучало требование точно установить, кто несет издержки за пленных украинцев и других не русских»²³. Интернированные с оккупированных областей, в отличие от военнопленных, имели право заявить о желании вернуться в Россию. Но вопрос о возможности подобной практики для военнопленных поднимался²⁴. Таким образом, в данных сюжетах отчетливо просматривались основания для выбора гражданства и идентичности — это тяжелая материальная нужда и стремление незамедлительно получить хоть какую-то помощь, т.е. возникла ситуация выбора самоидентификации в обмен на последующую лояльность советскому режиму.

Поднимался и вопрос как отделить интернированных этнических русских и пленных, проживавших до войны на территориях, находящихся под контролем РСФСР: в документах они обозначались как пленные, относящиеся к «Гроссруссланд»²⁵, от лиц с оккупированных территорий. Работа по дифференциации началась с апреля 1918 г., но проходила не систематически, не планомерно, а довольно хаотично. Главный критерий разделения — место рождения. Как указано в материалах Центропленбеж, «тот украинец, кто родился на Украине»²⁶. В лагерях гражданских пленных русские и украинцы проживали в разных бараках, но это правило соблюдалось не всегда. Определенную роль играла и индивидуальная самоидентификация. Как заявил один гражданский пленный из лагеря интернированных Хавельсберг, «что он согласен принадлежать к любой области, лишь бы вырваться из плена» и «накрыть немецкое начальство»²⁷. Учитывая, что репатриация гражданских пленных организовывалась в первую очередь, то таким интернированным нередко удавалось покинуть лагерь.

Сложные ситуации с определением национальной идентичности были и среди военнопленных. С.С. Ипполитов отметил, что гуманитарные и геополитические процессы после завершения Первой мировой войны и в условиях распада империй приводили к насильственной идентификации. Так, когда в русском лагере военнопленных комендант получил предписание выделить всех уроженцев Украинской республики и отправить их в украинский лагерь, то «украинцы категорически заявили, что они русские», поскольку к ним были отнесены уроженцы Воронежской, Курской губерний и областей Войска Донского и Кубанского [Ипполитов 2019, 75].

Летом 1918 г. помощь, которую оказывало ГК РСФСР (например, Семков оставил при посещении Хавельсберга 5 000 марок), была целевой

²¹ Там же. Л. 24.

²² Там же. Л. 21.

²³ Там же. Л. 22.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 22, 26.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 35.

и предназначалась только для гражданских пленных с территории РСФСР, которые вскоре покинули Германию. Что же касается «остальных», представляется, что в условиях крушения Российской империи и послевоенного урегулирования РСФСР предоставляла широкие возможности выбора гражданства, обеспечивая лояльность таких групп населения и нужный вектор самоидентификации.

Представители РСФСР осуществляли контроль над интернированными гражданами с собственно российских территорий, только с ними им позволялось разговаривать, оказывать помощь и иную поддержку. Однако приветствие советского атташе от имени рабоче-крестьянского правительства не всегда встречало «живой отклик». Политика – тот фактор, который заставлял отдельные группы интернированных, например, студентов, членов партии кадетов проявлять апатию. Поэтому представители Российского консульства были серьезно озабочены доставкой в лагеря пропагандистской литературы, чтобы не «растерять» бывших подданных Российской империи, а сделать их советскими гражданами.

Брест-Литовский мирный договор оказал негативное влияние и на всю российскую гуманитарную деятельность, поскольку союзники Российской империи – страны Антанты – мешали РСФСР решать соответствующие проблемы, что заставило Бернское бюро помощи военнопленным даже обратиться с меморандумом к президенту Вильсону, премьерам Франции, Англии и Италии с просьбой не препятствовать России оказывать помощь [Ипполитов 2019, 73]. Безусловно, военнопленных было намного больше, чем интернированных. О.С. Нагорная указала, что на территории Германии к декабрю 1918 г. находилось 1,2 млн военнопленных из России, а через месяц их число сократилось до 650 тысяч [Нагорная 2010, 82]. Тогда как интернированные составляли не более 50 000, в числе которых 602 женщины и 170 детей [Ростиславлева 2020, 89]. Если сравнить фонды помощи военнопленным и интернированным, то это также не сопоставимые величины. Так, Семков сообщил об ассигновании двухмиллионного фонда для пленных, полмиллиона из которого «тратится на субсидию лагерным комитетам, а также интернированным гражданам»²⁸. Конечно, в решении вопроса о гражданстве и векторе самоидентификации ситуация гражданских и военнопленных перекликается лишь отчасти, поскольку вопрос о репатриации военнопленных решался особо: их обмен должен был быть равнозначным.

Репатриация интернированных проводилась, как уже указывалось выше, в первую очередь. Эшелоны с гражданскими пленными отправились в Россию уже в конце мая 1918 г. ГК РСФСР добивалось для интернированных равных прав с гражданами нейтральных или дружественных государств²⁹. Разрешить вопрос нужно было быстрее, чтобы избежать гуманитарной катастрофы аналогичной возвращению из плена российских военнопленных [Нагорная 2014, 8]. О такой ситуации сообщал С.С. Ипполитов, отметив, что после мировой войны образовались новые государства, геополитические катаклизмы также повлияли на положение военнопленных и это все превратило поток русских военнопленных в настоящую гуманитарную катастрофу [Ипполитов 2019, 77]. Несмотря на то что репатриация интернированных была организована плохо и условия их транспортировки ненамного отличались от перевозки скота³⁰, гуманитарной катастрофы удалось избежать. Большая часть российских

²⁸ Там же. Л. 44.

²⁹ Там же. Л. 45.

³⁰ Там же.

гражданских пленных до конца 1918 г. вернулась на родину как с помощью Советской России, так и индивидуально на собственные средства.

Разрушение идентичности, размывание нравственных устоев и депрессия были присущи русским военнопленным после окончания мировой войны [Ипполитов 2020, 185]. Что касается интернированных, то вопрос об их гражданстве и векторе самоидентификации в условиях крушения Российской империи чаще решался исходя из материального состояния гражданских пленных, а также из их желания поскорее вырваться из плена. Вполне корректно обозначить данное явление как «ситуативная идентичность», которая проявлялась в необходимой лояльности, продиктованной обстоятельствами завершения войны и крушения империй.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
ГК РСФСР – Генеральное консульство РСФСР
Центропленбеж – Центральная коллегия по делам пленных и беженцев

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 10. Д. 4.
Sächsisches Hautstaatsarchiv Dresden. Bd. 11350 (Abwicklungsamt des XII. Armeekorps). Nr. 118; Bd. 11352 (Stellvertretendes Generalkommando des XIX. Armeekorps). Nr. 555; Bd. 11348 (Stellvertretendes Generalkommando des XII. Armeekorps). Nr. 2625.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ипполитов С.С.* «Украинцы категорически заявили, что они русские»: военнопленные Первой мировой войны в европейской политике 1918–1921 гг.» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2019. Т. 5 (71) № 3. С. 68–79.
- Ипполитов С.С.* Русские военнопленные Первой мировой войны как гуманитарная проблема // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2 (50). С. 174–188.
- Лазаренко Е.И.* Дипломатическая деятельность Советской делегации в Москве и Берлине по обмену военнопленных Первой мировой войны в 1918 г. // Культурный ландшафт регионов. 2021. № 1. С. 8–21.
- Лазаренко Е.И.* Докладные записки атташе по делам военнопленных при посольстве РСФСР в Берлине С.М. Семкова как исторический источник // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 1 (125) С. 95–101.
- Ланник Л.В.* Реструктурирование постимперских пространств: уроки и последствия опыта 1918 года // Международная жизнь. 2021. № 3. С. 144–151.
- Нагорная О.С.* «Другой военный опыт». Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М.: «Новый хронограф», 2010. 440 с.
- Нагорная О.С.* Гуманитарные устремления на пепелище великой войны, транснациональные измерения опыта репатриации военнопленных // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2014. Вып. 48. С. 7–15.
- Рикер П. Я* – сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
- Ростиславлева Н.В.* «Был все эти годы, незабываемые годы гражданским пленным № 52»: о статусе русских в Германии в годы Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2020. № 3 (65). С. 79–97.
- Шатохина-Мордвинцева Г.А.* Интернированные военнослужащие и бельгийские беженцы в нейтральных Нидерландах в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2018. № 1. С. 204–220.
- Assmann A.* Die Wiedererfindung der Nation. Warum wir sie fürchten und warum wir brauchen. München: C.H. Beck, 2020. 334 S.

- Delpal B. Zwischen Vergeltung und Humanisierung der Lebensverhältnisse Kriegsgefangene in Frankreich 1914–1920 // *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs*. Leiden: Brill; Schöningh, 2006. S. 147–164.
- Stibbe M. *Civilian Internment during the First World War: A European and Global History, 1914–1920*. London: Palgrave Macmillan, 2019. 314 p.

Рукопись поступила в редакцию 06.06.2023

Рукопись принята к печати 15.07.2023

REFERENCES

- Assmann A. *Die Wiedererfindung der Nation. Warum wir sie fürchten und warum wir brauchen*. München, C.H. Beck Publ., 2020, 334 p.
- Delpal B. Zwischen Vergeltung und Humanisierung der Lebensverhältnisse Kriegsgefangene in Frankreich 1914–1920. *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs*, Leiden, Brill; Schöningh, 2006, pp. 147–164.
- Ippolitov S.S. «Ukraintsy kategoricheski zavavili, chto oni russkiye»: voyennoplennyye Pervoy mirovoy voyny v yevropeyskoy politike 1918–1921 gg.». *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskiye nauki»*, 2019, vol. 5 (71), no. 3, pp. 68–79. (In Russ.)
- Ippolitov S.S. Russkiye voyennoplennyye Pervoy mirovoy voyny kak gumanitarnaya problema. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 2 (50), pp. 174–188. (In Russ.)
- Lannik L.V. Restruktirovaniye postimperskikh prostranstv: uroki i posledstviya opyta 1918 goda. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2021, no. 3, pp.144–151. (In Russ.)
- Lazarenko Ye.I. Diplomaticeskaya deyatel'nost' Sovetskoj delegatsii v Moskve i Berline po obmenu voyennoplennykh Pervoy mirovoy voyny v 1918 g. *Kul'turnyy landshaft regionov*, 2021, no. 1, pp. 8–21. (In Russ.)
- Lazarenko Ye.I. Dokladnyye zapiski attashe po delam voyennoplennykh pri posol'stve RSFSR v Berline S.M. Semkova kak istoricheskiy istochnik. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*, 2022, no 1 (125), pp. 95–101. (In Russ.)
- Nagornaya O.S. «Drugoy voyennyi opyt». *Rossiyskiye voyennoplennyye Pervoy mirovoy voyny v Germanii (1914–1922)*. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2010, 440 p. (In Russ.)
- Nagornaya O.S. Gumanitarnyye ustremeniya na pepelishche velikoy voyny, transnatsional'nyye izmereniya opyta repatriatsii voyennoplennykh. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noy istorii*, 2014, vol. 48, pp. 7–15. (In Russ.)
- Riker P. *Ya – sam kak drugoy*. Moscow, Humanitarina literature Publ., 2008, 416 p. (In Russ.)
- Rostislavleva N.V. «Byl vse eti gody nezabyvayemye gody grazhdanskim plennym № 52»: o statuse russkikh v Germanii v gody Pervoy mirovoy voyny. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2020, no. 3 (65), pp. 79–97. (In Russ.)
- Shatokhina-Mordvintseva G.A. Internirovannyye voyennosluzhashchiye i bel'giyskiye bezhentsy v neytral'nykh Niderlandakh v gody pervoy mirovoy voyny. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2018, no. 1, pp. 204–220. (In Russ.)
- Stibbe M. *Civilian Internment during the First World War: A European and Global History, 1914–1920*. London, Palgrave Macmillan, 2019, 314 p.

Received on 06.06.2023

Accepted on 15.07.2023

Информация об авторе:

Ростиславлева Наталья Васильевна
доктор исторических наук, профессор
Российский государственный
гуманитарный университет
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7784-8390
E-mail: ranw@mail.ru

Information about the author:

Natalia V. Rostislavleva
DSc. (History), Professor
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7784-8390
E-mail: ranw@mail.ru

Славяноведение, 2023, № 5, с. 29–43

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 5, pp. 29–43

DOI: 10.31857/S0869544X0027863-2

Оригинальная статья / Original Article

Закулисная сторона югославской кадровой политики первой половины 1960-х годов

© 2023 г. Ю.В. Шахин

Севастопольский государственный университет
(Севастополь, Российская Федерация)

YVShahin@sevsu.ru

Аннотация. Статья характеризует феномен номенклатурной ротации, предложенной Эдвардом Карделем в 1961 г., и обстоятельства ее введения в Югославии. Ротация предполагала регулярное обновление руководящих кадров для восстановления слабеющего внутрипартийного единства, но вызвала острое недовольство партийно-государственной бюрократии. В итоге было принято решение, что эта система не распространяется на Й.Б. Тито, а для других партийных лидеров гарантией пребывания у власти стал особый механизм сменяемости, придуманный к январю 1962 г. В октябре 1962 г. подготовка к ротации активизировалась, а в высшем партийном руководстве проявились разногласия: Тито и Кардель настаивали на увеличении влияния республик на выработку кадровых решений, а Ранкович был против. Однако к февралю 1963 г. ему удалось частично восстановить влияние союзного центра на кадровые решения республик. Этому способствовало ухудшение отношений Тито и Карделя. Номенклатурная ротация предполагала аппаратную расстановку кадров на основании заранее составленных планов их движения на несколько лет вперед, в том числе и на выборные должности, и секретно готовилась в партийных отделах кадров. Возрождался номенклатурный принцип второй половины 1940-х годов, но в более сложной форме. В политической борьбе усилилась роль партийного аппарата и особенно кадровых комиссий. Номенклатурной ротации постоянно мешали две проблемы. Во-первых, авторитетные партийные функционеры могли изменить свое мнение и отказаться от предложенных им должностей. Во-вторых, назначения на выборные должности вступали в конфликт с избирательной системой Югославии.

Ключевые слова: Югославия, кадровая политика, партийно-государственная бюрократия, выборы, внутрипартийная борьба.

Ссылка для цитирования: Шахин Ю.В. Закулисная сторона югославской кадровой политики первой половины 1960-х годов // *Славяноведение*. 2023. № 5. С. 29–43. DOI: 10.31857/S0869544X0027863-2

Behind the Scenes Side of Yugoslavian Personnel Policy in the First Half of 1960s

© 2023. Yuri V. Shakhin

Sevastopol State University
(Sevastopol, Russian Federation)

YVShahin@sevsu.ru

Abstract. The article characterizes the phenomenon of nomenclature rotation proposed by Edvard Kardel in the year of 1961 and the circumstances of its introduction in Yugoslavia. Previous researchers described its external consequences only. Rotation meant the regular replacement of leading personnel in order to restore weakening inner-party unity, but it caused a sharp discontent among the party and state bureaucracy. Finally Tito was excluded from rotation system, and the special mechanism of rotation, invented by January 1962, became a guarantee of staying in power for other party leaders. In October 1962 preparations were stepped up, but high party leadership demonstrated disagreements: Tito and Kardel insisted on higher role of republics in personnel decisions, and Rankovich was against it. In February 1963 Rankovich managed to partly restore the federal influence on personnel decisions in republics. Deteriorated relations between Tito and Kardel facilitated to this result. The nomenclature rotation assumed the apparatus placement of personnel on the basis of pre-drawn plans for their movement for several years ahead including elected posts. It was secretly prepared in the party personnel departments. A return to the nomenclature principle of the second half of the 1940s, but in a more complex form took shape. The role of party apparatus and personnel commissions in particular strengthened in the political struggle. Two problems regularly interfered to nomenclature rotation. Firstly, reputable party functionaries could refuse positions offered to them. Secondly, appointments to elective positions came into conflict with the electoral system of Yugoslavia.

Keywords: Yugoslavia, personnel policy, party-state bureaucracy, elections, inner-party struggle.

For citation: *Yuri V. Shakhin. Behind the Scenes Side of Yugoslavian Personnel Policy in the First Half of 1960s // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No. 5. P. 29–43. DOI: 10.31857/S0869544X0027863-2*

Изучая документы первой половины 1960-х годов в Архиве Югославии, я столкнулся с явлением номенклатурной ротации. К этим материалам исследователи обращались и раньше, но либо не обратили на проблему внимания, либо она их почему-то не заинтересовала, поэтому до сих пор остается неизученной. Общепринятой терминологии для обозначения этого явления не существует, потому я предлагаю термин «номенклатурная ротация», который и использую в данной статье. Правда, в югославской печати начала 1980-х годов существовал термин «горизонтальная ротация», но он отражает не сущность, а лишь внешнюю сторону явления, да к тому же фактически неточен — вертикальных перемещений между республиканским и союзным уровнем такая ротация не исключала. Речь пойдет о тайной, закулисной стороне кадровой политики в Югославии.

К концу 1950-х годов руководство Союза коммунистов Югославии все чаще сталкивалось с конфликтами в рядах партийно-государственной бюрократии. Республиканские чиновники, подключая ответственных партийных руководителей, боролись с союзными органами за распределение средств. Меры по укреплению кадровой работы в СКЮ, предпринятые во второй половине 1950-х годов, оказались недостаточными, чтобы восстановить партийную

дисциплину и обеспечить проведение единой линии при реализации принятых решений. В этих условиях партийные лидеры задумались, как сократить количество конфликтов в рядах партийно-государственной бюрократии и восстановить ее пошатнувшееся единство.

Два решения для этой проблемы в 1961 г. предложил ведущий партийный теоретик Э. Кардель. Прежде всего, он полагал, что конфликты на почве распределения средств можно устранить благодаря «автоматическому» экономическому механизму, исключаящему «политический фактор» из принятия решений. Для этого нужно дать самостоятельность хозяйственным организациям и осуществлять инвестиции через банки. Соответствующие идеи Кардель активно развивал перед Союзной скупщиной весной 1961 г., да и в последующие годы¹. Второе решение — это ротация, предполагающая регулярное обновление руководящих кадров, запрет на совмещение должностей и ограничение сроков пребывания на них. Эту идею Кардель выдвинул в процессе работы над новой конституцией Югославии в качестве главы сформированной в декабре 1960 г. комиссии по конституционным вопросам Союзной скупщины, и впервые обобщал осенью 1961 г.

Новые принципы кадровой политики должны были, по мнению Карделя, сократить количество местнических и ведомственных конфликтов в среде партийно-государственной бюрократии. В ноябре 1961 г. он писал, что медленное обновление руководящих кадров провоцирует рутинерство, падение инициативы, различные противоречия, а также тормозит обмен кадрами между федеративным центром и республиками, с одной стороны, и республиками, коммунами и срезами (уездами) — с другой. «Отсюда явление, что многие республиканские кадры недостаточно знают проблематику на уровне федерации и наоборот, что иногда создает ненужные трудности в отношениях федерации и республик»², а ротация устранил эти проблемы. В марте 1962 г. на расширенном заседании Исполкома ЦК СКЮ Кардель прямо утверждал, что источник политических разногласий в высшем руководстве — это именно отсутствие ротации³. В сентябре 1962 г. в докладе в Союзной скупщине, представляя проект новой конституции, Кардель почти дословно повторил аргументы годичной давности и сказал, что медленное кадровое обновление руководящих органов ведет к различным негативным последствиям: «Очень медленно осуществляется обмен кадров между федеративным центром и республиками, с одной стороны, и республиками, срезами (уездами) и коммунами, с другой стороны, а также между экономико-управляющими и политическими должностями и наоборот. Отсюда явление, что многие республиканские кадры недостаточно знают проблематику на уровне федерации и наоборот, что иногда создают ненужные трудности в отношениях между органами федерации и органами республик, некоторые кадры слишком теряются в экономическом, а другие в организационно-политическом практицизме»⁴. Итак, ротация должна была стать лекарством от политической деформации государственных руководителей. Кардель своего добился: ротацию в государственных органах закрепила конституция, принятая в апреле 1963 г., а в СКЮ — новый устав, одобренный в декабре 1964 г. VIII съездом.

¹ *Kardelj E. Izbor iz dela*, 69–70, 78, 79, 161.

² А.Ф. 507/III. Предмет 87: Prilog 1. Л. 50.

³ *Početak kraja SFRJ*, 197, 199.

⁴ *Kardelj E. Novi ustav*, 114.

Но в ходе воплощения в жизнь она пережила удивительную, хотя и закономерную трансформацию, так как сразу вызвала сопротивление у партийно-государственной бюрократии. Об этом, хотя и косвенно, свидетельствуют многочисленные источники: высшие партийные руководители защищали ротацию и успокаивали взволнованные кадры. В январе 1962 г. на заседании Комиссии по конституционным вопросам в ходе дискуссии Й. Броз Тито отстаивал принцип обязательной ротации руководящих кадров, против которого, судя по его речи, многие возражали. Тито объяснял, что введение ротации не приведет к увольнению старых кадров, они лишь смогут более свободно перемещаться на руководящих должностях⁵. Выступая в сентябре 1962 г. перед Союзной скупщиной по поводу проекта новой конституции, Кардель заверял, что ротация *не ударит по старой партийной гвардии*⁶. На VI пленуме ЦК СК Сербии в сентябре 1962 г. Й. Веселинов, ссылаясь на Тито, также утверждал, что принцип ротации *не направлен против старых кадров*, а те, кто думает иначе, не понимают, что лишних кадров в распоряжении руководства нет [Sekulić 1989, 46]. На VIII съезде СКЮ А. Ранкович объяснял, что ротация в партии *не означает отстранения от власти* старого поколения руководителей [Cohen 1983, 131]. А в Македонии сопротивление ротации сохранялось даже в 1966 г.: «И сейчас перед новыми выборами в представительные органы тут и там появляются мнения, что не нужно было бы в этом вопросе идти до конца и последовательно придерживаться принципов кадровой политики» [Sekulić 1989, 89].

В этой связи нужно пояснить, как отнеслись к ротации Тито и Ранкович, ибо без их поддержки Кардель не смог бы реализовать свою идею. Историографическая традиция противопоставляет позиции Ранковича и Карделя в первой половине 1960-х годов, однако в данном вопросе они были едины. Источники показывают, что принцип ротации не вызывал у Ранковича возражений и не вступал в противоречие с его взглядами. Еще в начале 1955 г. Ранкович призывал выдвигать на партийную работу молодые кадры: «Я думаю, что мы сможем улучшить работу партийных и других руководителей и организаций только освежая их молодыми кадрами и если будем по всей линии без какого-либо страха вовлекать молодой кадр и по возрасту, и по стажу»⁷. А в январе 1957 г. Организационный секретариат под председательством Ранковича указал среди кадровых проблем монополизацию партийных функций, засилье старых кадров партизанского происхождения и их медленное омоложение [Unkovski-Korica 2016, 156]. Поддержка Тито была обеспечена другим путем: для него сделали исключение, потому что, как выразился в марте 1962 г. Кардель, «товарищ Тито, это товарищ Тито»⁸. Его особое положение потом закрепили в конституции. Ст. 220 специально разрешала переизбирать Тито президентом без ограничения сроков⁹.

Для других высших партийных руководителей сначала тоже пообещали сделать исключение, и они согласились на ротацию. Так, из протокола заседания Исполкома ЦК СКЮ от 22 ноября 1961 г. выясняется, что прежде чем вопрос ротации вынесли на заседание, состоялась дискуссия, в результате которой был достигнут компромисс — не распространять ротацию на 60–80 человек. Только с этим условием ротацию поддержали председатель Союзной скупщины

⁵ АЈ. Ф. 507/III. Предмет 87: Prilog 3. Л. 2–3, 5.

⁶ Kardelj E. Novi ustav, 117.

⁷ АЈ. Ф. 507/V. Кутија IX. Предмет 1. Л. 112.

⁸ Роџетак краја SFRJ, 197.

⁹ Устав Социјалистичке федеративне републике Југославије, 285.

П. Стамболич и первый секретарь ЦК Союза коммунистов Словении М. Маринко, а первого секретаря ЦК Союза коммунистов Македонии Л. Колишевского даже такой уступкой поколебать не удалось, но он остался в меньшинстве¹⁰.

Источники показывают, что в сопротивлении ротации большую роль играло неформальное общение высших партийных руководителей. В этом плане особенно показательным является заседание Исполкома ЦК СКЮ 6–7 июля 1964 г. 6 июля Исполком согласился, несмотря на возражения Стамболича, что состав ЦК должен обновляться на одну треть на каждом съезде, а переизбрание его членов возможно не более, чем на два срока. Однако во время объявленного перерыва что-то произошло, и по его окончании членов Исполкома снова пришлось убеждать в необходимости ротации. Кардель и С. Вукманович настояли, что ротации подлежат не менее 25% членов ЦК (об обязательной трети речь уже не шла)¹¹. Поэтому затруднительно представить в лицах картину внутрипартийной борьбы по такому щекотливому вопросу, как стабильный номенклатурный статус, судить о ней можно главным образом по ее последствиям.

Поскольку республиканские ЦК к началу 1960-х гг. уже являлись влиятельной силой, обладавшей внутренней автономией в кадровых вопросах, для утверждения принципа ротации требовалось их участие. В связи с этим в октябре 1961 г. в ЦК СКЮ была создана специальная комиссия, работавшая до середины января 1962 г. Аналогичные комиссии создавались и при республиканских организационно-политических секретариатах. В декабре 1961 г. комиссия ЦК СКЮ провела консультации с организационными секретарями республиканских ЦК. «С товарищами из республик достигнуто согласие по всем существенным вопросам», — констатировалось осенью 1962 г.¹² и перечислялись соответствующие решения: разделить кадры в исполнительных органах всех уровней и исполкомах ЦК; избегать соединения должностей; не концентрировать в одних руках несколько важных функций; состав скупщин, исполнительных органов и их функционеров союзные и республиканские органы должны определять скоординировано; сформировать комиссию по подготовке кадровых изменений, а также создать еще особые кадровые комиссии при Социалистическом союзе трудового народа Югославии. После того как основные принципы формирования органов власти и их кадрового наполнения были приняты, союзная комиссия выработала некоторые конкретные кадровые предложения, в частности по составу Союзного вече Союзной скупщины¹³. «Информация о работе над кадровыми приготовлениями» составленная для Исполкома ЦК СКЮ, у непосвященного читателя может создать впечатление, что принципы формирования и комплектования органов власти предполагали лишь запрет на соединение нескольких должностей, а также партийных и государственных функций. О судьбе исключений из принципа ротации, озвученных осенью 1961 г., в нем ничего не сказано. На самом же деле за скобками документа осталось очень важное решение: заменить их общей гарантией для партийно-государственной номенклатуры, которую я и обозначаю как принцип номенклатурной ротации.

Этот вывод косвенно подтверждает заседание Исполкома ЦК СКЮ 15 октября 1962 г., на котором обсуждалось создание комиссии, готовящей номенклатурную ротацию. Из протокола заседания, зафиксировавшего диалог Ранковича и Д. Пуцара, выясняется, что в республиках ранее уже

¹⁰ АЖ. Ф. 507/III. Предмет 87. Л. 23–24, 33, 36, 38, 44, 50.

¹¹ АЖ. Ф. 507/III. Предмет 102. Л. 34, 37, 40, 52.

¹² АЖ. Ф. 507/III. Предмет 93: Prilog 3. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 2–6.

работали аналогичные комиссии, но они прекратили деятельность после решения о продлении срока полномочий Союзной скупщины¹⁴, а оно было принято на заседании комиссии по конституционным вопросам 10–11 января 1962 г. Таким образом, в протоколе речь идет именно о комиссиях, созданных при ЦК всех уровней в октябре 1961 г. и прекративших работу в январе 1962 г., т.е. идея номенклатурной ротации родилась как раз в эти сроки. Лишь в этом контексте можно правильно понять предложения комиссии ЦК СКЮ по комплектованию союзных и республиканских органов и особенно смысл слов Тито, сказанных на заседании комиссии по конституционным вопросам, что старые кадры смогут свободно перемещаться на руководящих должностях.

Кардель был несомненным инициатором общего принципа ротации, автор же идеи номенклатурной ротации неизвестен. Когда ее воплощали в жизнь, с докладами выступал Ранкович, но это была его обязанность как организационного секретаря ЦК. Примечательно, что ни Кардель, ни Тито против этой идеи не возражали и по-деловому обсуждали ее реализацию. Представляется, что номенклатурная ротация — это результат коллективного творчества высшей партийно-государственной бюрократии.

Подготовка к ротации происходила со значительным временным разрывом. Работа была свернута приблизительно в феврале 1962 г. и возобновилась лишь осенью. Бюрократию в это время отвлекли другие дела: Тито пытался укрепить партийную дисциплину и восстановить единство партии в вопросах внутренней политики. Развернутая весной 1962 г. кампания дала определенные плоды к лету, в том числе и кадровые изменения, пока еще не связанные с номенклатурной ротацией. Вышеупомянутая «Информация о работе над кадровыми приготовлениями» характеризует их так: 1) Союзное исполнительное вече расширено, укреплено новыми членами, сформированы новые комитеты СИВ, усилена роль координационного комитета, произошли кадровые перестановки в союзных органах; 2) в трех республиках разделили функции секретарей ЦК и председателей скупщин, в четырех республиках избраны новые председатели исполнительных вече, сокращено число членов исполнительных вече, избраны некоторые новые члены; 3) произошли кадровые изменения в исполкомах республиканских ЦК¹⁵. Таким образом, изменения в ходе кампании затронули и партийные, и государственные органы. Поскольку идею номенклатурной ротации к весне 1962 г. уже приняли, отсрочка с ее введением была необходима: будучи введен в действие, этот механизм порождал препятствие для произвольных внеплановых кадровых перестановок.

Но нельзя сказать, что подготовка к ротации прекратилась совсем. Еще в июле 1962 г. Исполком ЦК согласовал доклад Ранковича, который тот через день озвучил на пленуме ЦК СКЮ. Организационный секретарь ЦК предложил применить в партии принцип ротации кадров, не дожидаясь принятия новой конституции, и создать кадровые комиссии при союзной и республиканских скупщинах для укрепления кадровой службы¹⁶. Кардель же в сентябре 1962 г., говоря о проекте новой конституции, публично разъяснил задачи этих комиссий: «Они будут вести политику в отношении кадров на руководящих должностях в управлении и других общественных органах, заботясь притом

¹⁴ АЈ. Ф. 507/III. Предмет 93: Zapisnik sa sednice IK CK SKJ održane 15 oktobra 1962. godine u Beogradu [kopija odkucana načisto]. Л. 17.

¹⁵ АЈ. Ф. 507/III. Предмет 93: Prilog 3. Л. 3–4.

¹⁶ АЈ. Ф. 507/III. Предмет 92: Prilog 1. Л. 32, 41.

о демократизме и публичности кадровой политики». После утверждения конституции предполагалось еще и принятие специального закона о работе с кадрами¹⁷.

Грядущие изменения в кадровой политике стали полем битвы за перераспределение полномочий между республиканскими политическими центрами и союзным. Пока в 1962 г. проводились совещания с представителями республиканских ЦК, казалось, что они побеждают. В связи с обсуждением будущего состава Союзного веча скупщины первоначально республики присылали свои предложения по кандидатурам, а союзный партийный орган их только оценивал (на его взгляд «первые предложения из республик» были неудовлетворительны), т.е. центр подбора кадров в Союзную скупщину был смещен на республиканский уровень¹⁸. Но с другой стороны последнее слово в ряде случаев оставалось за союзным центром, что зафиксировано, например, в информации Исполкома ЦК СКЮ: «Комиссия, исходя из общих принятых принципов, подготовила и некоторые конкретные предложения по важнейшим кадровым вопросам для союзных органов и республиканских руководств»¹⁹. Согласовав принципы формирования и комплектования органов власти, ЦК СКЮ предложил создать Комиссию по «кадровым приготовлениям», куда «кроме товарищей из Белграда, [...] должны обязательно войти и товарищи из республик», а также создать еще и особые комиссии при ССТНЮ²⁰.

Но на заседании Исполкома ЦК СКЮ 15 октября 1962 г., на котором решался вопрос о создании Комиссии по «кадровым приготовлениям», которую выступавшие предпочитали называть комиссией по размещению кадров, выявились две точки зрения на степень участия республик в подготовке номенклатурной ротации. Обсуждение началось с вводного слова Тито. Он отметил, что комиссии предстоит решить очень важные задачи. Затем с докладом выступил Ранкович, предложивший наделить комиссию статусом внутренней комиссии ССТНЮ, а позднее — сделать публичной и возможно расширенной комиссией Союзной скупщины и Союзного комитета ССТНЮ. Подобные органы надлежало создать также в республиках. Задачи комиссии в изложении Ранковича протокол заседания отразил неполно. Очевидная из неофициального названия комиссии задача по расстановке кадров в протоколе обойдена молчанием, зато указано, что в функции комиссии входит обсуждение организации всего союзного управления и СИВ для определения заранее перечня должностей, при этом ее члены должны консультироваться с кадрами из республик и центра, опираться на кадровую службу ЦК СКЮ, ССТНЮ и управление персоналом СИВ, поэтому особый аппарат ей не нужен. Результаты работы комиссия должна была представить Исполкому ЦК СКЮ и Исполкому Союзного комитета ССТНЮ²¹.

Разногласия обнаружились при обсуждении состава комиссии и ее статуса. Изначально Ранкович предложил ввести в состав комиссии шесть человек из кадровой службы союзного ЦК и по одному представителю от аналогичных органов республиканских ЦК только для заседаний, касавшихся их республики. Ранкович не собирался входить в комиссию, так как предложенный им уровень представительства не предполагал участия организационных

¹⁷ Kardelj E. Novi ustav, 117.

¹⁸ А.Ф. 507/III. Предмет 93: Prilog 3. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 6.

²¹ А.Ф. 507/III. Предмет 93. Zapisnik sa sednice IK CK SKJ održane 15 oktobra 1962. godine u Beogradu [kopija odkucana načisto]. Л. 16–17.

секретарей, однако Стамболич, Кардель и Тито настояли, чтобы он ее возглавил²². Тито и Кардель также выступили за более высокий уровень представительства и роли республик в комиссии. Тито, предваряя доклад Ранковича, сразу объявил, что комиссия «должна быть очень авторитетна и политически сильна», в нее нужно включить представителей республик как постоянных членов. В ходе обсуждения доклада Кардель предложил, чтобы республики были представлены в комиссии на уровне организационных секретарей, а не председателей кадровых комиссий, да и введение туда Ранковича поднимало на такой же уровень представительство союзного ЦК. Тито поддержал предложение, так как «ответственные товарищи из республик должны знать широкий кадр (хотя бы ключевой) из других республик. Ведь и по сей день есть нарекания на то, что размещение кадров осуществляется без договоренностей и консультаций с республиками»²³. Следует отметить, что метод консультаций и договоренностей с республиками при переводе республиканских кадров в органы союзного уровня широко применялся уже с начала 1950-х годов, поэтому расхождение взглядов Тито и Ранковича касалось исключительно степени влияния республик на выработку союзных кадровых решений. Тито, солидарный с Карделем, решительно настаивал на ее увеличении. Примечательно, что разногласия по вопросам децентрализации федерации стали одной из причин падения Ранковича четыре года спустя. Заложенный в основу работы комиссии принцип позволял республикам не опасаться возрождения полномочий союзного центра при расстановке на руководящие должности. Однако в ходе ее работы Ранковичу все-таки удалось усилить роль союзных органов.

Этому способствовал кратковременный конфликт Тито и Карделя по вопросам внешней политики в декабре 1962 г. как раз во время работы комиссии. Тито сперва хотел полностью сместить с должности своего соратника, но в 1963 г. изменил мнение. Журналист З. Секулич утверждал, что вопрос о разногласиях с Карделем Тито поставил 27 декабря 1962 г. на заседании Исполкома ЦК СКЮ [Sekulić 1989, 47]. Историк В. Унковский-Корица проверил достоверность этих сведений. В Архиве Югославии им не обнаружено записей о таком заседании, однако он выяснил, что упоминания о нем сохранились в протоколах заседаний Исполкомов ЦК Словении и Хорватии. Анализ речи Тито на заводе имени Иво Лолы Рибара, произнесенной 29 декабря, также косвенно подтверждает оценки Секулича [Unkovski-Korica 2016, 209–212]. Рассорившись с Карделем, Тито сделал ставку на Ранковича. В конституцию даже включили положение о введении должности заместителя президента, которая отсутствовала в проекте, вынесенном в сентябре 1962 г. на всенародное обсуждение. Ее Ранкович и занял в апреле 1963 г.

Наконец, 18–19 февраля 1963 г. прошло заседание Исполкома ЦК СКЮ, на котором комиссия Ранковича представила результаты своей работы. Материалы заседания проливают свет на тайну номенклатурной ротации в Югославии. Комиссия проделала огромную работу и составила план назначения на ответственные государственные и общественно-политические должности на четыре года вперед. Способ их замещения не имел значения: кандидатуры определялись и на выборные, и на назначаемые должности. Это был план ротации на перспективу, продуманный до мелочей. Комиссия планировала расстановку руководителей всех общественных организаций, например, ССТНЮ, профсоюзов, Красного

²² Там же. Л. 17–18.

²³ Там же. Л. 16, 18.

Креста. Для Союзного веча и Веча народов будущей Союзной скупщины был выработан особый план с указанием, кого из депутатов изберут (точнее назначат) на два года, а кого на все четыре. Приложение 9 содержало списки кандидатов на все выборные должности в скупщине и правительстве. Не забыли и главу впервые созданного конституционного суда. Приложение 13 содержало предложения по назначению на должности в организационно-политическом секретариате и комиссиях ЦК СКЮ. Предусмотрены были и отставки (комиссия составила списки товарищей, уходящих на пенсию), и даже отчасти предопределены составы республиканских ЦК. Приложение 14 в основном содержало списки по республикам, где указывалось, кто из функционеров республиканских ЦК перейдет на работу в союзные органы, кто уйдет на пенсию, кто займет важнейшие должности в республиках и войдет в их ЦК. Полные составы ЦК там не отражены — только изменения. На том же заседании Исполкома выяснилось, что над планом ротации работала еще одна группа: выступил Тито и сообщил, что кроме комиссии Ранковича ряд кадровых вопросов обсуждался и в секретариате ЦК СКЮ, и внес его предложения по ключевым должностям²⁴.

Столь откровенного номенклатурного подхода к кадровой политике в ЦК СКЮ не было уже свыше десяти лет, теперь же он возрождался в новой, усложненной форме. В 1940-е — начале 1950-х годов Управление кадров ЦК КПЮ тоже составляло подобные списки, но в них не планировалось перемещение с должности на должность. И так, при номенклатурной ротации проводилась аппаратная расстановка кадров на основе заранее составленных планов их движения. Интересно, что, выступая в сентябре 1962 г. в Союзной скупщине по поводу проекта новой конституции, Кардель публично осудил практику субъективного подбора кадров, игнорирующего мнение избирателей²⁵, и в это же время при его непосредственном участии готовилась номенклатурная ротация. Он лицемерил или щекотал нервы своим соратникам?

Из выступлений Ранковича на заседаниях Исполкома ЦК СКЮ можно получить представление, как работала комиссия. Списки были сформированы усилиями союзной и республиканских кадровых комиссий, лишь иногда проводились консультации на уровне срезов. Списки из Приложения 14 не обсуждались на Исполкомах ЦК республик, но были составлялись на основе обсуждений с секретарями республиканских ЦК и не являлись окончательными²⁶. Таким образом республики играли непосредственную роль в составлении списков, однако сначала они утверждались на союзном уровне, а по должностям, не включенным в союзный механизм ротации, решение потом принимали республиканские исполкомы. Это свидетельствовало о возрождении прямого союзного контроля над движением руководящих кадров.

На заседании 18–19 февраля 1963 г. Исполком ЦК СКЮ в первую очередь рассмотрел предложения Тито и только потом обратился к спискам Ранковича. Важно, что в ходе обсуждения республиканские представители могли выразить несогласие с той или иной кандидатурой, но тем не менее их влияние на кадровые решения в своих вотчинах впервые за много лет снизилось, потому что план номенклатурной ротации напоминал сложный пасьянс, в котором несогласованное поведение отдельных звеньев вело к срыву всей затеи. Письмо, которое 25 февраля союзная комиссия по кадровым вопросам отправила председателям соответствующих республиканских комиссий за подписью Ранковича, явственно

²⁴ А.Ж. Ф. 507/III. Предмет 96. Л. 11.

²⁵ *Kardelj E. Novi ustav*, 117.

²⁶ А.Ж. Ф. 507/III. Предмет 96. Л. 10, 18.

свидетельствует об усилении союзного давления на кадровые решения республик. Из письма следует, что союзная комиссия проанализировала проекты республиканских комиссий по составу самоуправленческих вече и указала на недостатки в их планах. Эти действия вполне объяснимы: от состава республиканских вече зависел состав соответствующих вече в скупщине Югославии, формируемых путем делегирования. В письме даны указания, на какие должности надо подобрать новых кандидатов в республиканские органы. Требование также понятно: если республиканских кандидатов наметил для себя союзный орган, им нужно искать замену. Примечательно другое – согласие республик союзные руководители впервые за много лет не спрашивали: должность освободилась – вот и ищите человека для замены. В соответствии с письмом кадровые комиссии республик должны были сообщить свои предложения по распределению руководящих кадров на различные республиканские должности, включая государственные органы, общественно-политические организации, скупщины и самоуправленческие вече, на предстоящие четыре года²⁷.

Введение номенклатурной ротации усилило роль партаппарата в политической борьбе. Кадровые комиссии различного типа играли в ней одну из важнейших ролей. Результаты их работы существенно влияли на соотношение сил между союзным и республиканскими бюрократическими аппаратами. Из представленных материалов видно, что при подготовке к номенклатурной ротации наблюдалось усиление республиканского влияния, затем, когда осенью 1962 г. работу по расстановке кадров возглавил Ранкович, это влияние ослабло. Вероятно, этим объясняется внезапное сообщение Тито 18 февраля 1963 г. о параллельной работе над кадровыми предложениями секретариата ЦК СКЮ. Судя по сохранившимся протоколам, ни на одном из заседаний Исполкома ЦК СКЮ такая задача секретариату не ставилась. Возможно, это был способ нейтрализовать влияние союзного центра, к которому Тито прибег под давлением республиканских партийных руководителей.

Именно тогда, когда суть номенклатурной ротации наконец стала понятной, ее засекретили. Исполком ЦК СКЮ принял предложение Ранковича работать над вопросом расстановки кадров «внутренне и без лишних разговоров»²⁸. Это решение в полной мере отразило вышеупомянутое письмо от 25 февраля. Оно специально указывало, что вся процедура подбора кандидатов на выборные должности должна носить строго закрытый характер, за утечку информации письмо грозило личной ответственностью²⁹. Эту тайну правящая бюрократия свято хранила. Югославские партийно-государственные деятели с 1960-х годов стремились к публичности, задолго до распада Югославии писали мемуары, вели дневники, давали интервью по различным вопросам, но о номенклатурной ротации нигде не упоминали. Когда в 1966 г. произошло политическое падение Ранковича, методы его работы многие оценивали негативно, но о номенклатурной ротации все критики умалчивали. Судя по рассекреченным в США документам ЦРУ, эта тайна осталась неведома даже его аналитикам³⁰.

С конца 1963 г. началась подготовка к номенклатурной ротации в партии. К июлю 1964 г. был подготовлен проект нового устава СКЮ, предусматривавший новый порядок выдвижения кандидатов на съезды и конференции – предварительные консультации в ЦК СКЮ и республик, т.е. это была

²⁷ А. Ф. 507/III. Предмет 96: Prilog 11. Л. 4, 8, 9.

²⁸ А. Ф. 507/III. Предмет 96. Л. 27.

²⁹ А. Ф. 507/III. Предмет 96: Prilog 11. Л. 8.

³⁰ Dokumenta CIA o Jugoslaviji. S. 241–242.

попытка легализовать номенклатурный подход к комплектованию руководящих кадров³¹. Как и в случае с государственными органами ротация в партии утверждалась через сопротивление высшей номенклатуры, но оно было более успешным. Предлагая ее принципы на заседании Исполкома ЦК СКЮ 6 июля 1964 г., Кардель отметил, что партия — это не государство, и ротация там может быть менее жесткой. Заседание, как уже говорилось в другой связи, предложило установить нижний порог ротации на уровне 25% членов ЦК³².

В ноябре 1964 г. давление номенклатуры привело к новой уступке. По итогам публичного обсуждения в проекте нового устава СКЮ появилась такая норма: «Член Союза коммунистов Югославии может быть избран на ту же самую должность [...] более чем два раза подряд только если этого требуют оправданные основания, о чем принимают решение первичная организация, комитет, контрольная и ревизионная комиссия». Впрочем, в проекте появилось и другое положение — возможность выдвигать большее число кандидатов, чем должно быть избрано³³. 23 ноября Исполком ЦК СКЮ утвердил этот проект и вынес его на рассмотрение VIII съезда СКЮ, состоявшегося в декабре 1964 г. Съезд эти положения принял. Возможность выборов на альтернативной основе, минимальная норма ротации в 25% и возможность избрания более двух раз подряд были закреплены в статьях 11, 12 и 13 нового устава СКЮ³⁴.

Но даже эти смягченные правила партийно-государственная номенклатура сумела отчасти обойти на партийных съездах 1964–1965 гг. Американский ученый Л. Коэн отметил, что в первой половине 1960-х годов ротация в СКЮ охватила только местный уровень, а на республиканском и союзном руководящие органы обновлялись путем расширения их состава, чтобы выдержать предписанные уставом пропорции обновления [Cohen 1983, 105; Cohen 1989, 401]³⁵. В дальнейшем это ставили в вину Ранковичу, но совершенно необоснованно. По моим подсчетам к VIII съезду СКЮ семь членов ЦК умерли, из оставшихся 128 действительных членов 46 не вошли в новый ЦК, избранный на съезде. При этом ЦК увеличился на 21,1% до 155 человек, и тем самым в его состав вошли 76 новых членов, что составило 47,7%. С 1968 г. номенклатурная ротация в СКЮ заработала с еще большим размахом, тогда состав региональных съездов обновился на 90%, а состав республиканских ЦК на 69% [Morača, Bilandžić, Stojanović 1997, 280].

Созданная в 1949 г. номенклатура ЦК КПЮ включала около 9000 человек³⁶, номенклатурные списки 1963 г. визуально содержат заметно меньше фамилий (точные подсчеты я не проводил), но составлять их было труднее. Как уже отмечалось, из-за планирования назначений на несколько лет вперед произвольное перемещение хотя бы одного элемента ломает всю прежнюю схему. Даже во времена административно-командной системы советского типа у влиятельных функционеров спрашивали их согласие, особенно в случае крупных должностных перемещений, а после двенадцати лет демократизации и укрепления самостоятельности республик такое согласие стало необходимым элементом кадровой политики, и возможность отказа функционера от новой должности — более

³¹ А.Ф. 507/III. Предмет 102: Prilog 1. S. VI.

³² А.Ф. 507/III. Предмет 102. Л. 34, 52.

³³ А.Ф. 507/III. Предмет 105: Prilog 1. Л. 7, 8.

³⁴ Statut Saveza komunista Jugoslavije, 52.

³⁵ Поясню на условном примере. Если в ЦК имеется 100 человек, а его нужно обновить на 25% и при этом оставить старый состав на месте, численность такого ЦК нужно довести до 133 человек.

³⁶ Sednice Centralnog komiteta KPJ, 204–205.

вероятной. Исполком ЦК СКЮ быстро ощутил трудности номенклатурной ротации в таких условиях. На заседании 18–19 февраля 1963 г. Л. Колишевский не захотел занять предложенную ему должность, отказался от предложения и черногорец Б. Йованович. Поведение Колишевского С. Вукманович даже назвал антипартийным, хотя и сам долго не мог определиться, на какую должность согласен. Проекты комиссии по размещению кадров вызвали замечания у лидеров Черногории и Словении, и особенно жесткие – Македонии в лице все того же Колишевского. Тем не менее Исполком сумел достичь компромиссных решений по всем вопросам. Даже Колишевскому нашлось место, на которое он согласился³⁷.

Аналогичные проблемы возникли при подготовке к VIII съезду СКЮ, по требованию И. Гошняка 7 декабря 1964 г. (в первый день работы съезда) даже пришлось собрать заседание Исполкома ЦК. З. Бркич из Хорватии не захотел возглавить Ревизионную комиссию и решил остаться членом ЦК СКЮ – нужно было найти ему замену. Кроме того, из-за решения Бркича нарушался национальный состав членов ЦК СКЮ от Хорватии: доля хорватов чрезмерно увеличивалась. Проблемы создал и ЦК Союза коммунистов Сербии. Этот коллективный орган отказался переводить еще одного человека в ЦК СКЮ. Были и другие вопросы, влиявшие на состав ЦК³⁸.

Еще одна проблема затрудняла номенклатурную ротацию: избирательная система Югославии не давала стопроцентной гарантии получения мандата в представительном органе. Результат голосования предопределяло выдвижение кандидатур на собраниях избирателей. Если кандидат проходил этот этап на безальтернативной основе, он мог не переживать за дальнейший ход выборов, но так бывало не всегда. На выборах в Союзное вече в 1953 г. в 14 округах избиратели попытались выдвинуть альтернативных кандидатов, в итоге в двенадцати округах они попали в избирательные бюллетени³⁹. В 1958 г. собрания избирателей «провалили», как выразился Тито, «некоторых наших хороших товарищей». При голосовании в Союзное вече выборы на альтернативной основе прошли в шести округах и в Вече производителей в девяти⁴⁰. Теперь за выдвижением кандидатов требовалось зорко следить. Выборы 1963 г. наглядно иллюстрируют, какие уровни политической системы были охвачены номенклатурной ротацией. Выдвижение альтернативных кандидатов на местных выборах приняло массовый характер, но уже на выборах в республиканские скупщины наблюдалась совсем другая картина: это произошло лишь в пяти округах, а при голосовании в Союзную скупщину в бюллетенях не появилось ни одного альтернативного кандидата. Если избирателей не удавалось убедить и провести нужного кандидата с их согласия, его приходилось навязывать: на выборах 1963 г. граждан нередко ставили перед свершившимся фактом, что вызывало у них недовольство⁴¹. Порою оно находило публичное выражение. Коэн привел яркий пример: на съезде Союза коммунистов Хорватии в декабре 1968 г. делегат недоумевал, почему они в Сплите на партконференции рекомендовали одним людей кандидатами в руководящие органы, а им на съезде

³⁷ АЈ. Ф. 507/III. Предмет 96. Л. 13–17, 19–20, 21–26.

³⁸ АЈ. Ф. 507/III. Предмет 107. Л. 1–2.

³⁹ АЈ. Ф. 15. Фасцикла 4. Предмет 74. Zapisnik sa sednice IK CK SKJ održane 7 decembra 1964. godine u Beogradu. Л. 6.

⁴⁰ АЈ. Ф. 837. Предмет II-4-с/13; *Broz Tito J. Govori i članci*, 50.

⁴¹ АЈ. Ф. 837. Предмет II-4-с/16: Informacija o kandidovanju na zborovima birača i o pojavima u vezi sa kandidovanjem 25 V–1 VI 1963. Л. 7; Izvod iz informacije o kandidovanju na zborovima birača i o pojavima u vezi sa kandidovanjem 25 V–1 VI 1963. Л. 3.

предложили голосовать за других. Коэн, как и делегат, не смог объяснить наблюдаемое явление, так как оба не знали о номенклатурной ротации [Cohen 1983, 109; Cohen 1989, 405].

Практика номенклатурной ротации приобрела долговременный характер, поэтому югославским и зарубежным наблюдателям стали известны ее внешние последствия – бесконечное перемещение одних и тех же политиков с должности на должность. Анализ Коэна в 1981 г. показал, что в Югославии имеется около десяти тысяч профессиональных политиков, но делегатская система их не затрагивает, а если усилить ротацию, то она приведет лишь к межорганизационным и внутриаппаратным перемещениям, о чем свидетельствует предшествующий опыт [Cohen 1989, 409]. Во время XII съезда СКЮ в июне 1982 г. «пресса передавала постоянные жалобы на “горизонтальную ротацию”, т.е. практику, когда старые руководители бесконечно перелетают между ключевыми республиканскими и союзными позициями»⁴². С 1972 по 1980 г. руководящие политические кадры в региональных политических элитах рекрутировались главным образом из числа самой элиты. Исключение наблюдалось лишь в сфере государственного управления, где произошло значительное омоложение кадров [Ibid., 412].

Устойчивость руководящих кадров породила в югославской социологии широко распространенное убеждение в существовании особого правящего класса, отличного от трудящихся масс. Социологи называли его по-разному: бюрократия, контркласс, политократия, слой профессиональных функционеров, этатистский класс, средний класс, политический класс – но в основном соглашались, что его отличает монополия на власть и способность контролировать собственность [Кузнецhevский 1990, 72–75, 80, 89; Пашич 1988, 111; Шувар 1988, 9–10]. Например, хорватский социолог З. Леротич написал в конце 1980-х годов пространное эссе, доказывавшее социальную порочность и историческую бесперспективность политического класса, даже не утруждая себя эмпирическими доказательствами его существования, настолько оно ему представлялось очевидным. В книге можно найти лишь два беглых упоминания исследований, указывающих на замкнутый характер югославских политических элит: М. Лазич отметил снижение нисходящей мобильности в классе коллективных собственников в Хорватии и его гомогенизацию, а В. Гоати выявил кадровую монополию «партии в оперативном смысле», которая охватывала от 90 до 100% «ответственных должностей» [Lerotic 1989, 145, 153].

Вторая половина 1960-х – начало 1970-х годов сопровождались в Югославии многочисленными кризисными явлениями, уходом из политики многих партийных деятелей, но принцип номенклатурной ротации остался. Впрочем, его механизм был модифицирован. После низложения Ранковича ЦК СКЮ временно перестал оказывать влияние на кадровую политику, резко углубилась децентрализация федерации, в результате центр принятия кадровых решений переместился в республики и комиссии скупщин по выборам и назначениям. ЦК СКЮ и ЦК некоторых республик даже упразднили свои кадровые комиссии [Cohen 1989, P. 404]. С начала 1970-х годов они были восстановлены, центр принятия кадровых решений вновь сместился в СКЮ [Morača, Bilandžić, Stojanović 1977, 315], изменились механизмы проведения нужных кандидатов на выборные должности в связи с введением делегатской системы. Но все эти вопросы могут стать темой отдельного исследования.

⁴² Dokumenta CIA o Jugoslavij, 305.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЈ – Архив Југославије
 СИВ – Союзное исполнительное вече
 СКЈ – Союз коммунистов Югославии
 ССТНЈУ – Социалистический союз трудового народа Югославии
 ЦК – Центральный комитет

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Архив Југославије. Београд.
 Устав Социјалистичке федеративне републике Југославије // Службени лист Социјалистичке федеративне републике Југославије. 1963. № 14. С. 261–289.
Broz Tito J. Govori i članci. Zagreb: Naprijed, 1960. Knj. XIII.
 Dokumenta CIA o Jugoslaviji: 1948–1983. / ur. M. Pavlović. Beograd: Institut za savremenu istoriju, Fakultet bezbednosti, Službeni glasnik, 2009.
Kardelj E. Novi ustav socijalističke Jugoslavije. Referat na zajedničkoj sednici Savezne narodne skupštine i Saveznog odbora SSRNJ // Prednacrt Ustava Federativne Socijalističke Republike Jugoslavije. Beograd: Komunist, 1962. S. 69–130.
Kardelj E. Izbor iz dela. Beograd: Komunist, 1979. Knj. I.
 Početak kraja SFRJ. Stenogram i drugi prateći dokumenti proširene sednice Izvršnog komiteta CK SKJ održane od 14 do 18 marta 1962. godine / ur. M. Zečević. Beograd: Arhiv Jugoslavije, 1998.
 Sednice Centralnog komiteta KPJ (1948–1952) / ur. B. Petranović, R. Končar, R. Radonjić. Beograd: Komunist, 1985.
 Statut Saveza komunista Jugoslavije // Kongresi naše partije / ur. J. Marjanović, S. Bosiljčić. Beograd: Mladost, S.a. S. 51–55.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кузнецhevский В.Д. Эволюция югославской концепции социализма. М.: Би., 1990. 186 с.
Пашич Н. Противоречия развития социалистической самоуправленческой демократии в Югославии // Коммунист. 1988. № 7. С. 110–115.
Шувар С. СКЈ и социалистическое самоуправление // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 5. С. 3–26.
Cohen L. Regional elites in Socialist Yugoslavia: Changing patterns of recruitment and composition // Leadership selection and patron-client relations in the USSR and Yugoslavia / ed. T.H. Rigby and B. Harasymiw. London; Boston; Sydney: George Allen and Unwin, 1983. P. 98–135.
Cohen L. The Socialist Pyramid: Elites and Power in Yugoslavia. Oakville: Mosaic Press, 1989. 499 p.
Lerotić Z. Jugoslavenska politička klasa i federalizam. Zagreb: Globus, 1989. 289 s.
Morača P., Bilandžić D., Stojanović S. Istorija Saveza komunista Jugoslavije. Kratak pregled. Beograd: Rad, 1977. 356 s.
Sekulić Z. Pad i čutnja Aleksandra Rankovića. Beograd: Dositej, 1989. 396 s.
Unkovski-Korica V. The economic struggle for power in Tito's Yugoslavia from World War II to non-alignment. London; New York: I.B. Tauris & Co. Ltd, 2016. X, 294 p.

Рукопись поступила в редакцию 14.10.2022

Рукопись принята к печати 14.12.2022

REFERENCES

Cohen L. Regional elites in Socialist Yugoslavia: Changing patterns of recruitment and composition. *Leadership selection and patron-client relations in the USSR and Yugoslavia*, ed. T.H. Rigby and B. Harasymiw, London, Boston, Sydney, George Allen and Unwin, 1983, pp. 98–135.
 Cohen L. *The Socialist Pyramid: Elites and Power in Yugoslavia*. Oakville, Mosaic Press, 1989, 499 p.
 Lerotić Z. *Jugoslavenska politička klasa i federalizam*, Zagreb, Globus, 1989, 289 p. (In Serb.-Croat.)
 Morača P., Bilandžić D., Stojanović S. *Istorija Saveza komunista Jugoslavije. Kratak pregled*, Beograd, Rad, 1977, 356 p. (In Serb.-Croat.)
 Kuznechevskii V.D. *Evolutsiia iugoslavskoï kontseptsii sotsializma*, Moscow, without Publ., 1990, 186 p. (In Russ.)

Pashich N. Protivorechiia razvitiia sotsialisticheskoi samoupravlencheskoj demokratii v Iugoslavii.

Kommunist, 1988, no. 7, pp. 110–115. (In Russ.)

Sekulić Z. *Pad i ćutnja Aleksandra Rankovića*, Beograd, Dositej, 1989, 396 p. (In Serb.-Croat.)

Shuvar S. SKIu i sotsialisticheskoe samoupravl'enie. *Rabochii klass i sovremennyi mir*, 1988, no. 5, pp. 3–26. (In Russ.)

Unkovski-Korica V. *The economic struggle for power in Tito's Yugoslavia from World War II to non-alignment*, London; New York, I.B. Tauris & Co. Ltd, 2016, X, 294 p.

Received on 14.10.2022

Accepted on 14.12.2022

Информация об авторе:

Шахин Юрий Владимирович

кандидат исторических наук, доцент

Севастопольский государственный университет

г. Севастополь, Российская федерация

ORCID: 0000-0002-3684-9802

E-mail: YVShahin@sevsu.ru

Information about the author:

Yuri V. Shakhin

Ph D. (History), Associate Professor

Sevastopol State University

Sevastopol, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3684-9802

E-mail: YVShahin@sevsu.ru

Славяноведение, 2023, № 5, с. 44–55

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 5, pp. 44–55

DOI: 10.31857/S0869544X0027878-8

Оригинальная статья / Original Article

Джордже Попович-Даничар – переводчик, издатель и пропагандист произведений Гоголя в сербской Воеводине в XIX веке

© 2023 г. Е.В. Сартаков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

esartak@mail.ru

Аннотация. В статье освещена переводческая и издательская деятельность Джордже Поповича-Даничара (1832–1914) – активного пропагандиста русской литературы и особенно творчества Гоголя на Балканах в середине XIX в. Систематизированы первые переводы произведений Гоголя, выполненные Поповичем редактируемых им газет «Седмица», «Даница» и альманаха «Забава для сербок». Показано, что при способе публикации, выбранном Поповичем, сербский читатель не мог постигнуть замысел Гоголя полностью, ведь было разрушено единство циклов произведений русского автора, тем не менее сербскому издателю удалось максимально познакомить читателей со сборниками «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород» и «Арабески». В статье также приведены сведения об отношении Поповича к Гоголю из его личных писем, обнаруженных в архиве Матицы Сербской (Нови-Сад, Сербия), а также его литературно-критические выступления в печати о русской словесности. Сделан вывод о ключевой роли этого журналиста и переводчика в популяризации творчества Гоголя на Балканах.

Ключевые слова: Гоголь, русско-сербские литературные связи, Джордже Попович, Сербия.

Ссылка для цитирования: *Сартаков Е.В.* Джордже Попович-Даничар – переводчик, издатель и пропагандист произведений Гоголя в сербской Воеводине в XIX веке // *Славяноведение*. 2023. № 5. С. 44–55. DOI: 10.31857/S0869544X0027878-8

Djordje Popović-Daničar – Translator, Publisher and Propagandist of Gogol's Works in Serbian Vojvodina in the 19th Century

© 2023. Egor V. Sartakov

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

esartak@mail.ru

Abstract. The article analyzes the translation and publishing activities of Djordje Popović-Daničar (1832–1914), an active propagandist of Russian literature and especially Gogol's work in Vojvodina in the middle of the 19th century. The first translations of Gogol's works made by Popović for the newspapers «Sedmitsa», «Danica» and the almanac «Zabavama Srbkinjama» edited by them are systematized. It is shown that with the method of publication chosen by Popović, the Serbian reader could not fully comprehend Gogol's intention, because the unity of the cycles of the works of the Russian author was destroyed, nevertheless, the Serbian publisher managed to acquaint readers with the collections «Evenings on a Farm near Dikanka», «Mirgorod» and «Arabesques» as much as possible. The article also provides information about Popovich's attitude to Gogol from his personal letters found by us in the archive of Matitsa Serbskaya (Novi Sad, Serbia), as well as his literary and critical speeches in the press about Russian literature. The conclusion is made about the key role of this journalist and translator in popularizing Gogol's work in the Balkans.

Keywords: Gogol, Russian-Serbian literary connections, Djordje Popović, Serbia.

For citation: *Egor V. Sartakov. Djordje Popović-Daničar – Translator, Publisher and Propagandist of Gogol's Works in Serbian Vojvodina in the 19th Century // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No. 5. P. 44–55. DOI: 10.31857/S0869544X0027878-8*

В середине XIX в., том времени, о котором пойдет речь в настоящей статье, Сербии в ее современных границах не существовало. Часть страны, включая Белград, официально находилась под протекторатом постепенно ослабевающей Османской империи, другая часть в составе Венгерского королевства управлялась австрийской династией Габсбургов.

В 1858 г. свергнутый двадцать лет назад князь Милош Обренович сумел вернуть власть своей династии, а в 1860-е годы, при его сыне Михаиле Обреновиче, значительно укрепилась личная власть князя. Скупщина и Государственный совет превратились из законодательного в совещательные органы, увеличилась централизация административной системы, усилились гонения на печать. Как отметил Слободан Йованович, князь Михаил прекрасно понимал значение прессы, поэтому все демократические или либеральные органы были им запрещены, поощрялась только официальная и «полуофициальная» журналистика¹. Именно поэтому в 1860-е годы сербская интеллектуальная мысль значительно быстрее развивалась за пределами княжества – в населенных сербами комитатах южной Венгрии, в области, ныне известной как Воеводина².

Жизнь австрийских сербов тоже была тяжелой, тем не менее в Воеводине еще с конца XVII в. им была гарантирована защита императора, свобода вероисповедания и церковная автономия с правом избрания православного митрополита [История Югославии 1963, 1, 414].

Нови-Сад, неофициальная столица сербской Воеводины, стал городом, где сосредоточились главные интеллектуальные силы страны. Пока в Белграде боролись за власть Обреновичи и Карагеоргиевичи, старейшее научное и культурное учреждение сербов Матица Сербская было перенесено из Пешта в Нови-Сад, а к выходившим при нем журналам *Летопис (1824–н/в)*³ и *Матица*

¹ *Јовановић Сл.* Сабрана дела 1991, 220.

² После подавления революции 1848 г. территория Австрийской империи была разделена на административные округа, одним из них в 1849–1860 гг. был «Сербская Воеводина и Темешский Банат».

³ Этот журнал печатается до сих пор, являясь старейшим из существующих ныне сербским периодическим изданием. На протяжении почти двухсот лет он несколько раз менял название: *Летопис (1824–1836)*, *Новиј сербскиј летопис (1837–1841)*, *Сербскиј летопис (1842–1854)*, *Србскиј летопис*

(1865–1871) добавились частные литературные газеты *Даница* (1860–1872) и *Јавор* (1862–1893).

Одним из ярчайших журналистов, издателей и критиков этого периода был Джордже Попович (1832–1914), получивший прозвище по имени издаваемой им газеты «Даничар» (то есть редактор «Даницы»). Жизнь этого человека изучена довольно подробно. Через десять лет после его смерти Яша Проданович написал его первую биографию [Narodna enciklopedija 1928, 584], и с тех пор сведений о Поповиче накопилось довольно много: статья о нем есть в современной «Энциклопедии Нови-Сада» (2003) [Енциклопедија Новог Сада 2003, 165–167], ему посвящена глава в обзорной книге «Сербы в Габсбургской монархии» [Раденић 1986, 153–175], а в современном Белграде одна из улиц называется Даничарова.

Изучены и отдельные аспекты его многогранной литературно-журнальной деятельности: его переводы с польского языка [Живановић 1941, 204–218], перевод «Дон Кихота», который до сих пор считается в Сербии образцовым [Стојановић 1998, 504–508], его книгоиздательская деятельность [Буњак 1997, 97–105]. Тем не менее до сих пор никто не обратил внимание, что именно благодаря этому незаурядному человеку в середине XIX в. сербские читатели смогли довольно подробно познакомиться с творчеством Н. В. Гоголя, повести которого Попович переводил и систематически печатал в газетах, журналах и альманахах того времени, которые сам же и редактировал.

Наиболее ранний из известных нам переводов Попович сделал в 1858 г.: газета *Седмица* («Неделя») напечатала «Ночь перед Рождеством»⁴. *Седмица* была приложением к популярной политической газете *Србски дневник* («Сербский дневник») редактора и издателя Данило Медаковича. Медакович, в будущем член-корреспондент Сербского научного общества, крупнейший югославянский издатель своего времени, начал выпускать в Нови-Саде «Сербский дневник» в 1852 г. и активно отстаивал в своей газете идею независимости Воеводины от Австро-Венгрии, чем постоянно раздражал австрийские власти. В период Крымской войны (1853–1856 гг.) Медакович и его газета занимали открыто русофильскую позицию, что выделяло «Сербский дневник» на общем фоне печатных органов Австрии — государства, которое, формально сохраняя нейтралитет в этой войне, отнюдь не сочувствовало политике Николая I⁵. В 1852 г. Медаковичу разрешили выпускать литературное приложение к газете, где, как свидетельствуют историки сербской журналистики, печатались лучшие критические статьи своего времени [Крестић 1980, 143].

Вполне закономерно, что русофил Медакович хотел познакомить сербских читателей с произведениями лучших русских писателей. Уже на второй год издания в «Седмице» была опубликована «Майская ночь, или Утопленница» в переводе постоянного сотрудника Медаковича Джорджа Райковича (1824–1886)⁶. А еще через год, в 1854 г., сотрудником газеты стал 22-летний Попович. Его журналистские и организационные таланты были сразу же

(1855–1864), *Србски летопис* (1865–1866), *Српски летопис* (1867–1872), *Летопис Матице српске* (1873– н/в). С 1824 г. журнал печатался в Пеште, в 1864 г. издание было перенесено в Нови-Сад.

⁴ Гоголь Н. Ноћ у очи божића.

⁵ Причем это русофильство Медаковича финансово поддерживали из России. Разыскания сербских историков показали, что в 1854 г. Медакович получил через русского посла в Бухаресте кн. И. Ф. Паскевича тысячу дукатов на издание «Сербского дневника» [Крестић 1980, 141]. Об этом же см. [Савин 2022].

⁶ Гогол Н. Майска ноћ или Утопленница.

замечены, и в 1857 г. Медакович предложил Поповичу стать главным редактором «Седмицы». С 1858 г. вплоть до запрещения этого печатного органа австрийскими властями «Седмица» выходила под редакцией Поповича.

Не только редакторские и критические способности Поповича могли объяснить выбор Медаковича. Общей была и любовь к России – единственной на тот момент полностью независимой славянской стране, на которую сербы возлагали большие надежды в обретении своей независимости. Попович не просто любил Россию, он выучил русский язык – здесь ему помогло знание церковно-славянского языка (Попович из семьи священника).

Став редактором «Седмицы», он сразу же поместил в газете свой перевод «Ночи перед Рождеством» и, как утверждает Милица Милидрагович, в том же 1858 г. Медакович в «Сербском дневнике» напечатал в переводе Поповича «Заколдованное место» [Milidragović 1961, 20]. Тем не менее просмотр *de visu* всех сохранившихся номеров «Сербского дневника», наиболее полную подшивку которого мы обнаружили в Австрийской национальной библиотеке (Вена), показал, что такого перевода там не было. Нет сведений о нем и во всех известных библиографических списках переводов русских писателей на иностранные языки [Погодин 1932, 88–93; Морщинер, Пожарский 1953, 29].

Очевидно, что как редактор Попович постоянно находился в поисках повестей для перевода. Повести, во-первых, должны были быть сравнительно невелики по объему, чего требовал формат газетной публикации, а во-вторых, обладать определенными художественными достоинствами: и Попович, и издатель Медакович особенно выделяли просветительскую функцию журналистики.

В отделе рукописей Матицы Сербской (Нови-Сад) мы обнаружили переписку между Поповичем и Антоние Хаджичем, критиком и главным редактором журнала «Летопись» (подробнее о нем см. [Милинчевић 1975, 49–68]). (Попович в то время уже занимал пост редактора в «Седмице» и готовился к изданию своей газеты «Даница»). В письме от 14 апреля 1858 г. Попович жаловался Хаджичу, что нет достойных повестей для публикации в «Седмице». «У нас вообще беда с хорошей прозой»⁷, – замечал он, негодуя на то, вынужден печатать «слабые произведения». Однако теперь ситуация должна кардинально измениться, потому что из России ему доставили сочинения Н.В. Гоголя и М.Ю. Лермонтова. «Я сейчас не боюсь никаких трудностей»⁸, – уверял Попович, объяснив, что к русским переводам он уже приступил.

Через два года, в 1860 г., Хаджич напечатал рецензию на книгу малороссийского писателя А.П. Стороженко «Близнецы», перевод которой выполнил Попович в 1859 г. в Нови-Саде⁹. Эта повесть, опубликованная впервые в 1857 г. в «Библиотеке для чтения» под заглавием «Братья близнецы (Очерки Малороссии прошлого столетия)» (№№ 4–7), представляла собой довольно растянутую семейную хронику двух поколений украинской семьи помещика Пузырька.

В рецензии Хаджич недоволен тем, что вообще подобные произведения переводятся на сербский язык в то время, когда по-прежнему непереуевенными остаются многие «красивые и интересные вещи»¹⁰. И далее рецензент отмечает,

⁷ Архив Матице Српске. Письмо Ђ. Поповића Антонију Хаџићу од 14 (29) априла 1858.

⁸ Там же.

⁹ В авторитетном справочнике «Русские писатели» указано, что повесть Стороженко была переведена на немецкий язык [Кулагин 2019, 81]. Добавим к этому и перевод на сербский: [Стороженко Близанци].

¹⁰ *Anon.* [Хаџић А.], 155.

что повесть *Стороженко* вторична по сравнению с малороссийскими произведениями Гоголя. Такая оценка совершенно справедлива: не обладая сюжетным мастерством и умением строить характеры, автор «*Близнецов*» в изображении жизни малороссиян и в описаниях Украины следует за ранними повестями Гоголя. Примечательно, что в том же 1859 г., когда вышла рецензия Хаджича, в «*Отечественных записках*» *Стороженко* опубликовал свои воспоминания о личной встрече с Гоголем летом 1827 г.: «Его (Гоголя. — Е. С.) лицо, хотя и неправильное, но довольно красивое, имело ту могущественную прелесть, какую придает физиогномии блестящий взор, одаренный лучом гения. Улыбка его была приветлива, но вместе выражала иронию и насмешку»¹¹. Очевидно, что если эта встреча и имела место, то «блестящий взор» и «лучи гения» *Стороженко* осознал уже ретроспективно, когда писал воспоминания¹².

Хаджич в рецензии настаивал, что для сербского читателя прежде всего необходимо опубликовать переводы «как можно раньше» «всех повестей Гоголя» и «*Дон Кихота*» Сервантеса¹³. Это заявление наиболее авторитетного тогда критика, редактора влиятельного журнала «*Летопись*» показывало, во-первых, что Гоголя считали писателем одного уровня с Сервантесом, а во-вторых, что сербские читатели остро нуждались в хорошей, пусть и переводной, прозе. Сближая Гоголя и Сервантеса, Хаджич случайно повторил мысль Пушкина. В «[Авторской исповеди]» Гоголь вспоминал, как Пушкин убеждал его взяться за «*Мертвые души*»: «Он (Пушкин. — Е. С.) уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец, один раз, после того, как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: “Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью, не приняться за большое сочинение! Это, просто, грех!” Вслед за этим [...] привел мне в пример Сервантеса, который, хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но если бы не принялся за *Донкишота*, никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями»¹⁴.

В 1860-е годы Попович осуществил пожелание Хаджича почти буквально: многие повести Гоголя были им переведены и напечатаны в газете «*Даница*», которую он издавал с 1860 г. в Нови-Саде. Выходившая три раза в месяц (десятого, двенадцатого и последнего числа), она полностью была посвящена искусству, прежде всего литературе, и познакомила сербских читателей с произведениями оригинальных сербских авторов-романтиков: Йована Йовановича-Змая, Лазаря Костича, Стевана Владислава Качанского и др. [Кисић М., Булатовић 1996, 61].

Кроме того, значительный объем газетных полос занимали переводы. Переводились рассказы Э.А. По, стихи Г. Гейне, но больше всего было переводов с русского. Это, с одной стороны, объяснялось интересами редактора, знавшего русский язык, а с другой — все возрастающей потребностью сербских

¹¹ *Стороженко*, 72.

¹² В.В. Вересаев, перепечатывая фрагменты из этих воспоминаний, указал, что многие детали и диалоги «явно сочинены автором впоследствии» [Вересаев 1933, 57]. Напротив, современный украинский биограф *Стороженко* О.А. Пойда посчитала эти воспоминания абсолютно достоверными [Пойда 2008, 22]. И.А. Виноградов, перепечатав воспоминания *Стороженко* о Гоголе в 2011 г., дипломатично оставил их без комментария [Виноградов 2011, 607–616].

¹³ *Аноп*. [Хаџић А.], 155.

¹⁴ *Гоголь Н.В.* 1937–1952. Т. 8, 439.

читателей в современной им русской литературе. Именно Попович – «Даничар» – со страниц «Даницы» говорил с читателями произведениями Пушкина, Лермонтова, Тургенева и Герцена.

В одной из статей в «Данице» в 1862 г. анонимный автор, скорее всего сам Попович, писал: «Мы намеренно публикуем большинство переводов из русской литературы. Надо сказать, что мы ее мало знаем. Кроме нескольких уже переведенных коротких повестей и еще более коротких стихотворений, у нас больше нет переводов. А Пушкин, Гоголь, Лермонтов стоят того, чтобы им уделили должное внимание. И хотя мы в Сербии настроены к русским крайне благожелательно, у нас по-прежнему нет ни одного крупного переведенного произведения русских классиков. Какой-нибудь недоброжелательный иностранец скажет, что [...] для нас важнее русские ордена, перстни и рубли, а не русская литература»¹⁵.

Особое место в «Данице» заняли сочинения Гоголя: 1863 г. – «Вий»¹⁶, 1866 г. – «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»¹⁷ и «Портрет»¹⁸, 1867 г. – «Пропавшая грамота»¹⁹ и «Коляска»²⁰.

Во многом выбор произведений для переводов может показаться случайным, однако все перечисленные сочинения Гоголя сравнительно коротки по объему и могли быть напечатаны в нескольких номерах газеты.

Вместе с тем Поповичу хочется поближе познакомить сербских читателей с Гоголем, поэтому в 1860-е годы, оставаясь редактором «Даницы», он задумал выпускать альманах *Забава српкињама* («Забава для сербок»). Расширение аудитории за счет ее женской части было прокламировано Поповичем еще в период создания «Даницы», ведь в программе этого издания редактор писал, что оно «станет газетой, которую сербки и особенно сербки (курсив в оригинале. – Е. С.) будут читать»²¹.

И хотя исследователи иногда утверждают, что обращение Поповича к женской части аудитории было скорее формальным [Milidragović 1961, 29], попытки сербского издателя популяризировать русскую словесность, включив ее в круг женского чтения, весьма знаменательны. Кроме того, сам Попович в одном из рекламных объявлений своего альманаха сообщал, что, если сербы-мужчины могут прочитать иностранные произведения в оригинале, то «сербки в силу незнания языков очень ждали, когда они смогут прочитать на своем родном языке известные произведения»²².

В альманахе «Забавы для сербок», первый том которого вышел в 1864 г., Попович печатал переводы зарубежных авторов. Причем первые два тома (1864 г. и 1865 г.) состояли исключительно из переводов повестей Гоголя. Это тем более важно, что альманах Поповича стал первым книжным изданием Гоголя в Сербии.

Объявляя об издании альманаха в «Данице», Попович писал: «С особым вниманием следует подходить к произведениям славянских писателей. Я положил начало переводам произведений Н. Гоголя. Имя славного русского

¹⁵ *Анон.* [У Пушкиновим преводима у Хрватској], 570.

¹⁶ *Гоголь Н.В.* Вије.

¹⁷ *Гоголь Н.В.* Приповетка, како се свадно Иван Иванович са Иваном Никифоровићем.

¹⁸ *Гоголь Н.В.* Портрет.

¹⁹ *Гоголь Н.В.* Изгубљене писмо.

²⁰ *Гоголь Н.В.* Каруце. В № 35 издания *Даница* (1867) ошибочно указано «од Гогоља Н.Н.» (С. 817).

²¹ *Поповић Ђ.* Поштованим читатељима, 1.

²² *Поповић Ђ.* Ново књижевно подузеће, 592.

писателя — это хорошее поручительство за мастерство этих повестей, некоторые из которых уже были переводы на сербский»²³. В другой газете, *Напредак* («Прогресс»), где Попович с 1864 г. также выполнял обязанности редактора, он активно рекламировал сборник, из номера в номер перепечатывая сообщение о «занимательных» повестях Гоголя, которые можно купить у книгопродавцев²⁴.

В первом томе альманаха на 182 страницах были напечатаны повести Гоголя «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Ночь перед Рождеством» и «Записки сумасшедшего», переведенные Поповичем. «Ночь перед Рождеством» уже была к тому времени опубликована в «Седмице» и только републикована в альманахе, а «Вечер накануне Ивана Купала» и «Записки сумасшедшего» впервые вышли на сербском языке²⁵.

В следующем томе, который был опубликован через год, в 1865 г., и по объему был чуть больше предыдущего (184 страницы), были опубликованы «Страшная месть», «Пленник», «Невский проспект» и фрагмент «Старосветских помещиков» под заглавием *Стару Свет* («Старый мир»). Кроме «Страшной мести»²⁶ остальные три повести впервые были напечатаны по-сербски.

Как видим, материалом для Поповича в основном стали украинские циклы «Вечера на хуторе близ Диканьки» (четыре из восьми повестей цикла), «Миргород» (одна из четырех повестей цикла), а также сборник «Арабески» («Невский проспект», «Записки сумасшедшего» и «Пленник»). Думается, именно эти три сборника и были доставлены ему из России, как он сообщал в письме Хаджичу в 1858 г. Правда, название «Записки сумасшедшего», как известно, в «Арабесках» не встречается (первоначальное название повести — «Клочки из записок сумасшедшего»), но Попович мог исправить название по своему разумению. Вместе с тем более краткое «Записки сумасшедшего» также было в ходу и у самого Гоголя. Например, в письме Пушкину в конце декабря 1834 г. — начале января 1835 г. автор «Арабесок» писал: «Вышла вчера довольно неприятная зацепка по цензуре по поводу Записок сумасшедшего»²⁷.

Несколько выделялась на общем фоне глава из незавершенного романа «Пленник», которую Гоголь поместил во вторую часть «Арабесок» в 1835 г. Еще В.И. Шенрок считал «Пленника» произведением «совершенно незрелым», хотя и с «проблесками сильного дарования» [Шенрок 1892–1897. Т. 1, 25]. Кажется, и сам Гоголь произведение это не жаловал, поэтому при перепечатке в 1842 г. отдельных повестей сборника «Арабески» в собрании своих сочинений «Пленника» он исключил и вообще больше никогда не публиковал. По уверению самого автора в «Арабесках», впрочем оспоренному исследователями [Оксман 1921, 348–350], «Пленник» и «Глава из исторического романа», тоже напечатанная в этом сборнике, — это главы единого произведения, первая часть которого «была написана и сожжена, потому что сам автор не был ею доволен»²⁸.

Попович объяснял появление именно этого произведения в альманахе следующим образом: «В этом отрывке из исторического романа упоминается

²³ Поповић Ђ. Там же.

²⁴ Поповић Ђ. Забаве Српкињама.

²⁵ «Сорочинскую ярмарку» впервые перевел Тимотие Илич и опубликовал в газете Новине србске («Сербская газета») в 1849 г. (Гоголь [Н.В.] Сорочинский саямь).

²⁶ «Страшную месть» впервые перевел Тимотие Илич через год после «Сорочинской ярмарки» (Гоголь [Н.В.] Страшна освета).

²⁷ Гоголь Н.В., 1937–1952. Т. 10, 346.

²⁸ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Т. 3, 24.

и описывается один серб, который по костюму и частично по языку поляк, по жадности к золоту жид, по расточительности казак, по железному равнодушию – дьявол»²⁹. Действительно, Попович почти дословно цитировал самого Гоголя: «Родом серб, буйно искоренивший из себя все человеческое в венгерских попойках и грабительствах, по костюму и несколько по языку поляк, по жадности к золоту жид, по расточительности его козак, по железному равнодушию дьявол»³⁰.

Введение образа безжалостного предводителя отряда – серба «с бесконечными усами»³¹, по оригинальной мысли В.Д. Денисова [Денисов 2009, 458–459], можно объяснить тем, что Гоголь изначально предполагал отдать «Пленника» под названием «Кровавый бандурист» в журнал «Библиотека для чтения». «Бесконечными усами» обычно у Гоголя наделены польские военные. Но редактором «Библиотеки для чтения» был поляк О.И. Сенковский, поэтому, чтобы «смягчить» тенденциозность фрагмента, Гоголь отрицательного персонажа, разоряющего монастырь, сделал сербом³².

Вместе с тем альманах «Забавы сербок» довольно полно представил раннее творчество Гоголя, показав его и как автора малороссийских повестей, и как историка, и как сатирика, и как автора сочинений на материале современной ему петербургской жизни.

Тем не менее существенным недостатком сербского издания являлось то, что Попович по своему усмотрению разрушил единство гоголевских циклов, поставив под вопрос саму идею циклизации, столь важную для Гоголя. Гоголь на протяжении всей жизни мыслил с эпическим размахом, тяготел к крупным жанровым формам, и поэтому цикл, который всегда есть не просто сумма повестей, а некое новое единство [Ляпина 1999, 5], идеально отвечал его представлениям о литературе³³.

При способе публикации, выбранном Поповичем, сербский читатель не мог постигнуть замысел Гоголя полностью, не читал предисловий к первой и второй частям «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и вообще не знал о фигуре Рудого Панька – веселого повествователя-малороса. Вместе с тем, смешав украинские и петербургские повести Гоголя, добавив к ним главу из исторического романа «Пленник», сербский издатель стремился максимально познакомить читателей с творчеством раннего Гоголя. Представляется, что с этой задачей он справился блестяще, ведь «Забавы для сербок» стали первым книжным изданием Гоголя на Балканах, а «Пленник» вообще первым переводом этого произведения на иностранный язык.

И в том же году, когда вышел второй том альманаха «Забавы для сербок», в «Данице» Попович опубликовал свою большую критическую статью о Гоголе «Писатели и писательство». В качестве важного свойства поэтики сочинений Гоголя Попович выделил в статье обращение к простым темам и обычным людям, что углубляло процесс демократизации как языка, так и литературы: «В повестях Н. Гоголя видно, что может даровитый писатель, имея

²⁹ Гоголь Н.В. Рцб, 115.

³⁰ Гоголь Н.В. 1937–1952. Т. 3, 304.

³¹ Там же. Т. 10, 304.

³² Если такая уловка и была в замыслах Гоголя, она, увы, не помогла. Цензор А.В. Никитенко по просьбе редактора «Библиотеки для чтения» Н.И. Греча не без согласия Сенковского [Виноградов 1976, 93] запретил к публикации в журнале главу «Кровавый бандурист» [Гоголь в неизданной переписке 1952, 545–546]. См. об этом подробнее: [Виноградов 2021, 208–224].

³³ Анализ творчества Гоголя в свете проблемы циклизации – одно из перспективных направлений гоголеведения XXI в. (см. [Киселев 2000; Музалевский 2000]).

перед собой самый простой материал. У нас прямо перед глазами шествуют его казаки и бурсаки, его певчие и церковники; мы с ними разговариваем и видим их характеры насквозь; мы бы их узнали, если бы привел случай с ними где-то на углу встретиться; его ведьмы – какие это красивые и одновременно страшные существа! Сколько фантазии, сколько неиссякаемой поэзии в этих описаниях!»³⁴

Не менее важно для Поповича то, что в произведениях Гоголя отражается «душа русского народа» во всем ее многообразии и различных формах проявления: «В этих повестях показана русская набожность и казацкое мужество, народные верования и жертвенность за царя и родину»³⁵.

Наконец сербский критик настаивал, что произведения Гоголя – редчайший пример сочетания высокой литературной традиции с приемами массовой беллетристики, ведь его произведения «классические и в то же время популярные»³⁶. Действительно, для литературной позиции Гоголя 1830-х годов было характерно парадоксальное соединение эстетизма, который базировался на поэтике романтизма и получал мощную подпитку в вырабатываемом Пушкиным и его окружением принципе «истинного профессионализма» русского литератора, с явной ориентацией на широкого читателя. Н. Н. Акимова убедительно доказала, что через переработку приемов массовой литературы, через использование журнально-газетной смеси, вульгарного анекдота и других низких жанров Гоголь шел к новым формам литературы и «пытался совместить несовместимое – истинную талантливость с признанием у широкой читательской аудитории» [Акимова 1996, 15].

Сербская аудитория Гоголя признала. Альманах «Забавы для сербок» раскупили довольно быстро [Крестић 1980, 150], и можно было рассчитывать на продолжение Поповичем работы по популяризации русской литературы на Балканах. Тем более нужно было знакомить читателей со зрелыми произведениями Гоголя – «Ревизором» и «Мертвыми душами». Однако это знакомство произойдет уже без участия редактора «Даницы», а альманах «Забавы для сербок» ограничится двумя томами.

Попович, находясь в центре социальной жизни Воеводины, во второй половине 1860-х годов все более погружался в политику. Он стал членом парламента, был помощником королевского комиссара в Нови-Саде, активно выступал в защиту сербов в венгерских газетах во время русско-турецкой войны (1877–1878 гг.), осудил австро-венгерскую оккупацию Боснии и Герцеговины, защищал сербов в Македонии и писал в чешские газеты статьи о необходимости сближения чехов и сербов с русскими³⁷. Как точно отмечено в юбилейной статье, написанной к 70-летию Поповича, «всю свою жизнь он занимался этим не для личной славы, а во славу своего народа – сербов»³⁸. Добавим – занимался на разных поприщах: политическом, литературном, журнальном и в том числе переводческом. Попович хотел, чтобы лучшие произведения иных национальных литератур стали доступны для его народа. Особое место в своих переводческих штудиях он отвел творчеству Гоголя.

³⁴ Поповић Ђ. Списатељи и списатељство, 10.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Анон. Ђорђе Поповић (1832–1902), 1347–1352.

³⁸ Там же, 1352.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Анон* [Хаџић А.]. Близанци. Украинска приповедка од А. Стороженка. Прево Ђорђе Поповић. Нови Сад: Печатња д-ра Данила Медаковића, 1859 // Србскій Летопись за годину 1859. 1860. № 100. С. 150–159.
- Анон*. Ђорђе Поповић (1832–1902) // Бранково коло. 1902. № 42/43. С. 1347–1352.
- Анон*. [У Пушкиновим преводима у Хрватској] // Даница. 1862. № 35. С. 570–571.
- Архив Матице Српске. Ф. Антоније Хаџић. III. 92.
- Гогол Н.* Майска ноћ или Утопленица. Малоруска народна приповедка. С рус. Ђ. Р. // Седмица. 1853. № 44–48. С. 343–344, 353–355, 359–361, 369–372, 377–382.
- Гогол [Н. В.]* Сорочинскій саямъ // Новине србске. 1849. № 113, 114, 116–120, 124–127, 130, 133.
- Гогол [Н. В.]* Страшна освета // Новине србске. 1850. № 1, 2, 4, 5, 7–12, 15–20.
- Гогол Н.* Ноћ у очи божића. Приповедка // Седмица. 1858. № 18–24. С. 137, 145, 153, 161, 170, 177, 185.
- Гогол Н.В.* Вије // Даница. 1863. № 40–44. С. 625–630, 641–647, 657–662, 673–678, 689–694.
- Гогол Н.В.* Роб // Забава Србкињама. 1865. № 2. С. 115–117.
- Гогол Н.В.* Портрет // Даница. 1866. № 29–36. С. 677–681, 702–707, 725–729, 750–757, 775–778, 800–804, 824–829, 850–854.
- Гогол Н.В.* Приповетка, како се свадно Иван Иванович са Иваном Никифоровићем // Даница. 1866. № 14–20. С. 319–322, 341–348, 367–370, 390–398, 412–416, 438–442, 465–471.
- Гогол Н.В.* Изгубљене писмо // Даница. 1867. № 27–28. С. 630–633, 654–658.
- Гогол Н.В.* Каруце // Даница. 1867. № 35–36. С. 817–821, 842–846.
- Гогол Н.В.* Полное собрание сочинений: В 14 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 3, 8, 10.
- Гогол Н.В.* Полное собрание сочинений: В 23 т. М.: Наука, 2009. Т. 3.
- Јовановић Сл.* Сабрана дела. Београд: Српска књижевна задруга, 1991. Књ. 5.
- Поповић Ђ.* Поштованим читатељима // Даница. 1860. № 1. С. 1.
- Поповић Ђ.* Забаве Србкињама // Напредак. 1864. № 115, 116, 127
- Поповић Ђ.* Ново књижевно подузеће // Даница. 1864. № 37.
- Поповић Ђ.* Списатељи и списатељство // Даница. 1865. № 1. С. 10–12.
- Стороженко А.* Близанци. Украинска приповедка. Прево Ђорђе Поповић. Нови Сад: Печатња д-ра Данила Медаковића, 1859.
- Стороженко А.П.* Воспоминание // Отечественные записки. 1859. № 4. С. 71–84.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова Н.Н.* Булгарин и Гоголь (массовое и элитарное в русской литературе: проблемы автора и читателя) // Русская литература. 1996. № 2. С. 3–22.
- Буњак П.* Две српске књижеваре у XIX веку и њихова улога у популарисању пољске књижевности // Славистика. 1997. № 1. С. 97–105.
- Вересаев В.В.* Гоголь в жизни. М.; Л.: Academia, 1933. 529 с.
- Виноградов В.В.* Избранные труды. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. 512 с.
- Виноградов И.А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3-х т. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1. 904 с.
- Виноградов И.А.* Н.В. Гоголь и цензура. Взаимоотношения художника и власти как ключевая проблема гоголевского наследия. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 864 с.
- Гоголь в неизданной переписке современников // Литературное наследство. Т. 58. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 533–772.
- Денисов В.Д.* Комментарии // Н.В. Гоголь. Арабески. (Серия «Литературные памятники»). СПб.: Наука, 2009. С. 271–501.
- Енциклопедија Новог Сада. Нови Сад: Новосадски клуб – Градска библиотека Нови Сад, 2003. 832 с.
- Живановић Ђ.* Срби и пољска књижевност (1800–1871). Београд: [б.и.], 1941. 276 с.
- История Югославии: В 2-х т. / под ред. Ю.В. Бромлея, И.С. Достяна, В.Г. Карасева, С.А. Никитина. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. 440 с.
- Киселев В.С.* Структура «Арабесок» Н.В. Гоголя и вопросы поэтики русского прозаического цикла 20–30-х годов XIX века: дис. ... канд. филол. наук / Красноярский государственный университет. Красноярск, 2000. 189 с.
- Кисић М., Булатовић Б.* Српска штампа: 1768–1995: историјско-библиографски преглед. Штампа и српско друштво 19. и 20. века. Београд: Медија центар, 1996. 513 с.
- Крстић В.* Историја српске штампе у Угарској 1791–1914. Нови Сад: Матица српска, 1980. 506 с.

- Кулагин А. В. Стороженко Алексей (Олекса) Петрович // Русские писатели. М.; СПб.: Большая российская энциклопедия; Нестор-история, 2019. Т. 6. С. 80–82.
- Ляпина Л. Е. Циклизация в русской литературе XIX в. СПб.: НИИ химии СПбГУ, 1999. 280 с.
- Милинчевић В. «Летопис Матице српске» под првим уредништвом Антонија Хаџића (1859–1869) // Научни састанак у Вукове дане. Београд, Нови Сад, Тршић: МСЦ, 1975. С. 49–68.
- Морщинер М. С., Пожарский М. И. Библиография переводов на иностранные языки произведений Н. В. Гоголя. М.: [б. и.], 1953. 110 с.
- Музалевский М. Е. Циклы и цикличность в сюжетно-композиционном составе произведений Н. В. Гоголя: «Арабески», «Женитьба», «Мертвые души»: дис. ... канд. филол. наук / Саратовский государственный университет. Саратов, 2000. 252 с.
- Оксман Ю. Г. Кровавый бандурист. Запрещенные страницы Гоголя // Литературный музей: (Цензурные материалы 1-го отд. IV секции Гос. архивного фонда). Пг.: [б. и.], 1921. С. 348–359.
- Погодин А. Руско-српска библиографија. 1800–1925: В 2 књ. Београд: Издање Задужбине Каменка и Павла Браћа Јовановића. Књ. 1. 285 с.
- Пойда О. А. Олекса Стороженко: нарис життя і творчості. Вінниця: ДП «Державна картографічна фабрика», 2008. 240 с.
- Радевић А. Срби у Хабзбуршкој монархији 1868–1878 // Историја српског народа. Књ. 5. Т. 2. Београд: Српска књижевна задруга, 1986. С. 153–175.
- Савин М. Српски дневник и Српска Војводина // Културни Центар Новог Сада URL: <https://www.kcns.org.rs/agora/srpski-dnevnik-i-srpska-vojvodina/> (дата обращения: 24.10.2022)
- Стојановић Ј. Прва оцена Даничаревог превода ДОН КИХОТА // Летопис Матице српске. 1998. Књ. 462. Св. 4. С. 504–508.
- Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя: [В 4 т.] М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1892–1897. Т. 1. 387 с.
- Milidragović M. Gogolj kod Srba: doktorska disertacija. Sarajevo, 1961. 343 s.
- Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka / Stanojević St. Zagreb: Bibliografski zavod, 1928. Knj. 3. 280 s.
- Рукопись поступила в редакцию 19.12.2022
Рукопись принята к печати 12.02.2023

REFERENCES

- Akimova N. N. Bulgarin i Gogol' (massovoje i elitarnoje v russkoi literature: problemy avtora i chitatelia). *Russkaia literatura*, 1996, no 2, pp. 3–22. (In Russ.)
- Bunjak P. Dve srpske knjižare u XIX veku i njihova uloga u popularisanju poljske književnosti. *Slavistika*, 1997, no 1, pp. 97–105. (In Serb.)
- Denisov V. D. Kommentarii. N. V. Gogol'. *Arabeski*. (Serii «Literaturnye pamiatniki»). Saint-Peterburg, Nauka Publ., 2009, pp. 271–501. (In Russ.)
- Enciklopedija Novog Sada. Novi Sad, Novosadski klub – Gradska biblioteka Novi Sad, 2003, 832 p. (In Serb.)
- Gogol' v neizdannoj perepiske sovremennikov. *Literaturnoje nasledstvo*, vol. 58. Moscow, AN SSSR Publ., 1952, pp. 533–772. (In Russ.)
- Istoriia Iugoslavii: V 2 t., ed. Iu. V. Bromleia, I. S. Dostian, V. G. Karaseva, S. A. Nikitina. Moscow, AN SSSR Publ., 1963, vol. 1, 440 p. (In Russ.)
- Kiselev V. S. *Struktura «Arabesok» N. V. Gogolia i voprosy poetiki russkogo prozaicheskogo tsikla 20–30-kh godov XIX veka*, PhD Thesis Abstract. Krasnoyarsk, 2000, 189 p. (In Russ.)
- Kisić M., Bulatović B. *Srpska štampa: 1768–1995: istorijsko-bibliografski pregled. Štampa i srpsko društvo 19. i 20. veka*. Beograd, Medija centar, 1996, 513 p. (In Serb.)
- Krestić V. *Istorija srpske štampe u Ugarskoj 1791–1914*. Novi Sad, Matica srpska, 1980, 506 p. (In Serb.)
- Kulagin A. V. Storozhenko Aleksej (Oleksa) Petrovich. *Russkije pisateli*. Moscow, St. Petersburg, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., Nestor-istoriia Publ., 2019, pp. 80–82. (In Russ.)
- Liapina L. Je. *Tsiklizatsiia v russkoi literature XIX v.* St. Petersburg, NII khimii SPbGU Publ., 1999, 280 p. (In Russ.)
- Milidragović M. *Gogolj kod Srba: doktorska disertacija*. Sarajevo, 1961, 343 p. (In Serb.)
- Milinčević V. «Letopis Maticе srpske» pod prvim uredništvom Antonija Hadžića (1859–1869). *Naučni sastanak u Vukove dane*. Beograd, Novi Sad, Tršić: MSC Publ., 1975, pp. 49–68. (In Serb.)
- Morshchiner M. S., Pozharskii M. I. *Bibliografiia perevodov na inostrannyje iazyki proizvedenii N. V. Gogolia*. Moscow, [w. p.], 1953, 110 p. (In Russ.)
- Muzalevskii M. Je. *Tsikly i tsiklichnost' v siuzhetno-kompozitsionnom sostave proizvedenii N. V. Gogolia: «Arabeski», «Zhenit'ba», «Mertvyje dushi»*, PhD Thesis Abstract. Saratov, 2000, 252 p. (In Russ.)

- Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka*, ed. Stanojević St. Zagreb, Bibliografski zavod, 1928, vol. 3, 280 p. (In Serb.)
- Oksman Iu.G. Krovavyy bandurist. Zapreshchennyje stranitsy Gogolia. *Literaturnyi muzeum: (Tsenzurnyje materialy 1-go otd. IV sektsii Gos. arkhivnogo fonda)*. Petrograd, [w.p.], 1921, pp. 348–359. (In Russ.)
- Pogodin A. *Rusko-srpska bibliografija. 1800–1925: V 2 knj.* Beograd, Izdanje Zadužbine Kamenka i Pavla Braća Jovanovića, vol. 1, 285 p. (In Serb.)
- Poïda O.A. *Oleksa Storožhenko: narys zhyttia i tvorchosti*. Vinnytsia, DP «Derzhavna kartohrafichna fabryka», 2008, 240 p. (In Ukr.)
- Radenić A. *Srbi u Habsburškoj monarhiji 1868–1878. Istorija srpskog Naroda, knj. 5, t. 2.* Beograd, Srpska književna zadruka, 1986, pp. 153–175. (In Serb.)
- Savin M. Srbski dnevnik i Srpska Vojvodina. *Kulturni Centar Novog Sada* URL: <https://www.kcns.org.rs/agora/srbski-dnevnik-i-srpska-vojvodina/> (accessed: 24. 10. 2022) (In Serb.)
- Shenrok V.I. *Materialy dlia biografii Gogolia: [V 4 t.]* Moscow, A.I. Mamontova i K° Publ., 1892–1897, vol. 1, 387 p. (In Russ.)
- Stojanović J. Prva ocena Daničarevog prevoda DON KIHOTA. *Letopis Matice srpske*. 1998, vol. 462, no. 4, pp. 504–508. (In Serb.)
- Veresajev V.V. *Gogol' v zhizni*. Moscow, Leningrad, Academia, 1933, 529 p. (In Russ.)
- Vinogradov I.A. *Gogol' v vospominaniiakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskije izdanije: V 3 t.* Moscow, IMLI RAN Publ., 2011, vol. 1, 904 p. (In Russ.)
- Vinogradov I.A. *N.V. Gogol' i tsenzura. Vzaimootnosheniia khudozhnika i vlasti kak kliuchevaia problema gogolevskogo nasledija*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2021, 864 p. (In Russ.)
- Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy. Poetika russkoi literatury*. Moscow, Nauka Publ., 1976, 512 s. (In Russ.)
- Živanović Đ. *Srbi i poljska književnost (1800–1871)*. Beograd, [w.p.], 1941, 276 p. (In Serb.)

Received on 19.12.2022

Accepted 12.02.2023

Информация об авторе:

Сартаков Егор Владимирович
кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет им.
М.В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7434-635X
E-mail: esartak@mail.ru

Information about the author:

Egor V. Sartakov
Ph D. (Philology), Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-7434-635X
E-mail: esartak@mail.ru

Славяноведение, 2023, № 5, с. 56–77

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 5, pp. 56–77

DOI: 10.31857/S0869544X0027865-4

Оригинальная статья / Original Article

«Иудино дерево» в различных культурно-языковых традициях Европы: слово и образ

© 2023 г. Е.Л. Березович¹, Н.А. Шляхтер²

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург, Российская Федерация)

berezovich@yandex.ru

²Холон, Израиль

nshlachter@gmail.com

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-18-00439
«Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России»

Аннотация. Объект исследования – фитоним «иудино дерево» (реже «еврейское/жидовское дерево») в европейских языках, преимущественно германских и славянских, а также верования, фольклорные и литературные тексты и т.п., где отражен образ дерева, на котором повесился Иуда. При этом особое внимание уделено именно фитонимам, в которых информация хранится в наиболее устойчивом виде: нем. *Judasbarke* ‘плакучая береза’, словац. *judášove ucho* ‘бузинный гриб’, рус. *иудина виселица* ‘осина’ и др. Рассматриваются такие фитосимволы, как багряник, бузина, осина, тополь, ива (верба, береза), рябина, смоковница, тамариск, теревинф. Прослеживаются типологические сходство и различие мотиваций фитосимвола «дерево Иуды» // «дерево Иудеи» в разных культурно-языковых традициях; выявляются особенности строения символа и влияние религиозно-исторических основ этнической группы на формирование языкового и культурного образа растения. Например, у таких фитосимволов, как рябина, осина, теревинф, багряник, верба, ольха выделяется признак красного / рыжего цвета листвы, коры, цветов, который проецируется на цвет крови, стыда за содеянное, волос Иуды / еврея; листья или семена багряника имеют цвет и форму монет-серебренников и др. Выявляются основные факторы формирования и распространения представлений об «иудином дереве» в лингвокультурных традициях Европы.

Ключевые слова: этнолингвистика, народная ботаника, фитоним, мотивация, ксеномотивация, лингвокультурная традиция, Библия, фольклор.

Ссылка для цитирования: Березович Е.Л., Шляхтер Н.А. «Иудино дерево» в различных культурно-языковых традициях Европы: слово и образ // Славяноведение. 2023. № 5. С. 56–77. DOI: 10.31857/S0869544X0027865-4

«Judas Tree» in Various Cultural and Linguistic Traditions of Europe: Word and Image

© 2023. Elena L. Berezovich¹, Natalia A. Shlyachter²

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russian Federation)

berezovich@yandex.ru

² Holon, Israel

nshlachter@gmail.com

The research was supported by the Russian Science Foundation (grant project No. 23-18-00439 Onomasticon and Linguocultural History of European Russia)

Abstract. The research subject is the phytonym «Judas tree» (less common «Jewish/zhidovsky tree») in European languages, mainly Germanic and Slavic, as well as beliefs, folklore and literary texts, etc., that reflect the image of the tree on which Judas hanged himself. The research is mostly focused on phytominations, in which information is stored in the most sustained form: Germ. *Judasbarke* ‘weeping birch’, Slovak *judášove ucho* ‘elder mushroom’, Rus. *иуди́на вуселуца* ‘aspen’, etc. The considered phytosymbols are a redbud, elder, aspen, poplar, willow (pusy-willow, birch), rowan, fig tree, tamarisk, terebinth. The typological similarities and differences in motivations of the phytosymbol «Judas tree»// «Tree of Judea» in various cultural and linguistic traditions are traced. The symbol structural features and the influence of the ethnic group religious and historical foundations on the formation of the plant linguocultural image are revealed. For instance, a feature of red/ ginger color of the foliage, bark, bloom of such phytosymbols as the rowan, aspen, terebinth is projected on the color of blood, shame of transgression, Judas’ / Jews’ hair; the color and form of the redbud leaves and seeds are associated with the pieces of silver-coins paid for the treason of Jesus, etc. The article reveals the major factors of the «Judas tree» image formation and dissemination in European linguocultural traditions.

Keywords: ethnolinguistics, folk botany, phytonym, motivation, xenomotivation, linguocultural tradition, Bible, folklore.

For citation: Elena L. Berezovich, Natalia A. Shlyachter. «Judas Tree» in Various Cultural and Linguistic Traditions of Europe: Word and Image // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. № 5. P. 56–77. DOI: 10.31857/S0869544X0027865-4

В культуре многих христианских народов существуют представления о проклятых и благословенных деревьях. Их образ в символическом языке культуры, включающий в числе прочего мотивацию названий, обусловлен чаще всего ботаническими свойствами самих растений, но в то же время определен культурной и исторической памятью, связанной как с библейскими сюжетами, так и с верованиями, имеющими языческие корни. Сложное переплетение культурных факторов обуславливает не только противопоставленность свойств проклятых и благословенных деревьев, но – в ряде случаев – наделение одного и того же растительного символа амбивалентными свойствами, см., например, [Локић 2013; Усачева 2010]. Среди таких растений особое место занимает «иудино дерево» – то, на котором, по поверьям, повесился Иуда. «Физически» это не одно дерево, а целая группа, но основанием для объединения в группу являются не ботанические признаки, а поведение культурного символа. Этот

символ многослоен, он связывает культурного героя (антигероя), являющегося при этом в сознании носителей европейских христианских традиций представителем еврейского народа, и (вариативную!) среду его обитания.

Об «иудиных деревьях» много писали, но, кажется, не делали попыток собрать воедино (хотя бы в первом приближении) эту «рощу». Объект нашего исследования – **фитоним «иудино дерево»** (реже «еврейское / жидовское дерево») в европейских языках, преимущественно германских и славянских, а также другие факты символического языка культуры – верования, фольклорные и литературные тексты и т.п., где отражен **образ дерева**, на котором повесился Иуда.

Задачи исследования мы видим в том, чтобы проследить типологические сходство и различие мотиваций фитосимвола «дерево Иуды» // «дерево Иудеи» в германских, славянских и романских (в меньшей степени) культурно-языковых традициях; выявить особенности строения символа и влияние религиозно-исторических основ этнической группы на формирование языкового и культурного образа растения. К примеру, некоторые образы «деревьев Иуды» отсылают нас к текстам Ветхого Завета, а именно книгам пророков Исаяи и Осии, где несколько раз упоминаются «кумирные» деревья, которым поклонялись и под которыми грешили евреи-богоотступники. Это серебристый тополь, теревинф и дуб (Книга Царств 2, 18, 9, Осия 4, 130, *הושע ד: יג. ישעיהו א: כז-כט*), которые на разных территориях считались связанными с Иудой. Несмотря на все трудности идентификации растительных (и не только растительных) символов в различных переводах Библии, мы полагаем, что это не может быть простым совпадением.

Следует еще раз подчеркнуть, что не во всех случаях представления об «иудином дереве» оформляются в виде фитонима (есть ситуации, где они закрепляются во внеязыковых каналах трансляции этнокультурной информации), но мы особо выделяем **фитономинации**, поскольку в них информация хранится в наиболее устойчивом и выкристаллизованном виде.

В одной статье мы не сможем дать обзор всех древесных символов, потому остановимся на наиболее значимых: тех, которые проявились в нескольких культурных традициях, отмечены в ряде источников, имеют, как говорилось выше, системно-языковую «маркировку» (это условие не является жестким, но значимо). Представим перечень рассматриваемых символов, соответствующий порядку их рассмотрения в статье.

Багряник. Этот символ будет рассмотрен первым, поскольку в романо-германских языках сочетание «иудино дерево» закреплено за багряником не просто как вторичная характеристика, но как факт народной фитонимической номенклатуры.

Бузина. Бузина имеет название «иудино дерево» как вторичное, главным образом в германских языках. На этом примере можно наиболее полно рассмотреть разные грани образа и историю его формирования. Важно, что от образа бузины есть характерное «отпочкование»: образ растущих на ней грибов, обозначаемых как «иудины уши».

Осина. Это основное «иудино дерево» славян, особенно западных и восточных.

Тополь близок к осине и ботанически, и символически, но «иудина маркировка» проявлена слабее и со своими акцентами, поскольку тополь является кумирным деревом Ветхого Завета.

Ива (верба), а также изредка символически близкая им **береза**, с одной стороны, обнаруживают переклички с тополем и осиной, с другой, имеют свою библейскую историю, что привносит новые мотивы в их образы.

Рябина, как и осина, имеет преимущественно славянскую (но именно западную) номинативную маркировку.

Смоковница считается «иудиным деревом» на юге Европы, номинативная маркировка практически не проявлена, но с ней связана богатая символика, отраженная в фольклоре и верованиях.

Тамариск в функции «иудиного дерева» тоже известен на юге Европы; «иудино» символика фиксируется эпизодически.

Теревинф отмечен в этом же ареале (юг Европы), «иудино» символика тоже эпизодична, хотя проявлена иначе, чем у тамариска.

Другие растительные символы не будут рассматриваться отдельно, но о них будет сказано несколько слов в заключительной части статьи. При цитировании нерусскоязычных источников даются переводы авторов статьи (если не оговорено иное).

БАГРЯНИК

Речь идет о дереве, которое в научной таксономии именуется *Cercis Siliquastrum* ‘багряник европейский’, а в народной номенклатуре обозначается такими фитонимами, как лат. *arbor Judae*, франц. *arbre de Judée* («дерево Иудеи»), исп. *Judasbaum* («Иуда-дерево»), нем. *Judasbaum*, англ. *Judas tree*, дат. *Judastræ*, швед. *Judasträd*, *Judaslind*, франц. *arbre de Judas*, итал. *albero di Giuda* («дерево Иуды»), нем. *Jüdischer Baum*, нидерл. *Jodenboom* («еврейское дерево») [OED8, 292; Marzell 1, 901]. В народной ботанике славян подобная терминология является результатом калькирования, ср., к примеру, рус. *иудино дерево*, *багряник иудейский* ‘багряник европейский *Cercis siliquastrum* L.’, польск. *judaszowe drzewo*, *judaszowiec*, *żydowskie drzewo*, чеш. *Jidášův strom*, хорв. *Judić*, *Juda*, *Judid*, *Judino drvo* и др. [Анненков 1878, 92; Šulek 1879, 134].

Происхождение этой номинации и мотивация, связавшая это дерево с Иудой, остаются неясными и даже вызывают недоумение. Действительно, багряник стоит особняком среди других «иудиных» деревьев. Он не связан с дохристианскими мифами (как мы увидим далее, это характерно для других растительных символов), не упомянут в Библии, хотя и типичен для средиземноморской растительности и пейзажа как древней Иудеи, так и современного Израиля. Его цветы и семена используются как приправа в друзской и арабской кухне, используются для лечения воспалений и грибковых заболеваний.

По самой популярной и многократно изложенной версии этимологии этого фитонима, багряник, вывезенный во Францию из Палестины, получил там название «дерево Иудеи» (франц. *arbre de Judée*), что по произношению идентично, а по написанию близко сочетанию «дерево Иуды» (*arbre de Judas*), а в средневековой латыни эти две номинации вообще неразличимы (*arbor Judae*) [Watts 2007, 215]. Эта гипотеза была сформулирована в нескольких исследованиях [Barber & Phillips 1975, 33; Mabberley 2008, 170; Wilkinson 1973, 134].

Но оксфордский словарь английского языка эту версию отвергает, указывая, что фитоним с внутренней формой «иудино дерево» появляется в литературе раньше, чем «дерево Иудеи» (*arbor Judae*), под которым подразумевается пальма, а не *Cercis Siliquastrum*: «С первым значением соотносится постклассическое латинское *arbor Judae* (1576 г. или ранее) и, возможно, французское *arbre de Judée* (1617 г. или ранее). Хотя иногда предполагается, что значение “дерево Иуды” возникло из смешения с *arbor Judaeae* (из постклассической латыни),

т.е. “tree of Judaea” = “дерево Иудеи”, это предположение не находит подтверждения, поскольку название *arbor Judaeae* “дерево Иудеи” было впервые зафиксировано позже (в 1692 г. или ранее) и только в значении ‘пальма’ (что соответствует использованию пальмы как символа Иудеи, чаще всего на древних еврейских монетах)» [OED8, 292].

Хочется поддержать и развить именно последнюю версию: фитоним «иудино дерево» по отношению к багряннику возник из неверно понятой номинации *arbor Judaeae*. Во-первых, латинская таксономия чаще всего ориентируется на географическую принадлежность растений, а не на связь их с легендой или традицией. Примеры таких номинаций присутствуют и в этой статье, см. далее (*Pistacia Paleastina*, *Populus Euphratica*, *Tamarix Africana*). Во-вторых, в средневековой латыни дифтонг *ae* редуцировался до звука [э] – так, что фитонимы *arbor Judaeae* «дерево Иудеи» и *arbor Judae* «дерево Иуды» отличались при произношении только долготой слога и ударением, что вполне могло привести к их смешению.

К сожалению, мы не располагаем контекстами, в которых *arbor Judae* со всей определенностью отсылает к Иудее, но для европейского глаза и уха различие в написании и произношении настолько ничтожно, что вполне могло произойти смешение понятий, тем более что это соответствует глубоко укорененному стереотипу, согласно которому евреи были хриstopродавцами, а следовательно, Иудея – «страна Иуд». Да и собственно обозначение Иудеи произошло от имени יהודה («Иуда»), родоначальника самого многочисленного колена Израиля, тезкой которого был איש קריית יהודה («Иуда, Иш Крайот»).

Еще одна версия появления номинации «иудино дерево» в отношении багрянника европейского (*Cercis Siliquastrum*) предполагает перенос с исп. *Arbol Judia* – «бобовое дерево», ведь стручки этого дерева отдаленно напоминают стручки бобов [Fox Talbot 1847, 89]. Н.Н. Анненков предполагает, что перенесение названия и свойств с одного дерева на другое могло произойти из-за диффузности номинации: «Название *иудина дерева*, а отсюда *иудейского* и *жидовского дерева*, произошло на основании предположения, что Иуда-предатель повесился на этом дереве, а так как существует еще другое предание, что Иуда повесился на осине, то оба предположения могут быть объяснены тем, что у Теофраста именем *Cercis* также называется *Populus Tremula*, осина» [Анненков 1878, 92], ср. др.-греч. χερχίς ‘осина’ [Дворецкий 1958, 938].

В книге знаменитого английского ботаника позднего Средневековья Дж. Джерарда (1597 г.) содержится замечание, что *Cercis Siliquastrum* иногда ошибочно называли *Sycotorus* (т.е. фиговое дерево) [Gerard 1957, 1240]. Это тоже говорит о возможности смешений, вследствие которых второе название фигового дерева – «иудино дерево» – тоже переносится на багрянник.

Фитоним «иудино дерево» в отношении багрянника актуален во Франции, Британии, Греции, Америке. В данном случае именно номинация определяет отношение к дереву и его частям: наличие цветов двух оттенков, белого и малинового, теперь объясняется тем, что цвет невинности сменился цветом пламенеющего стыда и цветом крови после самоубийства Иуды. Сами цветы признаются ядовитыми: считается, что они убивают пчел, собирающих с них нектар [РСНС, 72]. Плоские и круглые семена в стручках превратились в «иудины серебрики», а сами стручки, свисающие прямо со ствола, воспроизводят положение тела Иуды¹. Как и в отношении других проклятых деревьев, в связи

¹ יהודה על ישו ועץ כליל החורש - טיולים ואגדות | meny.co.il <сайт экскурсий и легенд Израиля>.

с багрянником действует ряд запретов и ограничений. Нельзя использовать его древесину, следует остерегаться падения вблизи него, поскольку соприкосновение с деревом в падении предвещает скорую смерть. Спать под «иудиным деревом», разумеется, тоже опасно [Folcard 1884, 152].

Относительная новизна этого фитонима объясняет бедность фольклорных упоминаний «иудина дерева».

Однако, как в случае с другими деревьями, рассматриваемыми в этой статье, образ багрянника амбивалентен. Мотивацией для его обозначений может служить красота цветущего дерева и форма его листьев, напоминающих сердце, и тогда во многих языках оно номинировано как «дерево любви»: англ. *Love tree*, нем. *Liebesbaum*, франц. *arbre d'amour* [Marzell 1, 901]. При этом оно же появляется в ряде литературных произведений как символ обманчивой и коварной красоты или как метафора наказания за предательство².

БУЗИНА

У англосаксов, кельтов, реже в романском мире, позицию «иудина дерева» может занимать бузина (*Sambucus Nigra*), которая получает и соответствующие номинации. У славян (в Польше и на Украине) такие представления тоже встречаются, но не имеют, кажется, номинативного воплощения. Бузина (особенно у германцев) связана с таким количеством верований, характерных для благословенных и проклятых деревьев, что о ней мы расскажем подробнее: это имеет смысл для демонстрации механизмов, работающих в народных традициях по отношению к таким амбивалентным растительным символам.

На значимость в народной картине мира этого (обычного в европейском пейзаже) дерева указывает многообразие фитонимов, которые его обозначают. Только в английском языке существует несколько названий бузины: *Alder, baw tree, bore tree, bour tree, bull tree, devil's wood, dog tree, elder, Judas tree, skaw, white umbrella* etc. [Britten, Holland 1886, 281; OED5, 112]. Самый распространенный из этих фитонимов — *elder* — восходит к др.-верх.-нем. *holuntar* и к ср.-нем. *holander, holder*, в которых явственно ощущается связь с англ. *hole, hollow*, что указывает на особенности строения полого ствола бузины [OED5, 112]. Та же мотивация прослеживается в латинском названии *sambucus*, которое называет деревянный духовой инструмент.

Что касается «иудиных» названий бузины, то, кроме английского, приведенного выше, фиксируются также нем. фитонимы *Judasboom, Judasstrauch, Judasstrauben* и франц. (валлон.) *du Djudas* [Marzell 4, 76].

В языческой традиции у древних германцев, кельтов, скандинавов, западных славян бузина играла двойственную роль. С одной стороны, это дерево широко использовалось в народной медицине и считалось универсальным лекарственным средством. Существуют старинные руководства по применению бузины для лечения различных заболеваний, например, сочинение «*Anatomia Sambuci*» (1677) под авторством доктора Блохвиха (Dr. Blochwich). Из зрелых ягод бузины готовили вино и различные блюда. При этом незрелые сырые плоды бузины, а также листья, кора и ветви ядовиты и могут вызвать серьезное недомогание у людей и животных. Это могло стать одной из причин, по которой бузина считалась опасной. Бузина наделялась особой мистической силой. Способность «возрождаться» и давать новые побеги из мертвых по виду стволов связывала это дерево в народном сознании с хтоническим миром

² Эти мотивы обнаруживаются в романе А. Кронина «Иудино дерево» («*The Judas Tree*») и в рассказе К. Портер «Цветущий Иуда» («*Flowering Judas*»).

и царством мертвых. Бузину было принято сажать на кладбищах не только для охраны усопших, но и для защиты живых. Пушкайтис — бог земли, как считалось в Пруссии, жил под этим деревом [Торп 2021, 466].

У скандинавов это дерево — земное воплощение *Hyldemoer*, богини-матери всех эльфов. Подобные представления характерны для кельтов, англо-саксов, видевших в бузине обиталище духов, готовых отомстить за любое повреждение, нанесенное дереву. Считалось опасным рубить бузину, использовать ее древесину для застилания полов, изготовления детских колыбелек или как дрова. Существует множество легенд, рассказывающих, как пострадали люди, пренебрегшие этим запретом. Существовала специальная формула обращения к бузине, если необходимо было использовать ее как материал [Watts 2007, 129, Monaghan 2004, 150].

Кельты верили, что бузина — жилище и воплощение фей и ведьм, и народная этимология возводила слово *elder* или *eller* к корню *elle*, или *elf* [Monaghan 2004, 150]. «На острове Мен, где бузина растет в изобилии и называется *tramman*, принято считать ее “деревом фей”. В Ирландии множество конкретных деревьев этого вида считались обиталищем злых духов и фей» [McKillop 2016, 178]³.

С наступлением христианства церковь запретила совершение магических обрядов под бузиной и другими деревьями и провозгласила их «пустыми» [Торп 2021, 466]. Тем не менее вера в темные силы, живущие в бузине, сохранилась и трансформировалась в традицию приписывать бузине иные прегрешения: согласно многим источникам, крест Спасителя был сделан из бузины. Все деревья поклялись не давать своей древесины на крест Иисусу, уклонялись от ударов топора, и лишь одна бузина не сопротивлялась. Это предание было распространено в Шотландии, где считалось, что божья кара за предательство Христа превратила бузину из дерева в слабый и искореженный куст⁴.

«Дурная репутация» бузины и сохранившаяся языческая память о ней как о дереве ведьм обусловили многие запреты и ритуалы, призванные защитить от злых сил: нельзя спать под бузиной, ее запах приведет к тому, что спящий упадет в кому или умрет; ребенок, наказанный бузиной розгой, перестает расти. У христианских народов сохраняется запрет срубать, сжигать это дерево, использовать его для строительства мебели: «We don't cut elder in a corpse, nor do we burn it. They say the Cross was made of it» «Мы не рубим ствол бузины и не сжигаем ее. Говорят, что Крест был сделан из нее» [Goddard 1942/4, 31]. В Йоркшире коронование бузиным венком считается величайшим позором [Watts 2007, 131].

Упоминание бузины как дерева, на котором повесился Иуда, встречается в целом ряде источников — и было так распространено, что запечатлелось даже в драмах Шекспира, например, в комедии «Бесплодные усилия любви» («Well followed: Judas was hanged on an elder» «Верно подмечено: Иуда повесился на бузине» V, II) и в комедии Бена Джонсона «*Всяк не в своем нраве*» («He shall be your Judas, and you shall be his elder-tree to hang on» «Он будет твоим Иудой, а ты будешь его бузиной, чтобы его повесить» IV, IV). Наделение бузины

³ Мак-Киллоп приводит и другие названия «дерева фей»: у древних ирландцев — *tromm*, в гэльском языке — *troman*, *droman*, на корнуэльском диалекте — *scawen*, в Уэльсе — *ysgawen* [Там же].

⁴ Ср.: «Bour-tree, bour-tree, crookit rung, Never straight, and never strong, Ever bush, and never tree Since our Lord was nailed t'ye» «Бузина, бузина, кривая коряга, никогда не быть тебе прямой, никогда не быть сильной, никогда не быть деревом, навсегда останешься кустом с тех пор, как Господь был прибит к тебе» [Watts 2007, 91]. Справедливости ради, следует сказать, что легенды указывают на многие другие деревья, послужившие материалом для креста, от осины и дуба до пальмы и омелы, но бузина, несомненно, занимает среди них важное место [Там же, 92].

свойствами «иудина дерева» стало в Англии XVI в. общим местом, например, в книге памфлетов Антона Никсона читаем: «Наши сады цвели бы пышнее, если бы в них не было ни одного куста бузины, на котором повесилось столько алчных иуд» [Nixon 1613]. Представления о том, что на бузине повесился Иуда (считавшийся первым висельником)⁵, из-за чего дерево было проклято Господом, бытовали также на западе Украины и в Польше; при этом верили, что после этого события ветки и ягоды бузины приобрели трупный запах, а само растение стало пригибаться к земле [Fischer 2016, 80; Агапкина 2019, 217; ВЭЛ, 48, 124; Усачева 2010, 153]. По западноукраинским поверьям, дурная слава бузины обусловлена еще и тем, что она не дала приют Святому семейству при бегстве в Египет [ВЭЛ, 48].

В то же время сохранялась вера в «добрые свойства» бузины, на которую распространилась часть святости Христа. Считалось, в частности, что в бузину не ударяет молния, это поверье живо и в наше время: «Хотя Ионодав не верил в старое деревенское суеверие, что куст бузины, посаженный возле дома, защищает от ведьм, он твердо верил в способность бузины отводить молнии во время грозы» [Sunley 1991]. Подобные верования отмечены в ряде областей Германии, и поэтому после захода солнца там принято вешать на дверь бузинный венок. Жители Сицилии верят, что бузинная палка убивает змей и отпугивает грабителей [Watts 2007, 130].

Языческие и христианские представления о бузине переплелись так прочно, что считается, если помазать младенцу веки соком бузины при крещении, он приобретет способность распознавать ведьм повсюду [Dyer, Thiselton 1889, 74–75].

В южных областях Британии фитоним *Judas tree* «иудино дерево» стал применяться по отношению к бузине достаточно поздно и встречался редко [OED8, 292; Britten, Holland 1886, 547]. Но позже это поверье распространяется в Англии достаточно широко. В комментариях отцов церкви оно упоминается в связи с обвинением евреев в гибели Иисуса, при этом имя Иуды становится нарицательным именем народа⁶.

В большинстве случаев в германском фольклоре и в светской литературе сеномотивация по отношению к бузине как «иудину дереву» выражена слабо и размыта, поскольку связана не столько с концептом чужого народа, сколько с внутренней традицией, издревле связывавшей бузину с темными силами, со смертью⁷. В верованиях славян (юго-восток Польши, Западная Украи-

⁵ Характерно, что после первого повешения могут последовать другие: не случайно у славян появляется поверье, что на бузине повесили св. Варвару [Усачева 2010, 153].

⁶ Так, в объяснениях епископа Лондона к Псалму 17 читаем: «Иуда служил Богу в искупление грехов человеческого рода, тем самым способствуя тому, чтобы благословенное имя было вечно почитаемым, пока существует мир и вселенная, но его наградой стала бузина, на которой он в итоге повесился, и, что еще хуже, обречен висеть в аду вечно. Он был награжден, и он потерял свою награду» [Cruz, evangelicalfocus.com/zoe/3659/the-judas-tree].

⁷ Недаром Джоанн Роулинг, блестящий знаток фольклора и мифологии, в книге «Гарри Поттер и дары Смерти» наделяет наибольшей волшебной силой именно бузинную палочку, овладение которой означает безраздельную, хотя и кратковременную власть над миром. По Роулинг, бузинная палочка, один из даров Смерти, переходит к новому хозяину, только если он сумеет убить ее прежнего владельца. Не случайно главный герой эпопеи, получив этот инструмент и понимая его потенциальную катастрофическую силу, уничтожает бузинную палочку. В комментариях профессора Дамблдора к «Сказке о трех братьях» Роулинг демонстрирует глубокое и тонкое понимание отношения к бузине в народной традиции: веру в ее связь с миром мертвых, заключенную в ней злую волю и ее иллюзорную, обманчивую силу, ср.: «При вдумчивом изучении истории вопроса прежде всего бросается в глаза, что каждый волшебник, объявлявший себя владельцем так называемой Бузинной палочки, считал ее непобедимой, хотя способ, каким она переходила из рук в руки, свидетельствует о том, что она много раз терпела

на) бузина тоже связывалась преимущественно с чертом — и воспринималась как «источник опасности и заповедный объект, практическое использование которого крайне ограничено, а среди мотиваций запретов срубить и выкорчевывать бузину помимо болезни фигурирует также угроза смерти, падежа скота, рождения калек и т.п.» [Агапкина 2019, 226]; это органично наложилось на сюжет повешения Иуды.

«**Иудины уши**». Есть еще один фитоним, который образует семантическую микросистему с бузиной — «иудиным деревом». Он обозначает гриб, растущий на корнях и стволе бузины, иногда других деревьев, и получивший в научной классификации название *Auricularia auricula*, *Auricularia auricula-judae* <ушная раковина еврея> или *fungus sambucinus* <бузинный гриб>.

Биологическая связь повлекла за собой и связь семантическую: во многих европейских языках этот гриб получил название «иудина / еврейского / жидовского уха», ср. нем. *Judasohr*, *Judasohrlein*, *Judas-uhren*, *Judenuhren*, нид. *Judasoor(en)*, дат. *Judasore*, англ. *Jew's ear*, *Judas ear*, франц. *oreille de Judas*, итал. *orecchio di Giuda*, польск. *Judaszowe ucho*, *grzyb Judaszowy*, *żydowski grzyb*, чеш. *ouško Jidášovo*, словац. *judášove ucho* [Marzell 1, 525–526; OED8, 232; SSN1, 727; Анненков 1878, 247]; ср. также рус. (XVIII в.) *иудино ухо* (мн. ч. *ухи*), *ушко* ‘род грибов’: «В число смертельного яду считаются и грибы, растущие под бузинным деревом, и иудины уши называемые» [СлРЯ XVIII в. 9, 175]. *Иудовы уши* упомянуты в таком знаменитом лечебнике, как «Прохладный вертоград», где им посвящена главка «О ушах иудовых»: «Уши иудовы губа, что гриб; у кого горло болит, или кто осипнет, и положить в молоко пресное, да провари немного, и тем молоком полоскать горло и выплюнуть, и пить молоко помогает» [Флоринский 1879, 172].

Реалия имеет выразительный и «экспрессивный» облик; образ уха тоже несет экспрессию, как и само «удвоение» темы Иуды (в связи с деревом и растущим на нем грибом). Поэтому номинация «иудино ухо» кажется более экспрессивной, чем ряд других «иудиных» фитонимов, что подчеркивается и дублированностью «иудин» = «жидовский».

Таким образом, несмотря на лечебные свойства, легендарную способность спасать от удушения, а также пищевую ценность, название «иудино ухо» отчетливо несет отрицательную коннотацию, напрямую соотносится с наказанием Иуды за предательство и никак не связано с дохристианской традицией. Кроме того, в нем отражается ксеностереотип отождествления Иуды-предателя с народом Иудеи, с евреями вообще.

Как отмечается в словаре библейской традиции в английской литературе, отождествление евреев с Иудой в средневековом искусстве закреплялась такими стереотипными деталями, как рыжие волосы и борода, красноватая кожа, желтые одежды и сумка с деньгами [DBTEL, 419]. В английском языке существует устойчивое выражение *Judas-coloured*, означающее рыжий, красно-желтый цвет и связанное с вышеупомянутым представлением о внешности Иуды [OED8, 292]. Грибы «иудины уши» имеют характерную коричнево-оранжевую окраску. В английской книге «Эпидемия заблуждений» (XVII в.) указывается, что название «еврейское ухо» возникло из ошибочного представления о евреях, и связь грибов с бузиной доказывает, что «эти разрастания вокруг корней

поражение и, мало того, буквально притягивала неприятности, как козел Брюзга — мух. В целом, все это лишь подтверждает истину, в которой я не раз убеждался за свою долгую жизнь: людям свойственно стремиться именно к тому, что для них всего хуже» [Rowling 2008, 104].

бузины относятся не к еврейскому народу, а к Иуде Искарриоту, который, по поверью, повесился на этом дереве» [Browne II, VI, 101].

ОСИНА

Осина — основное «иудино дерево» славян, особенно восточных и западных. «Иудин текст», связанный с осиной, огромен, он рассматривался во многих исследованиях по славистике (см., например, [ВЭЛ, 58; Агапкина 2019, 232–233, 248–250, 259, 268–271; Усачева 2010, 151–152; SSSL, 316–334]), потому наша задача состоит в том, чтоб дать резюмирующий обзор мотивов с некоторыми примерами (в тех случаях, когда информация (особенно внеязыкового плана) дублируется в ряде источников, мы ее приводим без паспортизации).

Номинативно «иудина» маркировка закреплена в рус. *иудино дерево* ‘осина’, которое у В.И. Даля дано без географических помет [Даль 2, 68], ср. также сев.-двин. *иудино дерево*, *юдино дерево* ‘осина’ [СРНГ 12, 276; КСРНГ], ворон. *иудово дерево* [ЛАРНГ 1, 259]. Экспликация мотива повешения фиксируется в *иудина виселица* ‘осина’ (без указания места) [Коринфский 1995, 77]; характерны и бранные формулы типа *Трястись (кому) как Иуде на осине!* (иван.) [БСНС, 237].

Разумеется, эта связь разворачивается в первую очередь как событийная: Иуда повесился на осине. Редко встречается метафорическое переосмысление связи: так, боснийские сербы сопоставляют Иуду с осиной, полагая, что осина — изгой среди деревьев, так же как Иуда — изгой среди апостолов [Агапкина 2019, 268].

Самая частотная мотивировка восприятия осины как «иудина дерева» — трепетание листьев осины будто бы от страха или стыда за поступок Иуды. Редки объяснения другого рода: трепет листьев означает предательство, трусость Иуды. Распространение этой мотивации в известной мере обеспечивается тем, что «трепетность» осины закреплена в ее названиях, ср. рус. диал. *дрожэ́ница*, *дрожі́на*, *дрожні́на*, *дрбжні́ца*, *трепетуха*, *трясі́на*, *трясу́ха*, *трясу́чка*, *трусні́ца* и др.: «Трясина — она трясется все время, и в тихую погоду, потому что на ей Иуда задавился» [ЛАРНГ 1, 259], серб. *трепетлика*, *трепетуша*, словен. *trepetlika*, укр. *трепета*, *трепетина*, болг. *треперика*, *трепетлика* [Усачева 2010, 152], польск. *trzepiecina*, *trzepocina*, *trzęsidupa* [SSSL, 318] и др. Ср. еще литов. *drebulė* с тем же значением ‘дрожать’. Эти номинации могли появиться как вследствие калькирования номенклатурного названия (которое содержит определение *tremula*), так и независимо: «трепетность» листьев действительно является ярчайшим признаком осины. Скорее всего, здесь реализуется и тот, и другой путь: как контактный, так и типологический.

Другие «иудины» мотивации, основанные на субъективном переосмыслении объективных свойств реалии, таковы: листья осенью имеют красный цвет — цвет крови (Иуды или преданного им Христа); осина — «горькое» дерево, ее кора имеет горький привкус; древесина быстро загнивает.

Выделяется и ряд «демонических» мотивов, не имеющих прямой связи с объективными свойствами реалии: осина создана чертом, является его местом проживания или же любимым деревом дьявола; на ней повесился не только Иуда, но и черт, Касьян и прочие самоубийцы; осиновым колом убит Авель, из осины был сделан крест, на котором казнен Иисус, и проч. Помимо повторяющихся сюжетных звеньев такого рода, есть и весьма специфические: так, поляки считают, что осина проклята Богом, потому что она не оказала помощи Богородице (или выдала ее), когда та с маленьким Иисусом скрывалась от Ирода [SSSL, 320]. Подобные мотивы насколько сильны, что

могут контаминировать друг с другом, ср. украинскую легенду, «в которой слиты в единое повествование и грехопадение первых людей, и убийство Авеля, и повешение Иуды: “Склонив Еву ко греху, Люципер научил Каина, как делать горилку (т.е. водку), и Каин, напившись пьяным, бесчестил свою сестру, а когда меньший брат его Авель рассказал об этом Адаму, то Каин рассердился за это на Авеля, схватил осиноый кол да и убил таковым Авеля, по этой причине осина и сделалась любимым деревом дьявола, поэтому на ней и Иуда Христопродавец повисился”» [Агапкина 2019, 269]. «Демонические» коннотации осины номинативно проявлены в рус. тульск. *ведьмячая осина* [ЛЯРНГ 1, 259], польск. диал. *diabełk* [SSSL, 318]; ср. также устойчивую сочетаемость слова *осина* с прилагательным *проклятый*.

Из перечисленного вытекают амбивалентные рекомендации – не сажать осину рядом с человеком и животными, не украшать дом ее ветвями, не прятаться под этим деревом от грозы (в него молния бьет в первую очередь) etc. или же – наоборот – сажать осину, чтоб отгонять нечистую силу. С этими же целями использовались осиновые колья: в первую очередь они применялись при похоронах самоубийц, людей, умерших насильственной смертью, а также колдунов и ведьм.

В инославянских традициях, которые попали в поле нашего внимания, номинативного закрепления связей между осиной и Иудой, кажется, нет, однако они иногда могут быть представлены на внеязыковом уровне. Так, в германской традиции зафиксированы легенды, согласно которым кляп, воткнутый в рот Иисусу, был сделан из осинового дерева; на осине повисился Иуда etc. [Агапкина 2019, 259].

ТОПОЛЬ

Еще одно дерево, название которого получает определение «иудино», это *Populus Euphratica* <эфратский тополь> и *Populus Alba* <белый / серебристый тополь> [Moldenke 1952, 184], упоминаемый в Библии как *לְחָזֵף* <цафцефа> или *לְחָזֵף* <ливна> [Там же, 182–183]. На иврите глагол *לְחָזֵף* значит ‘щебетать, свистеть’, в названии дерева есть элемент ономотопеи. В романо-германских филологиях от латинского *populus*, слова англ. *poplar*, франц. *poplar*, *peuplier*, нем. *poppe* тоже звукоподражательны и воспроизводят шелест листвы как важнейший признак этого дерева.

Тополь имеет богатую мифологическую историю и упоминается в связи с метаморфозами нескольких нимф, подвигами Геракла и гибелью Фаэтона, а также в истории с украденным серебром Зевса, из-за которого уличенный тополь побелел от стыда, а листья его с тех пор вечно трепещут [Moldenke 1952, 182–83].

С «еврейско-иудейской» мотивацией тополь обозначается как *Judebuche* <еврейский бук> и *Judenmaie* (презрительное <майский еврей> с привязкой к празднику *Schandmai*, благословения деревьев, когда с тополем, осиной и ивой из-за их непрерывно шелестящей листвы сравнивались девушки-сплетницы) [Marzell 3, 982–983]. Ботаническая близость тополя и осины обуславливает и сходство их осмысления в различных культурных традициях. В книге Пророка Осии, как уже отмечалось, тополь упоминается среди деревьев, которым поклонялись богоотступники. У южных славян тополь считается деревом, связанным с демоническими персонажами: у западных славян – с дьяволом и чаровницами, у южных – с вилами и самодивами [SSSL, 336, 339].

В раннехристианских легендах рассказывалось, что Иисуса заставили делать себе крест из тополя, с тех пор у некоторых народов это дерево считается

священным, например, во Французской Канаде, где дровосеки не рубят тополя [Folkard 1884, 31]. Подобные верования отмечены и у поляков [SSSL, 336].

Легенды говорят и о том, что все деревья лесные преклонили свои вершины, когда через лес проходило святое семейство, бегущее от Ирода, и только тополь продолжал стоять прямо. Младенец Иисус взглянул на него, и тополь задрожал от ужаса и с тех пор продолжает дрожать. По другой версии, в миг скорби, когда все растения оплакивали Спасителя, лишь тополь стоял с гордо поднятой головой. В наказание за гордость все его листья с тех пор дрожат при малейшем ветерке [Folkard 1884, 31; SSSL, 336].

Представляется, что именно трепет листвы и белая ее изнанка вызвали ассоциации с трусостью и предательством, символом которых и стал Иуда.

В славянских языках представлено «иудино» название тополя, ср., к примеру, укр. *юдине дерево* ‘*Populus tremula* L.’ [УРС 6, 558]. Связь с Иудой фиксируется и в фольклоре: так, согласно лемковской легенде, тополь – проклятое и дрожащее дерево, потому что под ним дьявол качал на коленях Иуду [ВЭЛ, 408].

ИВА (ВЕРБА), БЕРЕЗА

Упоминание ивы как «иудина дерева» встречается довольно редко, хотя ива богато представлена в мифах и легендах разных культур и народов [Watts 2007, 425–427]. Приобщение ивы к группе проклятых «иудиных деревьев» может быть оправдано тем, что библейские фитонимы «ливне» и «цафцефа» иногда отождествляются с ивой. Происходит своеобразное заражение проклятием от одного растительного символа к другому по сходству свойств и названий [Skinner 1911, 296].

Принимая во внимание этимологию ивритского фитонима, в котором явно присутствует корень *ל.ב.ג.* со значением ‘белый’ [1, אבן שושן. לבן תול"ד א, 1], а также упомянутый в книге Левит «шелест колеблющегося листа» (ויקרא, כו:לו; Левит 26, 36), можно понять, почему в христианских переводах Библии это дерево отождествлялось с осиной, березой, ивой или вербой [Moldenke 1952, 184].

В Нижней Силезии и некоторых частях Баварии фитоним *Judasbarke* <иудина кора> применялся по отношению к плакучей березе (нем. *Trauerbirke*; лат. *Betula verrucosa*) [Marzell 1, 598]. Вероятная мотивация в этом случае – «плач» березы, ее ветви и сережки, плачущие от стыда за причастность к судьбе предателя.

По той же причине в немецком языке появилось народное название ивы *Judasweide* <иудина ива> по отношению к плакучей иве, получившей в латинской таксономии название *Salix Babilonica* [Marzell 3, 972]. В случае с Вавилонской плакучей ивой имеет место прецедент перенесения на реальное дерево, которое в то время произрастало лишь в восточной Азии, библейского образа из знаменитого псалма 137 «При реках вавилонских там сидели мы и плакали» (Псалтирь, 136 קלו קל"ו, תהלים), где упоминаются ивы, на которые изгнанные с Сиона повесили свои музыкальные инструменты в знак скорби. На Ближнем Востоке росли иные виды ивы, которые упомянуты в Библии под названием *арава* (ערבה), реже *цафцефа* (צפצפה) [Moldenke 1952, 216].

В Европе *Salix Babilonica* появилась лишь в XVIII в. [Skinner 1911, 297]. Не удивительно, что именно плакучая ива с ее опущенными долу ветвями лучше всего подошла для воплощения идеи скорби и покаяния. Яркий библейский образ плачущего под ивами поработленного еврейского народа, мечтающего о родине и мести поработителям, соединился в фольклорном сознании с легендами о феях и ведьмах, живущих в ивах [Там же, 296], и породил новые

легенды и апокрифы, связавшие иву с судьбами Христа, Иоанна Крестителя и Иуды, который повесился на этом дереве [Там же, 297]⁸.

В славянском мире упоминания вербы как дерева, на котором повесился Иуда, нельзя считать широко распространенными, но все же они встречаются как у южных, так у западных и восточных славян [Раденкович 2010, 104; Усачева 2010, 150; Агапкина 2019, 197–198; ВЭЛ, 144; SSSL, 361, 363–364]. При этом номинативная маркировка обнаруживается, кажется, только в словенском языке, где представлена «экссклюзивная» для изучаемой группы номинаций производящая основа: ср. *iškarjotovka* (← *iškarjot*) ‘верба с черной или красной корой’; согласно народным верованиям, такая верба наказана бесплодием [Агапкина 2019, 197]. «Иудина печать» делает «черную» вербу проклятым деревом — в отличие от «белой», наделяемой положительными свойствами [Усачева 2010, 150]⁹. Кроме того, словенцы верили, что ветки, на которых повесился Иуда, покраснели от стыда и оторвались от ствола, так что Иуда упал на землю, и поэтому некоторые виды вербы не освящали в Вербное воскресенье [Агапкина 2019, 197]. Сходные верования отмечены у украинцев: ива гнется, а не растет вверх, потому что на ней висело тело Иуды (житомир.) [ВЭЛ, 144]. Поляки тоже считают вербу проклятым, «дьявольским» деревом (подобно осине и рябине), причем особенно это касается старых и сухих растений (ср. выражения *w suchej wierzbie diabeł siedzi, śmieje się jak diabeł w suchej wierzbie* etc.); верба признается деревом самоубийц, первым из которых был Иуда (ср. ее именование *wisielucha*) [SSSL, 361]. У славян отмечены запреты сажать вербу около дома, стоять под ней в грозу (в вербу бьют молнии) и др. [Раденкович 2010, 104; SSSL, 363–364]. Она не идет в строительство, считаюсь непрочной, ср. серб. поговорку о ненадежном человеке: «Сигуран као врбов клин» <Надежный, как вербовый гвоздь> [Раденкович 2010, 104].

Что касается березы, то она тоже изредка упоминается в славянском «тексте Иуды»: березовый сок трактуется как слезы дерева из-за повешения, а белый цвет коры — следствие страха, охватившего березу (укр.) [Усачева 2010, 152; ВЭЛ, 29–30, 153; Агапкина 2019, 468].

РЯБИНА

Номинативная маркировка рябины как «иудина дерева» встречается, кажется, только в славянском мире, на западе Славии: в чешском, польском, словацком языках, в русинских и украинских говорах [Янышкова 2006, 468; SSSL, 198]. На Русском Севере и Северо-Западе, у южных славян фиксируются лишь соответствующие поверья; на уровне верований рябина оказывается маркированной в связи с Иудой и в немецкой традиции [Агапкина 2019, 153]. По количеству «иудиных» номинаций рябина приближается к осине, которая имеет их преимущественно в Восточной Славии. Попытка осмыслить распределение «обязанностей» между осинкой и рябиной ощутима в польском поверье о том, что Иуда выбрал рябину, поскольку осина не захотела его принять; по этой причине люди не едят рябину [Fischer 2016, 169].

⁸ В европейской традиции ива стала деревом скорби, кладбищенским деревом. В английском языке существуют устойчивые выражения, соотносящие иву с воплощением печали и скорби: *to wear (the) willow, to wear the willow garland* or *to wear the green willow* [OED20, 353]. «Мифология» ивы развивалась по тому же принципу, что и легенды о бузине, поэтому не удивительно, что это дерево в определенных ситуациях получает положительную мотивацию и используется вместо пальмы в Пальмовое (Вербное) Воскресенье, приобретая свойства лечебного растения.

⁹ Амбивалентность образа этого растения в картине мира славянских народов проявляется, к примеру, в том, что верба, по полесской легенде, наклонилась к воде и спрятала младенца Иисуса от преследований Ирода [Агапкина 2019, 198].

Вот примеры «иудиных» названий рябины у славян: чеш. диал. *Jidášový strom*, словац. диал. *judaš*, польск. (старопольск. и диал.) *juda, judasz, judaszowe drzewo, judyna*, лемк. *judyna*, укр. *jud, judyk, judyna* [Янышкова 2006, 468]. Из-за повешения Иуды рябину считают проклятой, ср. болг. диал. *проклето дърво* [Там же]. Вместе с тем — как мы это видели на других примерах — соответствующие коннотации имеют заранее подготовленную почву: так, по южнопольским поверьям, рябина — место обитания дьявола, отчего это дерево называли *diabelskim*; поляки верили также, что рябину любят чаровницы [SSSL, 201; Агапкина 2019, 157]. На Карпатах ее характеризуют как *чортіўске дерво* [Агапкина 2010, 156]. По представлениям болгар, в рябине живут самодивы, ср. болг. диал. *самодивско дърво*; показательно и такое болг. диал. название рябины, как *шейтан очи* [Янышкова 2006, 468, 470–471].

Вместе с негативным полюсом в номинативной системе, связанной с этим деревом, есть и позитивный, отсылающий к святым, ср. чеш. простореч. *jeřáb bartolomějský* <рябина Бартоломея>, которое содержит аллюзию к имени святого Бартоломея, одного из двенадцати апостолов; такая связь обеспечивает рябине апотропеическую функцию [Там же, 468]. Такого рода представления фиксируются и в русской традиции, ср.: «На Русском Севере и в центре России рябина — это почитаемое дерево, покровитель человека и мощный апотропей» [Агапкина 2019, 165].

Широта диапазона верований вызвана к жизни, по всей видимости, сочетанием присущих рябине объективных свойств: красота ягодных кистей и листьев сочетается с дурным запахом (это номинативно отмечено, ср. болг. *смадливо дърво*, с.-хорв. *смрдљика*, словен. *smrdlika*, лемк. *смердяк*, укр. диал. *вонига, вонегга*, а также франц. диал. *pet, pude*, объясняемые из лат. *pūtidus* ‘гнилой, вонючий’ [Янышкова 2006, 470] и горечью плодов. На представления об этих свойствах накладывается легенда об Иуде — и сумма этих факторов объясняет фиксируемый в ряде зон славянского мира запрет употреблять ягоды, рубить рябину и использовать ее древесину; в Польше, в Полесье, на Карпатах запрещают также сажать рябину около дома, что будто бы влечет за собой несчастье [Усачева 2010, 152–153; Агапкина 2019, 156; SSSL, 201]. Подобные запреты есть и в немецкой традиции: рябину не вносят в дома, стараются не сажать поблизости от жилища, поскольку она будто бы притягивает к себе молнии; это объясняется тем, что рябина якобы выросла на останках Иуды [Агапкина 2019, 153].

СМОКОВНИЦА

Как мы видим, концепты предательства и возмездия настолько важны в языке и сознании христианских народов, что представления об «иудином дереве» множатся и соотносятся со многими деревьями, при этом наблюдается приспособление сюжета к природной среде, характерной для определенных территорий. Для народов юга Европы таким деревом становится фи́га или смоковница, дерево, известное в различных классификациях как *Ficus Carica*, *Ficus Sycomorus*, англ. *Figs of Pharaoh, fig tree* [OED5, 890].

Это дерево многообразно связано с мифологической традицией, в греческих и римских мифах оно считалось деревом Геры / Юноны и Диониса / Вакха [Folcard 1884, 482]; в Египте это дерево Изиды; для многих южных и восточных народов оно служило символом плодородия и деторождения наряду с гранатом, благодаря обилию семян в плодах этих деревьев. Плоды фиг — существенная часть диеты народов Азии и Средиземноморья, они богаты сахарами, их едят свежими, вялеными и вареными. Фиговое дерево — одно из самых

широко используемых в народной медицине. Вместе с тем фи́га – одно из важнейших растений в Библии, оно упоминается в Ветхом и Новом Завете 57 раз [Moldenke 1952, 104].

Как и в других описываемых нами случаях, фиговому дереву придаются свойства священного растения. В целом ряде апокрифов и легенд фиговое дерево играет благую роль: например, по свидетельству Травенота, он видел в саду огромную сикамору или Фараонову фи́гу, которая, по слухам, открыла свой ствол и спрятала Святое семейство от преследователей на пути в Египет. Выпустив беглецов на волю, дерево так и осталось расщепленным, пока половина ствола не сломалась [Там же, 114]. Святой Августин описывает, как фиговое дерево говорило с ним в минуты сомнений и убедило его вернуться к чтению священного писания [Skinner 1911, 112].

Уже при господстве монотеизма некоторые племена продолжали совершать языческие ритуалы у фигового дерева, что вызывало страх и неприятие как иудеев, так и христиан. Это могло послужить отрицательной мотивацией, закрепившей за фигой роль «иудина дерева». Святой Иероним видел бегов, прячущихся в стволе проклятого дерева [Там же, 111–112]. Двойная роль фи́ги (дерева священного и проклятого) проявилась и в том, что его связывали с колдовством, и у Бена Джонсона в «Маске Королев» плоды фи́г приносятся на шабаш для приготовления ведьмина зелья.

Следует отметить, что в христианской традиции был переосмыслен мотив фиговых листьев, которыми прикрылись Адам и Ева, поняв, что они наги после грехопадения. Псевдоэротическая коннотация превратила фи́гу в дерево плотского желания, в символ похоти [Ferguson 1990, 31].

В Новом Завете мы находим упоминания фигового дерева, в русском переводе «смоковницы», в связи с проклятием Христа, который разгневался на бесплодную смоковницу. Дерево, к изумлению апостолов, немедленно засохло. Этот эпизод описан в Евангелии от Матфея (21: 1&19–21) и в Евангелии от Марка (11:12–14).

Очевидно, что это проклятие сублимировалось в представление о проклятом дереве, и легенды в Южной Франции говорят, что именно под смоковницей был обезглавлен Иоанн Креститель, и потому в день святого Иоанна ветви его так хрупки, что каждый, кто взбирается на дерево, рискует с него упасть. В Греции считается опасным спать под фиговым деревом. В Сиракузах бытует легенда, что человеку, уснувшему под смоковницей, приснится монахиня с ножом и спросит, как возьмется спящий за нож. Если он ответит «за лезвие», будет зарезан, если «за рукоятку», его ждет долгая безбедная жизнь [Folcard 1884, 484]. Сицилианцы считают, что на смоковнице, проклятой Иисусом, повесился Иуда. На полуострове Коромандел на юге Новой Зеландии фи́гу называют *Judas Purse* <кошель Иуды>, поскольку форма плода напоминает мешочек, полный монет [Там же, 563]. Сюжет о повешении Иуды на смоковнице известен также южным славянам [Раденкович 2010, 104].

ТАМАРИСК

«Иудина» коннотация возникает и по отношению к другому важному библейскому дереву – тамариску.

В разных районах южной Европы и ближнего Востока, а также в Африке произрастают разные виды тамариска, известные под названиями *thamarix*, *thamarike*, *thamaryke*, *tamarice*, *thamaric*, *thamarik*, *myrica* [OED17, 596]. Некоторые виды этого растения – высокие деревья, но есть среди них и низкорослые кустарники. Тамариск используют в народной медицине как обеззараживающее

средство. Но в роли «иудино дерева» выступает только распространенный в некоторых частях Сицилии тамариск – *Tamarix Africana*, более известный как *Vruca* [Porteous 1928, 118–119].

По легенде, распространенной в Сицилии, тамариск изначально был красивым и высоким деревом, но после самоубийства Иуды превратился в чахлый уродливый бесполезный кустарник, не способный даже гореть. Он получил название *Vruca*. В Сицилии бытует поговорка, обличающая бесполезного человека: «Ты как дерево Врука: ни огня от тебя, ни золы» [Folcard 1884, 563–564]. Считается, что дух Иуды всегда кружит возле этого дерева [Watts 2007, 376].

Надо отметить, что у славян тамариск имел «еврейские» номинации, см. рус. астрах. *жидовинник* ‘тамариск *Tamarix*’, *жидовинник*, *жидовник* ‘гребенщик французский *Tamarix gallica*’, укр. *жидівник* ‘тамариск многоветвистый *Tamarix ramossima*’, *жидовник* ‘гребенщик французский *Tamarix gallica*, гребенщик четырехтычинковый *Tamarix tetrandra*’, чеш. *židovin(n)ik* ‘*Tamarix germanica*’, что объясняется стоящим за фитонимом эпизодом библейской истории: высохший сладкий сок тамариска, выделяющийся после укусов насекомого кошенили *Coccus mappiragus* Ehrb., принимается за манну, которой питались евреи во время скитаний по пустыне [Колосова 2018, 232–233]. Однако эти номинации, кажется, не соотносятся с образом Иуды.

ТЕРЕВИНФ

Теревинф (фисташка) оказался наименее известным в качестве «дерева Иуды». Сведения об этой номинации теревинфа удалось найти лишь в одной монографии [Moldenke 1952, 179, 184] и на сайте Библейской Энциклопедии [Terebinth. www.biblicalencyclopedia.com/T/terebinth.html].

Это дерево, известное как *pistacia terebinthus*, *pistacia Paleastina*, *turpentine tree*, *theribynte*, *terebinth*, *teil tree* [OED17, 796, 718], אלה ארציִשראִלית («фисташка земли Израиля»: מילון אבן שושן) имеет особую ценность как источник ароматной смолы, масла, используемого для приготовления пищи, смешивания и сохранения красок и в лечебных целях.

Теревинф упоминается в Библии множество раз с положительной и «отрицательной» коннотацией. Мы взяли слово отрицательная в кавычки, поскольку не дерево, а люди, исказившие божье предназначение дерева, несут ответственность за последствия. Археологические находки, а также биологические и лингвистические изыскания позволяют утверждать, что фитонимом אלה (эла) в Писании обозначается именно теревинф¹⁰.

Показательно, что в природе и в библейском дискурсе теревинф соседствует с дубом. Более того, теревинф (אלה) и дуб (אֵלון) – существительные однокоренные, и основу их корня составляет лексема אֵל – эль в значении ‘бог, идол, сила’. Это и стало одной из причин того, что в христианских переводах Ветхого завета אלה чаще всего переводится как ‘дуб’: лат. *quercus*, нем. *eiche*, англ. *oak tree*. Переводчикам трудно было дифференцировать близкие по написанию и значению фитонимы в языке оригинала. Кроме того, наивное сознание, переживающее историю Иисуса и Иуды как реальную и длящуюся, стремилось приблизить к верующим пейзаж и заменить имена экзотических деревьев на те, которые хорошо знакомы жителям этого региона.

В Библии имеется отрицательная мотивация теревинфа, который упоминается в книге Пророка Исайи как «кумирное дерево», служения которому народ Израиля должен устыдиться (ישעיהו, א-ל-לא) – Книга Царств 2, 18, 9) и в книге

¹⁰ זהר ע. צמחי המקרא 81:2009

Пророка Осии народ обвиняется в жертвоприношениях, воскурениях и разврате под дубом, тополем и теревинфом (אֲשֶׁר לַדָּבָר הַזֶּה — Осия 4, 13). Кроме того, в оригинальном тексте смерть Авессалома, восставшего на отца и задумавшего убить Давида и взойти на его трон, происходит именно из-за теревинфа, в котором запутались его длинные волосы, из-за чего он «повис между небом и землей» и стал мишенью воинов Давида (שְׂמוֹאֵל ב, י״ה:ט) — Книга Царств 2, 19, 15).

Помимо Библии, существуют и другие свидетельства того, что теревинф, наряду с дубом, был объектом языческого поклонения даже в библейские времена, что могло лечь в основу отрицательной коннотации этого дерева.

Как уже отмечалось, в обыденном сознании легче закреплялись имена деревьев, растущих на территориях бытования родных языков его носителей.

Номинация «иудино дерево» по отношению к теревинфу существовала, скорее всего, у южных народов Европы, живущих в Средиземноморье и близко знакомых с деревом. Они знали, что листва у этого дерева по весне красновато-ржавая, и что в период цветения оно покрывается пурпурно-красными наростами в виде пышных гроздьев. Во всех ботанических описаниях подчеркивается это господство кроваво-красного цвета, выделяющее теревинф из ряда других цветущих деревьев в марте и апреле, во время еврейской Пасхи, когда произошли важнейшие евангельские события, когда Иуда свел счеты с жизнью. Цвет крови в данном случае — традиционная метафора смерти, усиленная библейским фразеологизмом «кровавые деньги». Как указывает Библейская энциклопедия, «считается, что деревом, на котором повесился Иуда, является теревинф, “потомок” которого, нависающий над долиной Хинном (Геенна) в окрестностях Старого города в Иерусалиме, до сих пор демонстрируется верующим христианам» [<https://www.biblicalcyclopedia.com/T/terebinth.html>]. Молденке также упоминает теревинф как дерево повешения Иуды без ссылки на источник легенды [Moldenke 1952, 73, 179, 184].

Показательно, что, как и в предыдущих случаях, одни и те же детали могут истолковываться по-разному и служить как положительной, так и отрицательной мотивации. Так, по одной из легенд, Петр после тройного отречения от Христа увидел теревинф в полном цвету, напоминавший о крови пасхального агнца. Но листва дерева символизировала Воскресение, так как среди ржавых листьев уже пробивались зеленые. Автор, излагающий легенду, утверждает, что теревинф может быть истолкован верующими как символ жертвы и воскресения Христа, символ праведности, спасения и оправдания грешников [Jordaan].

* * *

Как уже говорилось, мы рассмотрели далеко не все символы, которые в разных лингвокультурных традициях, связанных с христианской религией, воспринимаются как «дерево Иуды». К примеру, за пределами нашего внимания осталась греческая традиция, в которой эту роль играет (среди прочих) анагирис зловонный (*Anagyris foetida*): согласно критскому преданию, анагирис позволил Иуде повеситься на своих ветвях (а другие деревья его отвергали) и обрел с тех пор неприятный запах, хотя раньше благоухал [Сиднева 2010, 127]. Более того, в тех традициях, которые мы рассматривали, есть растительные символы, не вошедшие в наш список, поскольку редко упоминаются как «дерево Иуды»: ■ крушина (русин. *Judovj strom*) [ВЭЛ, 194]; ■ дикая груша, которая, по украинским поверьям, трясется от страха с тех пор, как Иуда пытался повеситься на ее ветвях (но не смог по причине их колючести) [Там же, 98]; ■ шиповник, называемый на полуострове Ангельн *Judasbeer* <Иуда-ягода>,

потому что на нем Иуда свел счеты с жизнью [Marzell 3, 1427]; ▪ ольха, которая, по представлениям белорусов, может входить в один текст с осиной («ны осинины зыдавився, а ны олешину кровь пускав», поэтому у осины горький вкус, а ольха красного цвета) [БНБ, № 136]; ▪ сирень, которую жители Моравии после поступка Иуды считают ни на что не пригодной [Bartoš 1892, 305]; ▪ дуб, который, по рассказам восточных славян, принял Иуду лишь по просьбе Бога и обрел тем самым особую прочность, но из-за этого в него стала бить молния [Агапкина 2019, 52, 468; ВЭЛ, 106, 153], и др.

Какие мотивировки привлекают носители различных традиций для объяснения связи дерева с образом Иуды?

Признак реалии, обыгрываемый в «тексте Иуды»	Растительный символ
Признаки, дающие аллюзию к сюжету повешения	
Свисающие, склоненные вниз ветви или стручки (из-за факта повешения и скорби)	Ветви плакучей ивы, березы, осины Стручки багряника
Все оттенки красного (цвет крови, стыда за содеянное, волос Иуды / еврея): кора, заболонь, листья, цветы, плоды	Рябина, осина, теревинф, багряник, верба, ольха
Белый цвет коры, листьев (от стыда)	Береза, серебристый тополь
Неприятный («трупный») запах ветвей, коры или ягод	Бузина
Шелест и трепетание листы (от страха)	Осина, тополь, ива, груша
Листья или семена имеют форму и цвет монет-серебренников	Семена багряника
Грибы, растущие на дереве, имеют форму человеческих ушей	Аурикария
Выделение сока = слез	Плакучая береза
Признаки, содержащие общую негативную оценку объекта / связанной с ним ситуации	
Горечь, ядовитость (сок, кора)	Осина, рябина, бузина, ольха
Колючесть	Шиповник, груша
Низкая утилитарная ценность	Рябина, верба, сирень, смоковница (плохая древесина), тamarиск (не горит)
Одинокое произрастание (другие деревья не хотят расти рядом)	Осина, тamarиск
«Притягивает» молнию	Дуб, верба

Итак, «агрессивная» сила Новозаветного текста, рассказывающего о самом страшном в истории предательстве, притягивает к истории Иуды представления о различных деревьях различных климатических поясов и культурных традиций: от бузины у кельтов, англосаксов и др. до фигового дерева и фисташки у народов Средиземноморья. Как остроумно заметил Ч. Скиннер, попытка выяснить, на каком именно дереве повесился Иуда, может привести к выводу, что он сделал это на всех возможных деревьях леса [Skinner 1911, 112]. Обилие растительных символов, связываемых с сюжетом повешения Иуды (в том числе фитонимов «иудино дерево») в различных регионах Европы, указывает на важность истории Иуды для христианского сознания. Желание «присвоить», одомашнить дерево, на котором повесился предатель Христа, свидетельствует о вневременной актуальности концептов раскаяния, а также преступления и наказания.

Несмотря на то, что Иуда в наивном сознании европейцев нередко выступает как «синоним» еврея, в случае «иудиных деревьев» такая ксеномотивация нередко уходит на второй план и размывается: этническая принадлежность Иуды менее важна, чем потребность свидетельствовать неминуемую гибель предателя в непосредственной близости от носителя данного языка. Поэтому фитоним «иудино дерево» в большинстве случаев не замещается названием «еврейское или жидовское дерево». Исключение составляет фитоним «иудины (= еврейские) уши», в мотивации которого определяющую роль играют распространенные представления о внешности Иуды, перенесенные на всех евреев. Кроме того, в нашем материале есть такой «сильный» сюжет, как номинативная история багряника: внешняя номинация, содержащая обычное указание на локус («дерево Иудей»), была переработана, вследствие чего это «безгрешное» растение оказалось превращенным в «иудино дерево», ведь сам лексический ряд «Иудея» // «Иуда» // «иудей» провоцирует такое смешение.

Выбор деревьев на роль «иудиных» в большинстве случаев связан с глубокой исторической памятью народа. Дерево, ставшее «иудиным», как правило, фигурирует в языческих мифах и легендах и связано с магией, колдовством, темными силами, обращение к которым резко осуждалось официальным христианством, но продолжало жить в ритуалах, приметах и языке европейских народов. Некоторые деревья из числа «иудиных» связаны с концептом смерти и скорби по усопшим; бузина, ива, тамариск традиционно являются кладбищенскими деревьями. В то же время нельзя не отметить и положительную роль ряда таких растений в практике человека: они известны своими лечебными свойствами и применяются в народной медицине. Таким образом, одни и те же растения предстают и как проклятые, и как благословенные, что обеспечивает амбивалентность их образов.

Многие символы из семьи «иудиных деревьев» упоминаются в Библии — как в Ветхом, так и в Новом Завете. Включение таких символов в «текст Иуды» усиливает их коннотативную нагрузку, ср., к примеру, проклятие смоковницы Христом. Ветхозаветные упоминания деревьев переосмысляются в соответствии с христианской народной этикой, например, теревинф, на котором повис, запутавшись, Авессалом, восставший на отца, становится деревом кары за предательство.

Свойства растений — цвет и форма листьев и цветов (красные галлы теревинфа, белые и малиновые цветы багряника), трепет листьев (серебристый тополь, осина), положение ветвей (плакучие ива, береза) и др. — становятся дополнительными факторами для включения в «текст Иуды». Иначе говоря, эти свойства помогают созданию сюжетных ходов, но не являются основными двигателями сюжета.

Значит, основные факторы формирования и распространения представлений об «иудином дереве» таковы:

- мощный по силе этического и эмоционального влияния прецедентный текст: история предательства исповедателя, учителя; ярчайший и типологически значимый образ Иуды; эмоциональное напряжение, с ним связанное;
- вызванная переживанием актуализация образа (история длится, происходит здесь и сейчас) и, как следствие, помещение образа в природу, окружающую носителей традиции (в соответствии с законами «наивной» ботаники).

Основные мотивационные импульсы выступают в разных сочетаниях:

- свойства денотата (цвет, запах и проч.);
- потребности текста (детали и повороты сюжета: монеты, кровь etc.);

- логика символизации (к примеру, наличие символической универсалии, связывающей представления о растениях с красными листьями, соком и проч. с мотивом крови);
- культурная традиция (дохристианские и новозаветные легенды и ритуалы).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Анненков Н. Ботанический Словарь. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1878.
- БНБ – Беларуская «народная Біблія» ў сучасных запісах / уступ. артыкул, уклад і камент. А.М. Боганевай. Мінск, 2010.
- ВЭЛ – Восточнославянские этимологические сказки и легенды: Энциклопедический словарь / под общ. ред. Г.И. Кабаковой; сост. О.В. Белова, А.В. Гура, Г.И. Кабакова, С.М. Толстая. М.: Издательский дом «Неолит», 2019.
- Дворецкий И. Древнегреческо-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
- Коринфский А.А. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Смоленск: Русич, 1995.
- КСРНГ – картаотека Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- ЛАРНГ 1 – Лексический атлас русских народных говоров: Т. 1. Растительный мир. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
- СЛРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века / ред. С.Г. Бархударов. Л.; СПб.: Наука, 1984–. Вып. 1–.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.
- Торп Б. Нордическая мифология. М.: Вече, 2021.
- Українсько-російський словник / гол. ред. І.М. Кириченко. Київ: Вид-во АН УРСР, 1963.
- Флоринский В.М. Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVIII столетия. Казань, 1879.
- Balfour J.H. The Plants of the Bible. London: T. Nelson & Sons, 1885.
- Barber P. & Phillips C.E. The trees around us. Chicago: Weidenfeld & Nicolson, 1975.
- Bartoš F. Moravský lid. Sebrané rozpravy z oboru moravské lidovědy. Telč, 1892.
- Blochwich M. Anatomia Sambuci: or, the Anatomie of the elder cutting out of it plain, approved, and specific remedies for most and chiefest maladies: confirmed and cleared by reason, experience, and history. London: For H. Brome&Tho. Sawbridge, 1677.
- Britten J., Holland R. A Dictionary of English Plant Names. London: Trubner & Co, 1886.
- Browne T. Pseudodoxia Epidemica, Book II. [penelope.uchicago.edu/pseudodoxia/pseudodoxia.html]
- DBTEL – A Dictionary of Biblical Tradition in English Literature. Grand Rapids, Michigan: Wm.B. Eerdmans Publishing, 1992.
- Cruz A. The Judas Tree. [evangelicalfocus.com/zoe/3659/the-judas-tree]
- Jordaan F. Terebinth Tree [withthewingsofaneagle.co.za/pdfs/Terebinth_Tree.pdf]
- Mabberley D.J. Mabberley's plant-book (3 ed.). Cambridge University Press, 2008.
- Marzell H. Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen. Leipzig: Satz und Druck: C.G. Rodder, 1957.
- Nixon A. A Strange Foot-Post with a packet full of Strange Petitions. London, 1613.
- OED – The Oxford English Dictionary. Oxford: Clarendon Press; Oxford; New York: Oxford University Press, 1989. 2 ed. Vol. 1–20.
- PCHC – The Preacher's Complete Homiletic Commentary: Genesis. New York; London; Toronto: Funk & Wagnalls Company, 1892.
- Rowling J.K. Tales of Beedle the Bard. CHLG, Bloomsbury, London, 2008.
- SSN – Slovník slovenských nářečí. Bratislava: Veda, 1994–. [T.] 1–.
- Sunley M. Fields in the sun. London: Century Hutchinson, 1991.
- Šulek B. Jugoslavenski imenik bilja. Zagreb, 1879.
- Wilkinson G. Trees in the wild and other trees and shrubs. London: Stephen Hope Books, 1973.
- Terebinth [biblicalencyclopedia.com/T/terebinth]. ע. 777: 2003. המילון החדש בע"מ, 2009. מילון אבן-שושן. ירושלים, צמחי המקרא הוצאת ראובן מס בע"מ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапкина Т.А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019.
- Јокић Ј. Свето и демонско дрвеће у српској фолклорној традицији // Биље у традиционалној култури срба: Приручник фолклорне ботанике / Зоја Карановић, Јасмина Јокић. Нови Сад: Филозофски факултет, 2013. С. 5–18.
- Колосова В.Б. Образ еврея сквозь призму народной ботаники // Еврейские диаспоры в Европе и мире: полевые и источниковедческие исследования: сборник статей / отв. ред. А.А. Новик, Н.Г. Голант. СПб.: МАЭ РАН, 2018. Вып. 1. С. 226–242.
- Раденкович Л. О символике неплодовых деревьев (на южнославянском материале) // Этноботаника: растения в языке и культуре / отв. ред. В.Б. Колосова, А.Б. Ипполитова. СПб.: Наука, 2010. С. 102–107 (Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. VI. Ч. 1).
- Сиднева С.А. Легенды о происхождении растений в новогреческом фольклоре // Этноботаника: растения в языке и культуре / отв. ред. В.Б. Колосова, А.Б. Ипполитова. СПб.: Наука, 2010. С. 121–129 (Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. VI. Ч. 1).
- Усачева В.В. Судьба благословенных и проклятых деревьев в традиционной культуре славян // Этноботаника: растения в языке и культуре / отв. ред. В.Б. Колосова, А.Б. Ипполитова. СПб.: Наука, 2010. С. 130–163. (Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. VI. Ч. 1).
- Янышкова И. Названия рябины в славянских языках // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж.Ж. Варбот. М., 2006. С. 467–478.
- Ferguson G. Signs and Symbols in Christian Art. Oxford University Press, 1990.
- Fischer A. Rośliny w wierzeniach i zwyczajach ludu polskiego: Słownik Adama Fischera / Red. Monika Kujawska, Łukasz Łuczaj, Joanna Sosnowska, Piotr Klepacki. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 2016.
- Folkard R. Plant Lore, Legends and Lyrics. London: Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington, Crown Buildings. 1884.
- Fox Talbot W.H. English Etymologies. London: John Murray, 1847.
- Gerard J. The Herball or Generall Historie of Plantes. London: John Norton, 1957.
- Goddard C.V. Wiltshire Folklore Jottings. Wiltshire Archaeological Magazine. Vol. 50. 1942–4.
- MacKillop J. A Dictionary of Celtic Mythology. Oxford University Press. 2016.
- Moldenke H.N. & Moldenke A.L. The Plants of The Bible. Waltham, Mas, USA: Chronica Bjtanica Company, 1952.
- Monaghan P. The Encyclopedia of Celtic Mythology and Folklore. New York, 2004.
- Porteous A. Forest Folklore, Mythology, and Romance. Allen & Unwin, 1928.
- Skinner Ch. Myths and Legends of Flowers, Trees, Fruits, and Plants in All Ages and in all Climes. Philadelphia & London: J.B. Lippincott Co, 1911.
- SSSL – Słownik stereotypów i symboli ludowych / red. J. Bartmiński. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2021. Т. II, cz. 6: Rośliny. Drzewa liściaste.
- Thiselton Dyer T.F. Folk-Lore of Plants. London: Chatto & Windus, 1889.
- Watts D.C. Dictionary of Plant Lore. Elsevier, 2007.

Рукопись поступила в редакцию 25.05.2023

Рукопись принята к печати 01.07.2023

REFERENCES

- Агапкина Т.А. *Derev'ya v slavyanskoj narodnoj tradicii: Oчерки*. Moscow, Indrik Publ., 2019. (In Russ.)
- Ferguson G. Signs and Symbols in Christian Art. Oxford University Press, 1990.
- Fischer A. Rośliny w wierzeniach i zwyczajach ludu polskiego: Słownik Adama Fischera, red. Monika Kujawska, Łukasz Łuczaj, Joanna Sosnowska, Piotr Klepacki. Wrocław, Polskie Towarzystwo Ludoznawcze Publ., 2016.
- Folkard R. *Plant Lore, Legends and Lyrics*. London, Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington, Crown Buildings. 1884.
- Fox Talbot W.H. *English Etymologies*. London, John Murray, 1847.
- Gerard J. *The Herball or Generall Historie of Plantes*. London, John Norton Publ., 1957.
- Goddard C.V. Wiltshire Folklore Jottings. Wiltshire Archaeological Magazine, vol. 50. 1942–4.

- Jokich J. Sveto i demonsko drveche u srpskoj folklornoj tradiciji. *Bile u tradicionalnoj kulturi srba: Priruchnik folklorne botanike*, Zoja Karanovich, Jasmina Jokich. Novi Sad, Filozofski fakultet Publ., 2013, pp. 5–18. (In Serb.)
- Kolosova V.B. Obraz evreya skvoz' prizmu narodnoj botaniki. *Evrejskie diaspory v Evrope i mire: polevye i istochnikovedcheskie issledovaniya: sbornik statej / otv. red. A.A. Novik, N.G. Golant*. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2018, vyp. 1, pp. 226–242. (In Russ.)
- MacKillop J. *A Dictionary of Celtic Mythology*. Oxford University Press, 2016.
- Moldenke H.N. & Moldenke A.L. *The Plants of The Bible*. Waltham, Mas, USA: Chronica Bjtanica Company, 1952.
- Monaghan P. *The Encyclopedia of Celtic Mythology and Folklore*. New York, 2004.
- Porteous A. *Forest Folklore, Mythology, and Romance*. Allen & Unwin, 1928.
- Radenkovich L. O simvolike neplodovyh derev'ev (na yuzhnoslavyanskom materiale). *Etnobotanika: rasteniya v yazyke i kul'ture*, otv. red. V.B. Kolosova, A.B. Ippolitova. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 102–107 (Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovanij RAN, otv. red. N.N. Kazanskij, t. VI, ch. 1). (In Russ.)
- Sidneva S.A. Legendy o proiskhozhdenii rastenij v novogrecheskom fol'klore. *Etnobotanika: rasteniya v yazyke i kul'ture*, otv. red. V.B. Kolosova, A.B. Ippolitova. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 121–129 (Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovanij RAN, otv. red. N.N. Kazanskij, t. VI, ch. 1). (In Russ.)
- Skinner Ch. *Myths and Legends of Flowers, Trees, Fruits, and Plants in All Ages and in all Climes*. Philadelphia & London, J.B. Lippincott Co, 1911.
- SSSL – Słownik stereotypów i symboli ludowych, red. J. Bartmiński. Lublin, Wydawnictwo UMCS, 2021, t. II, cz. 6: Rośliny. Drzewa liściaste.
- Thiselton Dyer T.F. *Folk-Lore of Plants*. London, Chatto & Windus, 1889.
- Usacheva V.V. Sud'ba blagoslovennyh i próklyatyh derev'ev v tradicijnoj kul'ture slavyan. *Etnobotanika: rasteniya v yazyke i kul'ture*, otv. red. V.B. Kolosova, A.B. Ippolitova. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 130–163. (Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovanij RAN, otv. red. N.N. Kazanskij, t. VI, ch. 1). (In Russ.)
- Watts D.C. *Dictionary of Plant Lore*. Elsevier, 2007.
- Yanyshkova I. Nazvaniya ryabiny v slavyanskih yazykah. *Ad fontes verborum. Issledovaniya po etimologii i istoricheskoj semantike. K 70-letiyu Zh. Zh. Varbot*. Moscow, 2006, pp. 467–478. (In Russ.)

Received on 25.05.2023

Accepted on 01.07.2023

Информация об авторах:

Березович Елена Львовна
доктор филологических наук
член-корреспондент РАН
профессор, зав. кафедрой
Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-1688-2808
E-mail: berezovich@yandex.ru

Шляхтер Наталья Александровна
кандидат филологических наук
Холон, Израиль
E-mail: nshlachter@gmail.com

Information about the authors:

Elena L. Berezovich
DrSc. (Philology)
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences
Professor, Head of the Department
of Russian Language
General Linguistics and Speech Communication
of the Ural Federal University
named after the first President of
Russia B.N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1688-2808
E-mail: berezovich@yandex.ru

Natalia A. Shlyachter
Ph D. (Philology) Sciences
Holon, Israel
E-mail: nshlachter@gmail.com

К 100-ЛЕТИЮ ВИСЛАВЫ ШИМБОРСКОЙ

Славяноведение, 2023, № 5, с. 78–95

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 5, pp. 78–95

DOI: 10.31857/S0869544X0027866-5

Оригинальная статья / Original Article

«Картинка не такая уж простая». О Виславе Шимборской

© 2023 г. И. Е. Адельгейм

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

adelgejm@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена ключевым точкам мировоззрения и поэтики крупнейшего польского поэта XX–XXI вв., лауреата Нобелевской премии (1996) Виславы Шимборской (1923–2012). Рассматриваются роль удивления, сомнения, смирения как эмоциональных состояний, мировоззренческой позиции, структурообразующих элементов поэтических текстов Шимборской. Анализируются особенности связи поэзии Шимборской с повседневностью при отсутствии обнаженности; специфика и приемы конструирования лирического «я» и лирического адресата – ироническая дистанция, механизмы совмещения перспективы микро- и макро-, умножение и перемещение перспективы; значимость детали и крупного плана, склонность к парадоксу, обыгрывание чужой речи, фразеологизмов, цитат, использование риторических фигур повторения и отрицания; способы и цели преодоления антропоцентризма; воплощение драмы односторонней коммуникации человека с природой; декларация позиции ответственности и эмпатии; апология поэтического воображения.

Ключевые слова: коллаж, ирония, удивление, сомнение, смирение, риторические фигуры, перспектива

Ссылка для цитирования: Адельгейм И. Е. «Картинка не такая уж простая». О Виславе Шимборской // *Славяноведение*. 2023. № 5. С. 78–95. DOI: 10.31857/S0869544X0027866-5

«Not Such a Simple Picture». About Wisława Szymborska

© 2023. Irina Ye. Adelgeim

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

adelgejm@yandex.ru

Abstract: The article focuses on the key points of the worldview and poetics of great Polish poet of the 20th and 21st centuries, Nobel Prize laureate (1996) Wisława Szymborska (1923–2012). The author considers the role of surprise, doubt and humility as emotional states, attitudes and structure-forming elements in Szymborska's poetic texts. The article analyzes the connection of Szymborska's poetry to the daily

life – without nudity, the specificity and methods of construction of the lyrical subject and the lyrical recipient, such as ironic distance, mechanisms of combination of micro- and macro perspective, multiplication and shift of perspective; the significance of detail and close-up, the tendency to paradox, paraphrasing of idioms, quotations, using the rhetorical figures of repetition and negation; ways and aims of overcoming anthropocentrism; the drama of one-sided communication of man and nature; declaration of the position of responsibility and empathy; apology of poetic imagination.

Keywords: collage, irony, surprise, doubt, humility, rhetorical figures, perspective.

For citation: Irina Ye. Adelgeim. «Not Such a Simple Picture». About Wisława Szymborska // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No 6. P. 78–95. DOI: 10.31857/S0869544X0027866-5

«У меня дома есть мусорная корзинка», – отвечала Вислава Шимборская, четвертый польский лауреат Нобелевской премии по литературе, когда ее спрашивали, почему она так мало публикует. Мало – это примерно 350 стихотворений, общий тираж изданий которых на разных языках исчисляется, впрочем, миллионами.

Помимо мусорной корзинки, важное место в квартире поэтессы занимали выдвижные ящики (которые та считала величайшим изобретением человечества), заполненные вырезками из газет, журналов, старых открыток, репродукций и пр. На протяжении почти сорока лет Шимборская делала шуточные аппликации-коллажи (*wyklejanki*) из фрагментов иллюстраций и текстов. «...в продаже не было открыток, которые бы ее устраивали. И Вислава Шимборская решила делать их собственноручно. Одна из первых представляла коринфскую колонну с открытой дверью и выходящей оттуда фигурой – ясно, что сюрреалистический тон появился с самого начала, – рассказывает литературный секретарь Шимборской Михал Русинек. – Я был уверен, что пани Вислава начала их делать на рубеже 1960–1970-х годов – так она сама утверждала. Но недавно нашел ее гимназическую тетрадь 1940-х годов с вопросником и ответами одноклассников. Там появляются первые коллажи из элементов, вырезанных из довоенных каталогов. Они, правда, не наклеены на картон, а вклеены в тетрадь, однако носят характерные черты стиля Шимборской. Лаконичные: картинка и короткая подпись»¹.

Всего коллажей оказалось сделано около полутора десятка тысяч, почти все разошлись по друзьям и знакомым. Через год после смерти Шимборской состоялась первая выставка, в Кракове, затем открытки не раз экспонировались по всему миру.

«Требовалось совсем немного, – вспоминает Леонард Нойгер, – матовая картонка, голубоватая или кремовая, приличный клей для бумаги, ножницы, вырезки, ну и Вислава Шимборская. Из всего перечисленного в ПНР [...] всегда в наличии имелась только Шимборская. Картонка не была, и все, кто мог, вез его ей из-за границы. Клей обычно не клеил [...]. Вырезки – из заголовков газет, журналов, репродукций, старых открыток – Шимборская собирала сама. [...] Изъятые из контекста, они образовывали под ее рукой новые миры: несколько сюрреалистические, искрящиеся теплым юмором и ощущением свободы. [...] вписанные в мир Шимборской, уже не привязанные [...]

¹ Wyklejanki Szymborskiej w Gdańsku. Co mają z nimi wspólnego Woody Allen i Monty Python?

к газете, журналу, фотографии, открытке, они оказывались освобождены и от прежней предопределенности»².

Коллаж – метод иронического мышления, именно из иронии он «извлекает свою силу» [Добрицына 2004, 21]. Шимборская высоко ценила удачную шутку (утверждая даже, что ради шуток стоит жить), иронические стихи, черный юмор. Своим любимым жанром она называла лимерики, которые сама охотно сочиняла³. Юмористическими стихами Шимборская заработала свои первые деньги: «Короткие стишки я писала всегда. [...] Если моему отцу нравилось какое-нибудь стихотвореньице – а нравились ему только смешные вещи без всякой лирики – он вытягивал портмоне и платил мне» [Baranowska 2023]. Любовь к черному юмору изменила поэтессе, по свидетельству ее литературного секретаря Михала Русинека, лишь перед самым концом.

Ирония – механизм установления дистанции по отношению к взаимодействию важнейших компонентов человеческого бытия: окружающего мира, языка, которым человек располагает для повествования о мире, и пользователя этого языка. «Человек серьезный легкомысленно отнесется к языку и серьезно – к реальности, человека же “несерьезного” отличает серьезное отношение прежде всего к языку, чтобы тем выразительнее показать парадоксальность, условность, неоднозначность реальность...» [Rusinek 2023].

Сегодня мы назвали бы *wyklejanki* Шимборской прообразами современных мемов, демотиваторов. Часто в них видят гипотетический комментарий к ее стихам, но можно также сказать: то, что совершенно наглядно отразилось в этом «несерьезном» творчестве (а Шимборская любила повторять, что к игре следует относиться особенно серьезно), есть своего рода ключ (ключи) к ее поэзии, производящей обманчивое впечатление простой поэзии, которую Нобелевский комитет определил как «с иронической точностью открывающую законы биологии и исторические механизмы во фрагментах человеческой действительности»⁴. Это парадоксальное сочетание очевидных деталей, рождающее новую перспективу, никогда не окончательную. Обыгрывание «частей речи» (если воспользоваться формулой Бродского), отражающих и формирующих множество противоречивых состояний человеческого разума. Умение принять реальность как данность – и тут же выйти за ее пределы, переформатировать ее с помощью художественного воображения. Сохранение «невинности» взгляда, незашоренности восприятия и способность передать многообразие связей и их бесконечность с иронической афористичностью. «Язык Шимборской вроде бы прост, но это обманчивая простота, а вот мысли глубоки и сложны [...]. Анатолий Гелескул [...] называл ее стихи “философскими притчами”, которые “могли бы оказаться скучноватыми, не будь они так изобретательны и остроумны”. Насколько сложен и неоднозначен ритм стихов, настолько же сложна их философско-нравственная проблематика» [Белов 2023].

Одно из ключевых эмоциональных состояний, а также последовательно декларируемых позиций мировосприятия в стихах Шимборской – удивление. Удивление оказывается мировоззренческой позицией, которая позволяет переступить порог очевидности и открывает необычность... практически чего угодно («Удивление», «Всякий случай»). Именно способность удивляться, по

² KOLAŻE – wystawa prac Wisławy Szymborskiej, Jolanty Więclaw i Jakuba Elwertowskiego

³ В биографическом документальном фильме К. Коленды-Залеской «Минутами жизнь бывает сносной» есть кадры, где поэтесса, которой уже за восемьдесят, прогуливается с друзьями по ирландскому городу Лимерик, на ходу сочиняя лимерики (порой не совсем приличного содержания).

⁴ The Nobel Prize in Literature 1996.

Шимборской, отличает человека от прочих существ: «Могла бы стать и собой — но без удивления, / а это значит, кем-то совсем иной» («В переизбытке», пер. А. Эппеля). Неслучайно об удивлении Шимборская достаточно подробно говорит в своей очень короткой нобелевской лекции: «Мир, что бы мы о нем ни подумали, напуганные его необъятностью и собственным перед ним бессилием, обиженные его равнодушием к страданиям отдельных существ [...] — он удивителен. Но в определении “удивительный” скрывается некая логическая ловушка. Ведь обычно нас удивляет то, что отступает от известной и общепризнанной нормы, не укладывается в некую очевидность, к которой мы привыкли. Так вот, такого очевидного мира просто нет. Наше удивление возникает самопроизвольно и не вытекает из сравнений с чем бы то ни было. Согласна, в бытовой речи, не заставляющей нас задумываться над каждым словом, мы широко пользуемся определениями “обычная жизнь”, “обычный мир”, “обычный порядок вещей” [...] Однако в поэзии, где взвешивается каждое слово, ничто не является обычным и нормальным. Ни один холм и ни одно облако над ним. Ни один день и ни одна наступающая за ним ночь. И главное — ничье существование на этом свете. Похоже, что у поэтов всегда будет много работы» [Шимборская 1997].

Существование и многообразии мира видится чудом — в большом и малом («День рождения»). Слово «чудо» многократно повторяется в стихотворении «Ярмарка чудес», перечисляющем обыденные вещи: «Привычное чудо — / То, что на свете столько привычных чудес. // Обычное чудо: / В ночной тишине лай / Невидимых псов. // Чудо одно из многих: / Маленькая, изящная тучка / Заслонила тяжелый диск луны. // Несколько чудес в одном — Ива, отраженная в воде [...] // Первое встречное чудо: / Коровы на лугу. // Второе — ничуть не хуже, / Тот, а не другой сад, / Выросший из этих, а не других ростков. // Чудо без черного фрака и цилиндра — Стайка вспорхнувших белых голубей. // Чудо, вот только — как его назовешь? / Солнце взошло сегодня в пять пятнадцать, / А зайдет ровно в двадцать два часа, одну минуту...» (пер. Г. Языковой). В стихотворении «Ранний час» лирическая героиня сожалеет о многократно упущенном чуде (рассвета): «Это редко меня изумляет, а должно бы. / Чаще я просыпаюсь в роли запоздалого свидетеля, / Когда чудо уже совершилось, / день установился...» (пер. С. Свяцкого).

«Я больше всего ценю в поэзии возможность возвысить обычные события, сделав их исключительными»⁵, — говорила Шимборская. Таким образом, удивление как механизм сопротивления небытию видится ей привилегией поэта, чье преимущество, как утверждал Бродский, — преимущество лингвистическое. Удивление порождает, например, поразительные сочетания эпитетов, «накрывающие словом» (Л. Гинзбург) оттенки и уровни восприятия: цветок — «презрительно-точный, возвышенный слабо» («День рождения», пер. Д. Самойлова; более точный перевод — «презрительно точный, надменно хрупкий»). Удивление очень часто оказывается исходной точкой поэтической и психологической конструкции поэтического текста. Отсюда множество вопросительных слов и вопросительных знаков — как, например, в стихотворении «Удивление»: «Зачем я в слишком одной особе? / И не иной? И чье подобье? / Что делаю здесь? Не зверь, не змея? / [...] И почему лишь однажды лично? / По стольких эрах здесь без меня? / Как раз теперь? Почему так поздно?» (пер. Н. Астафьевой).

⁵ Вислава Шимборская: Поэзия рождается в молчании.

Удивление бесконечностью многообразия мира рождает перечисления, которые, в свою очередь, заставляют вспомнить размышления Бродского о бессознательной, но неизбежной верности рифмования как жизненно необходимого, синтетического, «оперирующего всеми возможностями человеческого существования» процесса познания мира — познания, заключающегося в постоянном открытии все новых связей, постоянном «обновлении и перетождествлении» окружающего: «Когда вы рифмуете две вещи, которые до того не составляли пары, между ними развивается некоторое родство. Предположим, строка заканчивается словом “moon” (“луна”). Ты начинаешь присматриваться к языку в поисках рифмы или соответствия и рано или поздно приходишь к слову “spoon” (“ложка”). Изначально ты предполагаешь, что это неудачно, поскольку между луной и ложкой нет никакой связи. Потом ты начинаешь думать. И думаешь: так ли это? Может быть, и есть. Прежде всего обе неодушевленны; у обеих металлическое сиянье. Etc., etc. Ты устанавливаешь между ними связь. И эта связь создает потрясающее ускорение. Она помогает тебе понять что-то в природе вещей, в природе луны и природе ложки. Возможно, даже в природе связи этих вещей. Потом ты осознаешь, что здесь был задействован совершенно иной механизм, чем в любом другом направлении работы, в любой другой профессии, в другом роде занятий. [...] В процессе сочинения интересно то, что при этом ты используешь одновременно все три известных человеку метода познания: 1. аналитический процесс; 2. процесс интуитивного синтеза и 3. откровение...» [Бродский 2000, 633–634]. Это тождество «фонетики и семантики» [Бродский 1999, 138] становится особенно очевидным при сопоставлении нескольких переводов одного из немногих рифмованных⁶ стихотворений Шимборской — «День рождения», а именно — цепочек перечислений больших и малых чудес: «Сколько вдруг света со всех сторон света: / морены, мурены, и море и зори, / и огонь, и вигонь, и орех и жерех, / куда все это дену — вот мое горе? / Те чаши и пуши, ту кровлю и саблю, / молитву, улитку — куда я поставлю? / Гориллы, бериллы, свирели, кадрили — / спасибо, мне слишком всего надарили. / В какие кувшины — крушину, кручину, / и топот, и трепет — куда я закину? / что делать с колибри, и с амброй, и с цедрой, / и как поступить мне с тем зубром и зеброй» (пер. Д. Самойлова); «О, сколько вдруг света со всех сторон света: / морены, мурены и море, и зори / и огонь, и гармонь, и орел, и орех — / как всё обустрою? Унынье во взоре: / посмотрю на скирду и звезду, и дуду, / и герань, и лохань, — где им место найду? / Бациллы, гориллы, бериллы, сивиллы — / спасибо, конечно... Но я захандрила... / Кувшин для репейника и лопуха, / меха и блоха... Требуха, шелуха... / Где спрятать колибри, а где серебришко, / что делать с мышами и плюшевым мишкой?» (пер. Р. Железного); «Сколько сразу света со всех сторон света: / морены, мурены и море, и зори, / и пламя, и знамя, орёл и орехи. / Куда это ставить? Ни с кем не повздорить. / Кустарник и странники, бивни и ливни, / Скрижали и дали — куда всё? Скажи мне. / Бериллий и трели, шиншиллы, гориллы / — спасибо, но слишком меня задарили. / К какому кувшину лопух из-под кадки, / Люпина ужимки и роскоши складки? / Где спрятать колибри, отроги сервиза / Для зубра и зебры, дыхание бриза? / Такая

⁶ «...русский читатель (а иногда и переводчик) зачастую воспринимает ее стихи как верлибры, хотя поэтесса пользовалась в основном модернизированным белым стихом. Почувствовать эту разницу человеку, привыкшему к нашей вполне традиционной, да еще и рифмованной силлабо-тонике, очень сложно [...] уловить этот ритм Шимборской и передать его невероятно трудно, тем более что во многих ее текстах то появляется, то исчезает внутренняя рифма...» [Белов 2016, 43].

двуопись даров и рожденья, / а вот осьминог и сторукоость растений!» (пер. В. Мельникова).

Процесс поэтического осмысления мира словно бы может быть начат с любого места, с любой точки — капли воды на пальце («Вода»), мертвого жука на тропинке («Виденное сверху»). Именно поэтому оказалась возможна забавная ситуация, о которой рассказал М. Русинек, в свое время учивший поэтессу обращаться с мобильным телефоном: «Как оказалось позже, Шимборская записала инструкцию [...]. После ее смерти в бумагах я нашел листок, на котором было написано: “Долго ждем на красную. Ждем появления цифры...”⁷. Сначала я подумал, что это какое-то ранее не опубликованное стихотворение...»⁷.

Внимание часто оказывается сосредоточено на детали, используется крупный план. Поэзия Шимборской питается повседневностью (неслучайным было ее восхищение живописью Вермеера: «Голландская живопись возвысила до уровня прекрасного обыкновенность, обыденность, повседневность»⁸ — при почти полном отсутствии обнаженности (неизбежно изредка прорывающейся — например, в «Прощании с пейзажем»). По словам Чеслава Милоша, Шимборская «говорит с нами, ее современниками, как одна из нас, пряча свои частные проблемы, держа дистанцию, но одновременно отсылая к тому, что каждый знает по собственной жизни». Стихи Шимборской «исследуют частные ситуации, но обобщенные, позволяющие обходиться без признаний» [Miłosz 2023]. Даже когда лирический герой конкретизируется как реальный и единственный («Можно без названия», «16 мая 1973 года»), он функционирует как «exemplum всех возможных единичных и одноразовых ситуаций, как единичность много-разовая, универсальная. Он перевоплощается [...] в философствующего трансцендентального субъекта, то есть субъекта обобщающего мышления, вне и поверх любой связывающей его конкретики. Поэтому здесь трудно говорить об эмоции личной, частной, приписанной телесному я, переживающему обстоятельство» [Kasperski 1996, 20]. Неслучайно в стихотворении «Под тою же звездой» лирическая героиня восклицает: «Прости мне всё, что не могу быть всюду. / Простите мне все, что не могу быть каждым и каждой» (пер. С. Свяцкого).

Отсюда обилие неопределенных местоимений, которые, однако, у Шимборской обладают способностью отсылать одновременно к парадигме универсального и конкретного, указывать на какого-то —> любого —> каждого человека, т.е. общий план оборачивается крупным, холод безразличия — теплом эмпатии: «Какие-то люди, бегущие от каких-то людей. / В каком-то краю под солнцем [...] // Оставляют какое-то свое всё, / засеянные поля, каких-то кур, собак, / зеркала, в которые теперь глядится пламя. [...] // Перед ними какая-то все не та дорога, / не тот, что нужен мост / через реку странного розового цвета. / Вокруг стрельба то ближе то дальше, / вверху кружит какой-то самолет. [...] // Что-то еще случится, только где и что. / Кто-то выйдет им навстречу, только когда, кто, / в скольких обличьях и с какой целью...» («Какие-то люди»). Подобным образом — без непосредственного обращения к конкретному человеку — повтор слов «ничто не изменилось» в сочетании с не утрачивающими актуальности историческими аллюзиями и описанием физических и физиологических реакций (абстрактного) тела рождает ощущение личной вовлеченности лирического «я» и адресата — и (со)страдания: «Ничто не изменилось. / Тело дрожит, как дрожало / до основанья Рима и после, / в двадцатом веке, до и после Рождества

⁷ Unpredictable Szymborska: An Interview with Michał Rusinek.

⁸ Вислава Шимборская: Поэзия рождается в молчании.

Христова, / пытки были и есть, лишь земля стала меньше, / и все, что происходит, — как будто здесь, за стенкой. // Ничто не изменилось. / Добавилось лишь людей, / и кроме старых провинностей явились новые, действительные, внушенные, минутные и никакие, / но крик, которым тело за них отвечает, / был, есть и будет криком безвинной жертвы, [...]. // Ничто не изменилось. / Лишь манеры, церемонии, танцы. / Жест рук, заслоняющих голову, // остался, однако же, прежний. / Тело извивается, дергается, вырывается, / сбитое с ног, падает, подгибает колени, / синее, пухнет, истекает слюной и кровью» («Пытки», пер. Н. Астафьевой).

Лирическая героиня практически всегда готова увидеть себя в системе Вселенной, задать вопрос о своем месте в ней. Она — конкретный человек и представитель человечества в окружении других обитателей планеты: «...И в доме — не в гнезде? / И в коже, а не в оболочке? С лицом, а не листом?» («Удивление», пер. А. Корсарова); «Я это я. / Непостижимый случай, / как и любой другой» («В переизбытке», пер. А. Эппеля). Очень часто возникает иронически-серьезное краткое «изложение» процесса эволюции, обращение к антропогенезу или истории цивилизации, как будто иначе невозможно говорить об отдельном человеке, как будто перспектива микро- невозможна без перспективы макро-: «Я потеряла пару богинь в дороге с юга на север, / а также множество богов в дороге с востока на запад. / Погасла мне пара звёзд навсегда, пусть расступится небо. / Под воды моря ушли острова, один и за ним другой. / Я уже точно не помню, где я оставила когти, / кто ходит в моем меху, кто живёт в моей скорлупе. / Вымерли мои родственники, когда выползла я на сушу, / и только во мне какая-то косточка справляет мои именины. / Я выскакивала из шкуры, позвонки теряла и ноги / [...], но давно я на всё это своё третье око прикрыла, / махнула на всё плавником, покачала ветвями. / [...] Сама себе удивляюсь — как мало меня осталось: / одна отдельная личность, временно человеческого рода, / потерявшая зонтик в трамвае вчера — была плохая погода» («Речь в бюро находок», пер. Г. Ходорковского); «... вот пример несовершенных пропорций: / перед нами громоздится скелет допотопного ящера — // [...] слева — хвост, уходящий в бесконечность, / справа — шея, уходящая в другую — // [...] обратите внимание на эту смешную головку — // [...] такая головка ничего не способна предвидеть, / и потому она — головка вымершего гада — // [...] в этом смысле мы в несравненно лучшей форме, / жизнь прекрасна, а земля — наша — // [...] звездное небо — над мыслящим тростником, / но нравственный закон — в нем самом — // [...] такое удалось только однажды / и, возможно, лишь под этим, единственным солнцем — // [...] что за ловкие руки, / что за убедительные речи, / сколько голов на плечах — // [...] какая ответственность на месте хвоста —» («Скелет ящера», пер. А. Базилевского). В стихотворении «Томас Манн» фавны и ангелы видятся отвергнутыми звеньями эволюции («Дорогие сирены, так должно было быть, / о, вельможные ангелы, о, прелестные фавны, / эволюция явно от вас отеклась. / Ей хватило бы воображенья, но ваши / плавники из девона, а груди из палеолита, / пятипалые руки, но у ног копыта, / эти плечи не вместо, а помимо крыльев, / ваши, страшно подумать, двутворные чуда, / хвостатые некстати, рогатые назло, / беззаконно пернатые, эти слепки и сроски [...] / — вы ж понимаете, это была бы шутка, / это было бы слишком, это были б заботы, / которых природа иметь не хочет и не имеет...»), а заглавный герой — счастливо избежавшим этой участи «приматом / с оперенной чудесно пером “Waterman” рукою» (пер. Н. Астафьевой).

Существование человека и человечества, их присутствие в мире понимается как результат непостижимой цепочки случайностей: «Окажись моими / иные предки, / я бы выпорхнула / из другого гнезда, / из-под другого пня / выползла бы в чешуе. // В костюмерной природы / одеяний несчетно — / паука, чайки, полевой мыши. / каждое сразу сидит как влитое / и выглядит новым / пока не износишь» («В переизбытке», пер. А. Эппеля). По воле «непостижимого случая» лирическая героиня не родилась «Кем-то с отмени, из муравейника, из гудящего роя, / или мотаемой ветром деталькой пейзажа. // Кем-нибудь не столь счастливым, / разводимым на мех, / для праздничного стола, / чем-то, плавающим под стеклышком. // Деревом, увязшим в земле, / к которому торопится пожар. // Стеблем, вытаптываемым / ходом непонятных событий» («В переизбытке», пер. А. Эппеля). Лирический адресат уцелел, «ибо первый. / Уцелел, ибо последний. / Ибо сам. Ибо люди. / Ибо влево. Ибо вправо. / Ибо выпал дождь. Ибо упала тень. / Ибо солнечная была погода. // К счастью, вокруг лес. / К счастью, ни одного дерева. / К счастью, рельс, крюк, балка, тормоз, / фрамуга, поворот, миллиметр, секунда. [...] / Итак, существуешь? Пошаженный покамест мгновеньем? [...] Не могу надивиться, намолчаться этому. / Послушай, / как для меня / быстро бьется твое сердце» («Всякий случай», пер. А. Эппеля). Встреча возлюбленных состоялась, но за ней — вплотную к ней — стоят небытие и непознанная логика случая — бытие словно бы всегда оказывается под вопросом. Так, в стихотворении «16 мая 1973 г.» по причине непрочности памяти достоверность реальности снова оспаривается, на бытие ложится тень небытия: «Была я полна впечатлений. / Все, что от них осталось — / троеточия в скобках. // Где спряталась я, где сокрылась, / в каких уголках укромных? / Великое дело — искусство / саму себя потерять» (пер. Р. Железного). Человеческое же удивление в этой системе — сродни благодарности: «Тогда я и обнаружила себя / С ног до головы среди планет, / Даже не помнящей, каково мне было не быть. / О, мой тут — встреченный, тут — возлюбленный, / Только тогда я осознала себя, с рукой на твоём плече. / Сколько с той стороны на нас приходится пустоты, [...]. / А мне так выпало, что я при тебе, / И вправду не вижу в том ничего / Обыкновенного» («Ничто перелицевалось также и для меня», пер. Л. Бондаревского).

Лирический герой Шимборской — прежде всего человек познающий. Этот процесс буквально и наглядно воплощают и проекция детского сознания в стихотворении с демонстративно повседневным названием «Маленькая девочка стаскивает скатерть» («Вот уже год на этом свете, / а тут еще не все исследовано / и взято под контроль. / Теперь опробуются вещи, / которые не двигаются сами. [...] // Очень интересно, / какое они выберут движенье, / когда окажутся уж на краю: / гулять по потолку? / летать ли вокруг лампы? / прыгнуть на подоконник, а оттуда на / дерево? [...] // Эта попытка сделана должна быть. / И будет сделана» (пер. Н. Астафьевой)), и горькие «взрослые» строки: «Прости, тайна бытия, что выщипываю нитки из твоего шлейфа» («Под тою же звездой», пер. С. Свяцкого), «Я [...] вопрос в ответ на вопрос» («Небо», пер. С. Свяцкого).

Условием познания для Шимборской является сомнение, которое питает и подпитывается пронизывающими все ее творчество иронией и самоиронией (по словам Русинека, «иронист смотрит не только на окружающий мир, но и на себя, смотрящего на окружающий мир. Смотрит с улыбкой, но горькой» [Rusinek 2023]): «Извините, великие вопросы, за малые ответы» («Под одною звездой», пер. С. Свяцкого).

Критики связывают стойкую, едва ли не демонстративную приверженность Шимборской категории сомнения с «уроком», извлеченным из собственной юности⁹ – утратой доверия как к навязанным извне принципам существования («Что ж, я имела несчастье когда-то быть молодой и легковверной особой, слабо ориентирующейся в вопросах, которые должна была бы сразу соответствующим образом оценить»¹⁰), так и к словам тех, кто при высказывании позиционирует себя как «мы» (т.е. за исключением позиции представителя человеческого рода как такового). В своей Нобелевской лекции Шимборская сказала: «Всевозможные палачи, диктаторы, фанатики, демагоги, борющиеся за власть с помощью нескольких – главное, чтобы погромче! – лозунгов [...] “знают”. Они знают, и того, что знают, им абсолютно достаточно. Ничто сверх уже известного их не интересует, ибо может поколебать их уверенность в собственной правоте. А всякое знание, которое не порождает очередных вопросов, очень быстро умирает, утрачивает необходимый для жизни накал. В самых крайних случаях – чему есть примеры и в древней, и в новейшей истории – оно даже может стать смертельно опасным для общества. Поэтому я так высоко ценю два коротких слова: “не знаю”. Маленьких, но всемогущих. Открывающих для нас пространства, которые спрятаны в нас самих, и пространства, в которых затеряна наша крошечная Земля» [Шимборская 1997].

Поэтическое мышление Шимборской, основанное на последовательном сомнении, «отвергает непроверяемые доказательства и обнаруживает исключения из правил. Оно ведет к тайне, провоцирует специфическую аналитическую чувствительность, ориентированную на загадки бытия. Вопросы, задаваемые миру и мирам, объединяют незнание отдельного человека и незнание коллективное, наследуемое. Универсальные проблемы (метафизические, экзистенциальные) стоят в одном ряду с дилеммами меньшего масштаба, связанными с повседневной жизнью [...]. Уникально каждое субъективное сомнение...» [Ligeza 2002, 115].

«Многомерность мира, который мы описываем – неисчерпаемый источник поэзии. Каждую вещь, каждую тему можно обойти вокруг и посмотреть на нее с разных точек: сверху, снизу, с четырех сторон, издалека, вблизи»¹¹. Мирвосприятие лирической героини Шимборской всегда «фрагментарно, декомпонировано и сложено заново, образуя новые симметрии и асимметрии, которые никогда не подталкивают к какой-то одной перспективе» [Tomassucci 2016, 273]. Отсюда множество «если бы», «но», «однако», «и все же», отсюда и внезапные умножения, перемещения и смещения перспективы («стремление изучить вещь со всех шести сторон», как в стихотворении «В ковчег», пер. Р. Железного), делающие возможной ироническую переоценку обычного: «Для детей первый в жизни конец света. / Для коты новый хозяин. / Для пса новая хозяйка. / Для мебели лестница, грохот, повозка и перевозка. / Для стен пустые квадраты от снятых картин. / Для соседей снизу тема, перерыв в скуке. / Для автомобиля лучше, если было бы два. / Для

⁹ О том, что породило стихи, вошедшие в книги 1952 и 1954 г. и никогда Шимборской не переиздававшиеся, она рассказывала так: «Я, к сожалению, поддаюсь этому соблазну, о чем свидетельствуют два первых сборника стихов. Прошло много лет с того времени, но я до сих пор помню все фазы этого опыта: от радостной веры, что при помощи доктрины я вижу мир шире и яснее, – до открытия, что то, что я вижу так широко и ясно, это вовсе не настоящий мир, а прикрывающая его искусственная конструкция...» [Белов 2023].

¹⁰ Wisława Szymborska.

¹¹ Вислава Шимборская: Поэзия рождается в молчании.

романов, поэзии — хорошо, увози, что хочешь...» («Развод», пер. А. Эппеля). Нередко стихотворение имеет форму скрытого в монологе диалога или полилога перспектив, как, например, в «Комнате самоубийцы» — неоднородная перспектива оставшихся, перспектива ушедшего, перспектива пространства и пр.: «Вы думаете, комната была пустая. / А там три стула с надежными спинками. / Торшер как средство против мрака. [...] / в ящике записная книжка. / Думаете, в ней не было наших адресов? // [...] Не без выхода, хотя бы через дверь, / не без видов, хотя бы через окно — / такой казалась комната. / Очки для дали валялись на подоконнике. / Жужжала одинокая муха, жила еще, значит» (пер. С. Свяцкого).

Отсюда и часто вплетаемая в стихи Шимборской чужая речь, потребность разбить, раскрошить закрепившееся в языке и в сознании, стереотипы и просто общие места, использование разнородных элементов в новых конфигурациях. Коллаж, «используя вещи [...], одновременно подрывает доверие к ним» [Добрицына 2004, 21]. Он же делает возможным возвращение к «невинности» воздействия и восприятия: «...к расцветшим садам под Верденом / приближается всего лишь атмосферный фронт» («Реальность требует»). Для творчества Шимборской характерны буквализация или переименование идиом, фразеологизмов, обиходных формул («Речь в бюро находок», «Явь», «Сто радостей», «Комната самоубийцы», «Сношения с умершими», «Женский портрет»). Происходит «двойная актуализация» — актуализация буквального и фигурального значений [Щербань 2016, 153]: «Бор обозначен тремя сосенками, / в которых трудно заблудиться. // На востоке и на западе, / выше и ниже экватора тихо — / слышно, как пролетит муха, / а в черненьких точках мушинных следов / живут себе люди» («Карта», пер. К. Старосельской). В стихотворении «Всякий случай» среди перечисляемых — гипотетических — счастливых случаев, способствовавших спасению, присутствует соломинка, «плававшая по воде». В оригинале это образ еще более яркий, поскольку русскому «утопающий за соломинку хватается» в польском языке соответствует «утопающий хватается за бритву»: ср. у Шимборской: «К счастью, бритва плавала на воде» (пер. А. Эппеля). Подобным образом обыгрываются цитаты (например, из Хайдеггера в «Ничто перелицевалось также и для меня», из Монтеня в «Заметке», из Шекспира в «Ста утешениях», из Мицкевича в «К вопросу о статистике», из Гете в «Ничто не случается дважды», «Мгновении», из Библии в «Хане», «Реальность требует», «Числе Пи», «В реке Гераклита» и пр.). В стихотворении «Скелет ящера» иронически вплетается самовлюбленная риторика «человека познавшего», язык музея или научного труда, в «Ярмарку чудес» — язык метеорологического прогноза, выдающего чудесное за обыденное, в «Интервью с ребенком» — язык агиографического текста. В стихотворении «Монолог для Кассандры» смешиваются разнородные элементы речи — сценической (античной трагедии) и повседневной, совмещение в рамках одного лирического сюжета коммуникации риторической и повседневной заставляет на уровне почти физиологии пережить происходящую с героиней метаморфозу. Спокойный голос экскурсовода в «Доме великого человека» перебивается сокрушенным голосом современника: «Здесь жил, и работал, и умер великий человек. [...] / [...] внимание, три ступеньки — мы входим в помещение. // [...] В этой комнате он размышлял, / в этом алькове спал, / а тут принимал гостей. [...] // [...] Счастливый? Несчастливый? / Да не в том дело. / Он свободно изливался в письмах, / не опасаясь, что они подвергнутся досмотру. // Вел дневник, детальный и откровенный, / не боясь, что тот сгинет при обыске. / Больше всего

нервничал из-за приближающейся кометы, / ибо конец света зависел исключительно от Господа Бога» (пер. С. Свяцкого). Стихотворение «Похороны» представляет собой набор реплик, демонстрирующих попытку людей, которые оказались в круге смерти, постепенно выйти из него при помощи языка: «кто б мог подумать – так внезапно» “нервы и сигареты, а я предупреждал” “спасибо, так себе” “разверни-ка цветы” “брат тоже из-за сердца, семейное, что ли” [...] “два желтка, ложка сахара” “не его это было дело, зачем вмешиваться” [...] “понятия не имею, думаю, родственники” “ксендз-то вылитый Бельмондо” “в этой стороне кладбища я еще не бывала” [...] “все там будем” “выразите вдове, я тороплюсь на” “по-латыни было куда торжественнее” [...] “может, пивка выпьем, а?” “позвони поболтаем” “либо на четверке, либо на двенадцатом” “мне сюда” “нам туда» (пер. С. Свяцкого). Подобный процесс знаменует троекратное повторение в финале слов «Как хорошо, что...» в стихотворении «Посещение больницы».

Шимборская вводит перспективы животных, растений, предметов, однако за редкими исключениями это перспектива на самом деле глубоко человеческая, и лирическая героиня осознает эту ограниченность собственного восприятия: «Время примчалось словно посланец со срочным известием / Но это только наше сравнение...» («Вид с песчаным зернышком», пер. Г. Ходорковского). Черепаха не может воспользоваться своей долгой жизнью так, как хотелось бы этого человеку: «Снится черепахе листочек салата / (ей, столскольготолетней, тоже сны снятся), / а около листочка – вдруг сам Император. / Невдомек черепахе, какая это сенсация» («Сон старой черепахи», пер. Н. Астафьевой). Таким парадоксальным образом иронически оспаривается антропоцентрическая перспектива. В некоторой степени исключением является стихотворение «Кот в пустой квартире», представляющее собой перспективу осиротевшего кота, при помощи которой антропоцентрическая перспектива преодолевается путем обживания опыта животного, обремененного некоей проекцией человеческих связей («Слышны шаги на лестнице, / но не те. / Рука, что кладет рыбу в мисочку, / тоже не та, что раньше»), но не ведающего сознания неизбежности смерти. Смерть переживается здесь как «упорное отсутствие», не окончательное и предполагающее возвращение, а текст начинается словом «умереть» и завершается словом «начало». Однако кто произносит первую фразу: «Умереть – так с котом не поступают»? В конечном счете и здесь совершается антропоморфизация и происходит двойная идентификация – с тем, кто ушел, и с тем, кто переживает утрату, т.е. удвоение человеческого (и только человеческого) танатического опыта.

Перспектива человека, обремененного чувством вины и стыда, скрыта в мотологе маленького зверька, который уцелел, потому что слишком мал («сложенный из двух зрачков, / плюс небольшой остаток») и ни на что человеку не пригодился: «Сижу живой на пальце человека» («Долгопят», пер. Е. Черепанова). Более открыто и декларативно эта же перспектива присутствует в стихотворении «Цирковые звери»: «Я – человек, и мне очень стыдно. // Скверное было сегодня / развлечение: / рукоплесканий громких было / немало, / и хотя рука длиннее кнута / острую тень на песок бросала» (пер. В. Куприянова). А также – завуалированно – в признании: «И ты прости, ястреб, все в той же клетке, / глядящий годы напролет все в ту же точку, / виновата я, даже если ты только чучело. / Прости меня, дерево, за четыре ножки стола» («Под тою же звездой», пер. С. Свяцкого).

Этот опыт — человека, ощущающего свою неразрывную связь со всеми участниками эволюции («Две обезьяны», «Речь в бюро находок») — включает в себя драму односторонней связи, потребности в коммуникации и невозможности ее реализовать: «Одностороннее знакомство [...] // Путешествие наше — общее [...] Беседа с вами необходима и невозможна» («Молчание растений»). Мир человеческий отделен от не-человеческого, человек не способен выйти за пределы себя: «Стучусь в двери камня. / — Это я,пусти меня. / Я хочу войти в твое нутро, / оглядеться вокруг, / вобрать тебя, как воздух. // — Уйди — говорит камень. — Я плотно закрыт. / Даже разбитые на части / мы будем плотно закрыты. / Даже истертые в песок / не впустим никого. // [...] Ты можешь со мной познакомиться, не познаешь никогда. / Всей поверхностью обращаюсь к тебе, / а всем нутром лежу отвернувшись. // [...] — Если ты мне не веришь — говорит камень — / Обратись к листу, он скажет то же, что я. / К капле воды — скажет то же, что лист. / В конце концов, спроси у волоса с собственной головы...» («Разговор с камнем», пер. О. Чепельской). Познание, восприятие не есть участие: «— Не войдешь — говорит камень. — / У тебя отсутствует чувство участия. / Никакое чувство тебе не заменит чувства участия. / Даже зрение, обостренное вплоть до всевидения, / ни к чему тебе при отсутствии чувства участия. / Не войдешь, у тебя лишь замысел этого чувства, / едва лишь его зародыш, воображение» («Разговор с камнем», пер. О. Чепельской); «Я знаю, что такое листок, лепесток, колосок, шишка, / стебель, / и что с вами происходит в апреле, а что в / декабре. / Хотя мое любопытство — / без взаимности // У меня есть для вас имена [...] а у вас для меня нет» («Молчание растений»). Тщетна попытка диалога, который оборачивается монологом. Лирическая героиня Шимборской одинока в первую очередь именно в этом смысле: «Мы называем его зёрнышком песка / а оно и не зёрнышко и не песок. / Обходится без названия [...] // А то, что упало на парапет окна / только наше, а не его событие. [...] // Ему ни к чему наши взгляды, прикосновения — / оно не чувствует ни взгляда, ни касания. [...] // Из окна очень красивый вид на озеро, / только этот вид сам себя не видит» («Вид с песчаным зёрнышком», пер. Г. Ходорковского); облака «Не имеют обязательств сгинуть вместе с нами. / Не должны быть видимыми, чтобы плыть» («Облака», пер. Е. Черепанова); «...моей печалью / зелени не остановишь. / Травинка, если и дрогнет, / то только от ветра» («Прощание с пейзажем», пер. С. Свяцкого).

«“Не знаю”, если воспринимать его всерьез, вмещает в себя намного больше, чем “знаю”, — говорит Шимборская в интервью. — “Знаю” очень категорично, однозначно закрыто, а в “не знаю” есть открытость ко множеству вещей, в которых мы пытаемся разобраться»¹². По наблюдению А. Эппеля, «Шимборская часто начинает стихотворение с того, на чем большинство поэтов его заканчивают — с метафоры (или с какой-нибудь важной мысли)» [Белов 2023], однако лишь затем, чтобы опровергнуть готовое суждение — хотя бы потому, что невозможно охватить все разнообразие бытия: «Не хватит губ, чтобы выговорить / преходящие имена твои, вода. // Мне пришлось бы назвать тебя на всех языках / произнеся одним махом все гласные» («Вода»).

Отсюда постоянное обращение к риторическим фигурам повторения — анафоре, разнообразным конфигурациям повторяющихся слов, корней, форм, конструкций («Предостережение», «Луковица», «В реке Гераклита», «Военный парад»). Повторение парадоксальным образом может указывать на различие: «Где

¹² Вислава Шимборская: Поэзия рождается в молчании.

Хиросима / там снова Хиросима» («Реальность требует») – город разрушенный, город возрожденный – и то, что между ними, не названное. В стихотворении «Кот в пустой квартире» при помощи переключки неточных повторов воплощается опыт трагической метаморфозы: «Ничего как будто не изменилось, / Но все словно подменили. / Ничего как будто не сдвинуто с места, / Но все не на месте». В 20 строках стихотворения «В реке Гераклита» повторенное 27 раз слово «рыба» – подменяя собой множество других – дает не лишенный комизма эффект цельности великой реки бытия: «В реке Гераклита / рыба ловит рыбу, / рыба четвертует рыбу острой рыбой, / рыба строит рыбу, рыба живет в рыбе, / рыба бежит из осажденной рыбы» (пер. С. Свяцко). В стихотворении «Одежда» использование разных форм глагола, а также параллелизма синтаксических конструкций, перечисление различных предметов одежды, возможных материалов, расцветок, узоров указывает на универсальность описываемого опыта – визита к врачу, за которым стоит знакомый каждому страх страдания и смерти. Универсальность эта подчеркивается в финале одной-единственной – по контрасту со всем предшествующим разнообразием – деталью, являющейся метонимией пока еще не прервавшейся жизни: «Снимаешь, снимаем, снимаете / плащи, пиджаки, рубашки, блузки / шерстяные, льняные, капроновые, [...] / кладем, вешаем, перебрасываем / через спинки кресел, крылья ширм; / [...] оденьтесь, придите в себя, / отдохните, поезжайте на свежий воздух, [...] покажитесь месяца через три, через год, через полтора; / видишь, а ты думал, а мы боялись, / а вы предполагали, а он подозревал; / время одеваться, дрожащими пальцами завязывать / шнуры, застегивать пуговицы и кнопки, / затягивать молнии и пояски, / и вытаскивать из рукава, из сумочки, из кармана, / весь измятый – с цветочками, / в полоску, в клетку, в горошек, шарфик – / с неожиданно продленным сроком действия» (пер. Г. Языковой).

Повторение слова «Предпочитаю» в стихотворении «Возможности» передает бесконечность заглавной (не)возможности описания конкретного «я»: «Предпочитаю кино. / Предпочитаю кошек. / Предпочитаю дубы над Вартой. / Предпочитаю Диккенса Достоевскому. / Я предпочитаю себя, когда я люблю людей, / чем себя, возлюбившую человечество. / Предпочитаю иметь наготове иглу с ниткой. / Предпочитаю не утверждать, / что во всем виноват разум. / Предпочитаю исключения – и выходить пораньше. / Предпочитаю с врачами говорить / о чём-то другом. / Предпочитаю старые штриховые иллюстрации. / [...] Предпочитаю ящики – выдвижные. / Предпочитаю множество разных вещей, / которые я не назвала, / меньшему множеству разных вещей, тоже / мною не упомянутых» (пер. Г. Ходорковского). Используется анафора и в стихотворении «Открытие», большая часть строк которого начинается со слова «верю», однако здесь повтор служит постепенному смещению перспективы и словно бы наращиванию объема лирического сюжета: «Верю в великое открытие. / Верю в человека, который совершит открытие. / Верю в опасения человека, которые совершит открытие». Бесконечен по своей сути и поразительный «психологический апокриф» [Ligeza 2002, 87] Шимборской – ни одну из причин (и даже все причины), по которым обернулась жена Лота, нельзя считать достоверной и окончательной: «Я оглянулась, говорят, из любопытства. / Но кроме любопытства возможны и еще причины. / Пожалела о серебряной миске. / По случайности – завязывая ремешок сандалии. / Оттого, что надоело глядеть в праведную спину / супруга моего, Лота. / От внезапного ощущения, что, умри я, / он даже не остановится. / Из-за послушания прислужников. [...] / Удивленная тишиной, в надежде,

что Господь раздумал. [...] / Я оглянулась, положив котомку наземь. / Оглянулась, не зная, куда идти. / На тропе моей возникли змеи, / пауки, полевые мыши и птенцы сычей. [...] Я оглянулась от одиночества. / От стыда, что потихоньку сбегая. / От желания завопить, вернуться. [...] / Я оглянулась во гневе. [...] / Я оглянулась по всем приведенным выше причинам. / Вопреки желанию. / Просто камень поворотился, рыча подо мной. / Просто расщелина отрезала дорогу. / По ее краю прохаживался хомячок на задних лапках. / И оба мы поглядели вспять...» («Лотова жена», пер. А. Эппеля).

Зачастую повторяются отрицательные конструкции, вообще очень характерные для Шимборской (как в стихотворении «О смерти без преувеличения» — смерти «не выкопать могилы, / не сколотить гроба, / не прибрать после себя» (пер. С. Свяцкого)), зачастую двойные («Избыток», «Средневековая миниатюра», «Альбом», «Под одной звездой») и отрицательные местоимения, а также другие части речи с приставкой «не-», «без-» и пр. (в том числе неологизмы — как «беспространство» в стихотворении «Ничто перелицевалось также и для меня»). Стихотворение «Вокзал» представляет собой развернутый «негативный» сюжет («Я не приехала в город N. / строго по расписанию. // Как я тебя и предупреждала / в моих неотправленных письмах» (пер. А. Эппеля)), в финале «Комнаты самоубийцы» отрицательная конструкция удваивается и отражается в слове «пустой» («Думаете, хоть что-то объяснила записка. / А если я вам скажу, что ее не нашли, — / столько было нас, друзей, а все поместились / в пустом конверте, приставленном к стакану» (пер. С. Свяцкого)). Так парадоксальным образом воплощаются одновременно возможность и невозможность любого шага и обстоятельства.

Любая ситуация — одна из возможных, любое утверждение обладает негативной парой, на бытие ложится «тень» неизбежной альтернативности: «Сколько тех, кого я знала / (если вправду я их знала) / мужчин, женщин / (если такое деленье остается в силе) / ступило за тот порог / (если это порог) / перебежало через этот мост / (если назвать это мостом) [...] // Не дано мне знать определенно / их дальнейший жребий / (если даже это общий их жребий / и еще это жребий) — // Всё / (если это слово не слишком узко) / у них позади / (если не впереди) [...] // Обречены на бесконечное / (если не иное) молчанье. / Заняты только тем / (если только тем), / к чему их принуждает отсутствие» («Элегическая арифметика», пер. Н. Астафьевой). Зачастую происходит параллельное развитие разных версий: «Существовали — не существовали. / На острове — не на острове. / Океан или не океан / поглотил их — не поглотил. [...] // Произошло или не произошло / там или в другом месте? [...] // Пороху не выдумали, нет. / Выдумали порох, да. [...] // Метеор упал. / Нет, не метеор. / Вулкан извергся. / Нет, не вулкан. // Кто-то о чем-то кричал. / Ни о чем. Никто. // На этой плюс-минус Атлантиде» («Атлантида», пер. С. Свяцкого)

Шимборская утверждает ценность этого заведомо неполного, всегда оспариваемого познания, «недоверия к любому стабилизированному миру» [Kołakowski 1989, 178], а точнее к иллюзорной точке равновесия, которой — того и гляди — готов удовлетвориться человек: «И в них самих, и вокруг них — всегда порядок. / Ко всему у них есть подход, на все у них есть ответ. / Размышляют они ровно столько, сколько следует, / и ни минуты дольше, / ибо в лишней минуте таится сомнение» («Есть те, кто», пер. Б. Косенкова). Поэт, «если он настоящий поэт, должен неустанно повторять про себя: “не знаю”». Каждым своим стихотворением он пытается что-то объяснить, но едва ставит точку, как его начинают одолевать сомнения, он начинает понимать, что объяснение это недолговечное и неисчерпывающее» [Шимборская 1997]. По

словам поэта и переводчика Станислава Бараньчака, «чаще всего не выраженный напрямую, но ощутимый жест интеллектуального сопротивления представляет собой стержень каждого стихотворения Шимборской» [Barańczak 1996, 16]. Любая истина здесь, «чтобы быть принятой, должна сначала пройти испытание смехом, иронией, сомнением» [Ligeża 2002, 85].

Весь этот опыт негативной антропологии, переживания небытия в бытии, веры в недоверие не приводят лирическую героиню ни к нигилизму, ни к менторству, скорее – к некоему смирению: «Я не выбирала, но грех жаловаться» («В переизбытке», пер. А. Эппеля). Единственный шанс несовершенного познания – короткая человеческая жизнь, дарующая возможность взгляда, прикосновения, чувства, которые – единственные – наполняют ее смыслом: «Жизнь – единственный способ, / чтобы обрастать листвой, / ловить ртом воздух на песке, взлетать на крыльях; / быть собакой / или гладить её по тёплой шерсти; / отличать боль / от всего, что не является ею; / быть в орбите событий, / теряться в пейзажах, / искать наименьшей среди ошибок. / Исключительный шанс, / чтобы хоть мгновенье помнить, / о чём беседа шла / при потушенной лампе; / и чтобы хоть раз однажды споткнуться о камень, / под дождём промокнуть, / ключи потерять в траве; / и взглядом следить за искрой при ветре; / и всегда какой-то важной вещи / не знать, не ведать» («Заметка», пер. Н. Астафьевой); «Не так много времени на всё это у меня». («Разговор с камнем», пер. О. Чепельской); «Все мое, но не надолго, / все не навсегда на память, / а мое, откуда вижу». («Дорожная элегия», пер. Н. Астафьевой); «Я здесь на минуту...» («День рождения», пер. Д. Самойлова). Единственная возможность прожить жизнь – расплатиться за нее жизнью: «Ничто не подарено, все взято взаймы. / Я по уши в долгах. / Придется / собой заплатить за себя, / за жизнь отдать жизнь» («Ничто не подарено...», пер. С. Свяцкого).

Проповедуемая Шимборской «этика индивидуальной совести» [Ligeża 2002, 25] – ощущение связи, своей части ответственности за двойственную природу человека («Похвала дурного о себе мнения»). «“Мы” в поэзии Шимборской означает нас всех, живущих на этой планете в одно и то же время, связанных одним и тем же сознанием, которое является сознанием после: после Коперника, после Ньютона, после Дарвина, после двух мировых войн, после изобретений и преступлений двадцатого века. [...] Шимборская говорит “я”, но это “я” [...] сплочено с другими “я”, переживающими подобное состояние, которое становится предметом сочувствия и сострадания» – так определяет эту перспективу Милош [Radość czytania Szymborskiej 1996, 32]. Это поэтика сдержанной, лишённой как пафоса, так и сентиментальности эмпатии. По словам С. Бальбуса, «мировоззрение Шимборской эротично в смысле космическом, древнегреческом: мир переживается посредством любви, симпатии» [Ibid., 345].

По сути – это та же чуткость ко всему существующему, что и у другого польского Нобелевского лауреата, располагающего, казалось бы, совсем другим инструментарием, романиста Ольги Токарчук. О чуткости как искусстве сопереживания, о понимании смысла и ответственности литературы как осознании и воплощении связей она неслучайно говорила также в своей Нобелевской лекции: «Творить повествование – значит бесконечно оживлять, наделять бытием все те маленькие фрагменты мира, коими являются человеческий опыт, пережитые ситуации, воспоминания. [...] Чуткость – это глубокое неравнодушие к другой сущности, к ее хрупкости, неповторимости, ее уязвимости перед страданием и действием времени. Чуткость замечает между нами связи, наши сходства, нашу идентичность. Это то качество наблюдения, которое позволяет

видеть мир живым, пульсирующим, неразделимым, таким, где все находится во взаимодействии и взаимозависимости. Литература как раз и построена на чуткости по отношению к каждому отличному от нас бытию. [...] Поэтому следовало бы вести свой рассказ [...] так, чтобы разбудить в сознании читателя ощущение целого и способность соединять фрагменты в единый узор, обнаруживать в мелких разрозненных явлениях стройные системы. Вести рассказ, невзирая на страх перед ускользающим временем и непостижимостью далеких пространств. Прясть нить повествования так, чтобы стало понятно, что все и всё заключены в единую общую картину мира, которую с каждым оборотом планеты мы заботливо рисуем в нашем сознании. [...] Я верю, что должна вести свое повествование так, как если бы мир был живым, постоянно рождающимся на наших глазах единым целым, а мы — его маленькой, но в то же время могущественной составляющей» [Tokarczuk 2020, 287–289].

Возвращаясь к замечанию Милоша, можно сказать, что связующее все элементы поэзии Шимборской иронично-удивленное смирение — и есть самое в ней личное: «Приметы мои — восторг и отчаянье» («Небо», пер. С. Свяцко-го). «Разумеется, написание стихов — это, в определенном смысле, акт эксгибиционизма. Но у меня это, скажем так, эксгибиционизм с долей самоиронии»¹³ — заметила как-то поэтесса. В самом деле, собственная позиция лирического «я» чаще всего отражается в зеркале иронии, сквозь которую тем не менее проступает отнюдь не ироническая афористичность: «Нет такой жизни, которая, пусть на мгновение, не была бы бессмертной» («О смерти без преувеличения», пер. С. Свяцкого). Именно это, вероятно, заставило Шеймуса Хини заметить: «... мне кажется, что наиболее подлинный голос, которым говорят ее стихи, это голос прорицательницы, голос Сивиллы, наиболее полным образом выражающий ее необыкновенную личность, хотя в самой Шимборской нет ничего от Сивиллы. Речь идет о том, что как поэт она говорит голосом одновременно властным и совершенно достоверным» [Heaney 1996, 9]. И «ненароком присвоенный пафос» адресатов стихотворения «Под тою же звездой» искупается не только ироническим финалом, но и простотой, повседневностью интонаций, столкновением высокого и тривиального, абстрактного и конкретного: «Прости мне, случай, что называю тебя неизбежностью. / Прости, неизбежность, если ошиблась. / Не сердись на меня, счастье, что беру тебя, как свое. [...] / Прости, старая любовь, что новую считаю первой. / Простите мне, далекие войны, что ношу домой цветы. / Простите, разверстые раны, что уколола себе палец. / Простите, взывающие из бездны, за пластинку с медузой. / Простите, люди на вокзалах, за сон в пять утра» (пер. С. Свяцкого).

Это смирение во многом порождено осознанием возможностей поэтического воображения и поэтической памяти: «И под конец еще одно чудо в придачу, / [...] То, что трудно себе представить, / Все же представить можно» («Ярмарка чудес», пер. Г. Языковой); «Я войду и выйду с пустыми руками. / А в доказательство того, что я действительно здесь была, / не представлю ничего, кроме слов, / которых никто не примет на веру» («Разговор с камнем», пер. О. Чепельской). Именно оно делает возможным то, о чем писал Бродский: «...в искусстве достижима — благодаря свойствам самого материала — та степень лиризма, физического эквивалента которому в реальном мире не существует» [Бродский 1999, 133].

¹³ Вислава Шимборская: Поэзия рождается в молчании.

«...что такое поэзия? [...] я как не знаю, так и не знаю / и держусь за незнание, как за перила» (пер. Н. Астафьевой) — декларирует Шимборская в стихотворении «Некоторые любят поэзию», однако в другом тексте она дает достаточно подробный ответ («мгновенье длится сколько пожелаю, / деля себя на маленькие вечности / приостановленных в полете пуль. / Велю — и впредь ничто не свершится. / Лист сам собой и тот не упадет»), определяя поэзию как «отмщение смертной руки» («Радость писательства», пер. А. Эппеля).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Вислава Шимборская: Поэзия рождается в молчании. Интервью К. Яновской // URL: <https://nowayapolsha.pl/article/vislava-shimborskaya-poeziya-rozhdaetsya-v-molchanii/> (дата обращения: 07.04.2023).
- KOLAŻE – wystawa prac Wisławy Szymborskiej, Jolanty Więclaw i Jakuba Elwertowskiego URL: https://csm.tarnow.pl/wydarzenie/1697_kolaze-wystawa-prac-wislawy-szymborskiej-jolanty-wieclaw-i-jakuba-elwertowskiego (дата обращения: 07.04.2023).
- The Nobel Prize in Literature 1996. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/1996/summary/> (дата обращения: 07.04.2023).
- Unpredictable Szymborska: An Interview with Michał Rusinek. URL: <https://culture.pl/en/article/unpredictable-szymborska-an-interview-with-michal-rusinek> (дата обращения: 07.04.2023).
- Wisława Szymborska. URL: http://fundacjareja.eu/wp-content/uploads/2015/11/05_A2_szymborska.pdf (дата обращения: 07.04.2023).
- Wyklejanki Szymborskiej w Gdańsku. Co mają z nimi wspólnego Woody Allen i Monty Python? URL: <https://trojmiasto.wyborcza.pl/trojmiasto/7,35612,16312059,wyklejanki-szymborskiej-w-gdansk-co-maja-z-nimi-wspolnego.html?disableRedirects=true> (дата обращения: 07.04.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов И. Международный конкурс переводов поэзии Виславы Шимборской // Новая Польша. 2016. № 3. С. 43.
- Белов И. Была между ними особая связь... Шимборская по-русски. URL: <https://culture.pl/ru/article/byla-mezhdu-nimi-osobaya-svyaz-shimborskaya-po-ruski> (дата обращения: 07.04.2023).
- Бродский И. Поэт и проза // Сочинения Иосифа Бродского. Т. VI. СПб.: Пушкинский фонд, 1999. С. 129–141.
- Бродский И. Большая книга интервью. М.: Захаров, 2000. 706 с.
- Добрицына И.А. От постмодернизма — к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 416 с.
- Шимборская В. Поэт и мир (Нобелевская лекция 1996 года. / пер. К. Старосельская // Иностранная литература. 1997. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1997/5/poet-i-mir.html> (дата обращения: 07.04.2023).
- Шербань О.В. Буквализация как источник семантического развития английских фразеологизмов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 13 (752). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bukvalizatsiya-kak-istochnik-semanticheskogo-razvitiya-anglijskih-frazeologizmov> (дата обращения: 07.04.2023).
- Baranowska M. Wisława Szymborska – poezja istnienia. URL: <https://culture.pl/pl/artikul/wislawa-szymborska-poezja-istnienia> (дата обращения: 07.04.2023).
- Barańczak S. Nie ma pytań pilniejszych od pytań naiwnych. / przeł. J. Kozak // Gazeta Wyborcza. 1996. 12–13 października. S. 16.
- Heaney S. Głos Sybilli // Tygodnik Powszechny. 1996. № 41. S. 9.
- Kasperski E. Poezja filozoficzna Szymborskiej (człowiek, byt, poznanie, etyka) // Rocznik Towarzystwa Literackiego im. A. Mickiewicza. 1996. XXXI. S. 11–26.
- Kołąkowski L. Pochwała niekonsekwencji. Pisma rozproszone z lat 1955–1968, Warszawa: Puls, 1989. Т. 2. 244 s.
- Ligeza W. O poezji Wisławy Szymborskiej. Świat w stanie korekty. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2002. 386 s.
- Miłosz Cz. O Wisławie Szymborskiej. URL: <https://www.tygodnikpowszechny.pl/czeslaw-milosz-o-wislawie-szymborskiej-140470> (дата обращения: 07.04.2023).

Radość czytania Szymborskiej. Wybór tekstów krytycznych. / oprac. S. Balbus i D. Wojda. Kraków: Znak, 1996. 381 s.

Rusinek M. O rozumieniu wyklejaneek. URL: <https://www.szymborska.org.pl/app/uploads/2020/03/Micha%C5%82-Rusinek-O-rozumieniu-wyklejaneek.pdf> (дата обращения: 07.04.2023).

Tokarczuk O. *Czuły narrator*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2020. 320 s.

Tomassucci G. «Mądre tautologie» // *Przestrzenie Teorii*. 2016. № 26. S. 269–287.

Рукопись поступила в редакцию 15.04.2023

Рукопись принята к печати 18.05.2023

REFERENCES

- Baranowska M. *Wisława Szymborska – poezja istnienia*. Available at: <https://culture.pl/pl/artukul/wislawa-szymborska-poezja-istnienia> (accessed: 07.04.2023).
- Barańczak S. Nie ma pytań pilniejszych od pytań naiwnych. Transl. J. Kozak. *Gazeta Wyborcza*, 1996, 12–13.10, p.16.
- Belov I. *Była mezhdu nimi osobaia sviaz’... Shimborskaia po-russki.*://Culture.pl.01.02.2022 Available at: <https://culture.pl/ru/article/byla-mezhdu-nimi-osobaya-svyaz-shimborskaya-po-russki> (accessed: 07.04.2023). (In Russ.)
- Belov I. Mezhdunarodnyi konkurs perevodov poezii Vislavy Shimborskoj. *Novaia Pol’sha*, 2016, no 3, p. 43.
- Brodskii I. *Poet i proza*. Sochineniia Iosifa Brodskogo, vol. VI, St. Petersburg, Pushkinskii fond, 1999, pp. 129–141. (In Russ.)
- Brodskii I. *Bol’shaia kniga interv’iu*. Moscow, Zakharov Publ., 2000, 706 p. (In Russ.)
- Dobritsyna I.A. *Ot postmodernizma – k nelineinoi arkhitekture: Arkhitektura v kontekste sovremennoi filosofii*. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2004, 416 p. (In Russ.)
- Heaney S. *Głos Sybilli*. *Tygodnik Powszechny*, 1996, no. 41, p. 9.
- Kasperski E. Poezja filozoficzna Szymborskiej (człowiek, byt, poznanie, etyka). *Rocznik Towarzystwa Literackiego im. A. Mickiewicza*, 1996, XXXI, pp. 11–26.
- Kołąkowski L. *Pochwała niekonsekwencji. Pisma rozproszone z lat 1955–1968*. Warszawa, Puls Publ., 1989, vol. 2, 244 p.
- Ligeża W. *O poezji Wisławy Szymborskiej. Świat w stanie korekty*. Kraków, Wydawnictwo Literackie Publ., 2002, 386 p.
- Miłosz Cz. *O Wisławie Szymborskiej* // *Tygodnik Powszechny*. 17.01.2011. Available at: <https://www.tygodnikpowszechny.pl/czeslaw-milosz-o-wislawie-szymborskiej-140470> (accessed: 07.04.2023).
- Radość czytania Szymborskiej. Wybór tekstów krytycznych*, ed. S. Balbus, D. Wojda. Kraków, Znak Publ., 1996, 381 p.
- Rusinek M. *O rozumieniu wyklejaneek*. Available at: <https://www.szymborska.org.pl/app/uploads/2020/03/Micha%C5%82-Rusinek-O-rozumieniu-wyklejaneek.pdf> (accessed: 07.04.2023).
- Shcherban’ O.V. Bukvalizatsiia kak istochnik semanticheskogo razvitiia angliiskikh frazeologizmov. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticeskogo universiteta. Gumanitarnyie nauki*, 2016, no. 13 (752). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/bukvalizatsiya-kak-istochnik-semanticheskogo-razvitiya-angliiskikh-frazeologizmov> (accessed 07.04.2023).
- Szymborska W. Poet i mir (Nobelevskaia leksiia 1996 goda). Transl. K. Starosel’skaia. *Inostrannaia literatura*, 1997, no. 5. Available at: <https://magazines.gorky.media/inostran/1997/5/poet-i-mir.html> (accessed: 07.04.2023).
- Tokarczuk O. *Czuły narrator*. Kraków, Wydawnictwo Literackie Publ., 2020, 320 p
- Tomassucci G. «Mądre tautologie». *Przestrzenie Teorii*, 2016, no. 26, pp. 269–287.

Received on 15.04.2023

Accepted on 18.05.2023

Информация об авторе:

Адельгейм Ирина Евгеньевна

доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник

Институт славяноведения

Российской академии наук

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-5208-0848.

E-mail: adelgejm@yandex.ru.

Information about the author:

Irina Ye. Adelgeim

DSc. (Philology), Leading Researcher
Institute of Slavic Studies,

Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5208-0848.

E-mail: adelgejm@yandex.ru

Славяноведение, 2023, № 5, с. 96–107

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 5, pp. 96–107

DOI: 10.31857/S0869544X0027867-6

Оригинальная статья / Original Article

«В утраченном раю правдоподобия»: комментарий к переводам
стихотворения Виславы Шимборской
Dworzec («Вокзал») на русский язык

© 2023 г. Е. В. Шабалина

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Российская Федерация)

shabalina99@gmail.com

Аннотация. В статье дан комментарий к нескольким переводам стихотворения Виславы Шимборской «*Dworzec*» («Вокзал»). В частности, рассматривается корректность передачи формальных и содержательных аспектов выбранного поэтического текста: прозрачный синтаксис, синтаксический параллелизм, минимум эмоционально окрашенной лексики, обилие отрицаний, тавтология, развитие метафоры вокзала. При рассмотрении русскоязычных переводов стихотворения «*Dworzec*» выявлены следующие тенденции: стремление переводчиков повысить заданный Шимборской сдержанный, отстраненный повествовательный тон; разрушение метафоры вокзала; изменение оригинального синтаксиса; повышение яркости эмоциональной окраски на лексическом и синтаксическом уровнях.

Ключевые слова: поэтический перевод, польский язык, лексика, синтаксис, лексическая сочетаемость, риторические фигуры, ирония, лирическое «я».

Ссылка для цитирования: Шабалина Е. В. «В утраченном раю правдоподобия»: комментарий к переводам стихотворения Виславы Шимборской *Dworzec* («Вокзал») на русский язык // Славяноведение. 2023. № 5. С. 96–107. DOI: 10.31857/S0869544X0027867-6

«In the Paradise Lost of Probability»¹: Commentary on Translations
of Wisława Szymborska's Poem *Dworzec*

© 2023. Ekaterina V. Shabalina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russian Federation)

shabalina99@gmail.com

¹ Перевод: Stanisław Barańczak, Clare Cavanagh [Szymborska 2015].

Abstract. The article provides a commentary on the translations of Wisława Szymborska's poem «Dworzec» («Railway Station») into Russian language. In particular, it discusses the correctness of the following aspects of its form and content in Russian translation: transparent syntax, syntactic parallelism, a minimum of emotionally-coloured vocabulary, abundance of negative forms, tautology, unfolding of the railway station metaphor. When considering the Russian translations of the poem, the following trends were revealed: the translators desire to raise the originally understated tone of Szymborska's original text; the destruction of the «railway station» metaphor (which Szymborska carried through the entire poem); changes in the original syntax; increased brightness of the emotional coloring at the lexical and syntactic levels.

Keywords: poetic translation, Polish language, vocabulary, syntax, lexical compatibility, rhetorical figures, irony, lyrical ego.

For citation: *Ekaterina V. Shabalina. «In the Paradise Lost of Probability»: Commentary on Translations of Wisława Szymborska's Poem «Dworzec» // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. № 5. P. 96–107. DOI: 10.31857/S0869544X0027867-6*

Nie miej mi za złe, mowo, że pożyczam patetycznych słów,
a potem trudu dokładam, żeby wydały się lekkie.
Wisława Szymborska
«Pod jedną gwiazdką»²

Перевод поэзии — всегда трудная, болезненная задача, всегда в той или иной мере преодоление, редукция и дополнение оригинального текста.

Поэзия Виславы Шимборской, благодаря своей нестрогой форме и универсальному словарю, обладает той феноменальной переводимостью, которая позволила ей зазвучать на множестве языков, сохранив, если не звуковой рисунок, то — смысл, мысль, ритм, музыку оригинала. Однако сохранение характерного для Шимборской равновесия между высоким и тривиальным, передача трезвой, спокойной, ироничной интонации, адекватность выверенному тончайшим образом словоупотреблению — все это становится серьезным испытанием для переводчика [Мякишев 2018; Brajerska 2012; Brajerska-Mazur 2012; Elbanowski 2016/2017; Gawronski 2023].

Есть и еще одно условие, определяющее, насколько будет принят и востребован переведенный текст. Это поэтическая традиция того языка, на который он переводится. В контексте русскоязычной поэзии аскетичные, «легкие», лишённые сложных поэтических приемов тексты Шимборской звучат непривычно [Рапопорт 2008] и разительно отличаются от того, что традиционно принято называть поэзией в русскоязычном литературном пространстве. Кажется, именно такое несоответствие представлений о «поэтическом» не сделало Шимборскую столь же популярной в России³, как она популярна, например, в Италии [Bikont A., Szczęsna 2015, с. 269–275; Gawronski 2023; Novelli 2023; Szymborska 2009]. Возможно, этим же представлением о недостаточной «поэтичности» Шимборской объясняется желание некоторых русскоязычных переводчиков скорректировать и «остихотворить» переводимые ими тексты поэта.

² Не вини меня, речь, за то, что заимствую патетические слова,
а потом тружусь, чтобы они казались легкими.

Вислава Шимборская «Под одной звездой» (перевод мой — Е.Ш.).

³ В интервью portalu culture.pl секретарь Виславы Шимборской Михал Русинек упоминает о том, что ее книги не имели большой популярности в России [Климакин 2023].

Для сравнения переводов в настоящей статье было выбрано стихотворение «*Dworzec*» («Вокзал») из сборника 1967 г. «*Sto pociech*» («Умора»). Ключевыми чертами этого текста на формальном уровне можно назвать свободный стих, разговорные интонации, аскетичный синтаксис, обилие отрицательных конструкций. На уровне содержания выделим приглушенность лирического «я» (взгляд на происходящее со стороны, позиция наблюдателя), развитие темы возможного и невозможного, случившегося и неслучившегося (упомянутые ранее отрицания конституируют параллельный мир, мир не-случившегося), парадоксальность поэтического мышления, метаязыковую рефлексию. Упомянутые черты в целом характерны для поэтического наследия Шимборской и подробно исследуются в работах: [Balbus 1996; Balcerzan 1991; Baranowska 1996; Farre 2018; García Gutiérrez 2023; Legeżyńska 1997; Ligęza 1991; Ligęza 2002; Michałowski 1996; Stanisiz-Lubowiecka 2016; Stanisiz-Lubowiecka 2017].

Приведу оригинал стихотворения⁴.

Dworzec

1. Nieprzyjazd mój do miasta N.
odbył się punktualnie.
 2. Zostałeś uprzedzony
niewysłanym listem.
 3. Zdażyłeś nie przyjść
w przewidzianej porze.
 4. Pociąg wjechał na peron trzeci.
Wysiadło dużo ludzi.
 5. Uchodził w tłumie do wyjścia
brak mojej osoby.
 6. Kilka kobiet zastąpiło mnie
pośpiesznie
w tym pośpiechu.
 7. Do jednej podbiegł
ktoś nie znany mi,
ale ona rozpoznała go
natychmiast.
 8. Oboje wymienili
nie nasz pocałunek,
podczas czego zginęła
nie moja walizka.
 9. Dworzec w mieście N.
dobrze zdał egzamin
z istnienia obiektywnego.
 10. Całość stała na swoim miejscu.
Szczegóły poruszały się
po wyznaczonych torach.
 11. Odbyło się nawet
umówione spotkanie.
 12. Poza zasięgiem
naszej obecności.
 13. W raj utraconym
prawdopodobieństwa.
 14. Gdzie indziej.
Gdzie indziej.
- Jak te słówka dźwięczą.

⁴ Здесь и далее строфы пронумерованы для удобства дальнейшего комментария.

По лексическому составу и синтаксическому устройству стихотворение на первый взгляд кажется максимально переводимым. Но и здесь есть те самые моменты обманчивой простоты и интонационные особенности, с которыми переводчику приходится работать особенно осторожно⁵.

К названным выше общим чертам этого текста добавим также несколько локальных комментариев, важных для дальнейшего размышления о переводах.

В 6-й строфе встречается тавтология: «*pośpiesznie w tym pośpiechu*». Такое словоупотребление отсылает к словосочетанию «*pociąg pośpieszny*» («скорый поезд»). Происходит закрепление и расширение метафоры вокзала, так что читатель постоянно помнит о локусе, в котором разворачивается лирический сюжет. Кроме того, проводится ироническое сравнение манеры движения женщин с движением скорого поезда.

Развитие метафоры вокзала происходит также в 10-й строфе (*Szczegóły poruszały się po wuznaczonych torach* — «Подробности двигались по обозначенным путям»). При переводе важно помнить, что речь здесь идет о железнодорожных путях и стараться сохранить лексическую связь с местом действия.

Обращает на себя внимание минимальная оценочность и эмоциональность поэтического словаря Шимборской, которая парадоксально контрастирует с содержанием — речь идет о неслучившейся романтической встрече. На весь текст приходится только три слова скромной эмоциональной окраски — *dobrze* (хорошо), *nawet* (даже), *jak* (как).

Переходя к переводам, следует оговориться, что, без претензии на всеохватность, речь пойдет только о четырех вариантах, которые будут рассмотрены ниже.

Перевод А.И. Эппеля:

Вокзал

1. Мое неприбытие в город Н.
 прошло по расписанию.
2. Ты был предупрежден
 неотправленной телеграммой.
3. Успел не явиться
 в условленное время.
4. Поезд пришел на третий путь.
 Приехало много народу.
5. В толпе направлялось к выходу
 отсутствие моей особы.
6. Несколько женщин поспешно
 заместили меня
 в этой спешке.
7. К одной подбежал некто,
 мне незнакомый,
 но она узнала его
 мгновенно.
8. Они поцеловались
 не нашим поцелуем,
 в это время украден
 был не мой чемодан.
9. Вокзал города Н.
 отлично сдал экзамен
 по объективному существованию.
10. Целое оставалось на месте.
 Частности совершались

⁵ Манера чтения Шимборской своих стихов — мерная, спокойная разговорная интонация, паузы, сопровождаемые ироничной полуулыбкой — также очень способствуют погружению в ее поэтический мир.

согласно предназначению.

11. Даже состоялась
условная встреча.

12. Увы, за пределами
нашего пребывания.

13. В потерянном раю
правдоподобия.

14. Где-то не здесь.

Где-то не здесь.

Ах, как звенят словечки.

По количеству переведенных текстов Асара Эппеля можно назвать главным переводчиком Шимборской. Сама поэтесса высоко ценила переводы Эппеля: «Он как будто сдирал кожу с моих стихов...» [Белов 2023]. Сборник стихотворений Шимборской на русском языке, вышедший в 2007 г. — также плод трудов Эппеля [Шимборская 2007]⁶.

Далее последуют фрагменты перевода, которые вызывают вопросы или нуждаются в комментариях.

1-я строфа: обращает на себя внимание неточность в лексической сочетаемости («неприбытие... прошло по расписанию»).

2-я строфа: Эппель переводит польское *list* словом «телеграмма», что на сегодняшний день звучит архаично.

4-я строфа: возможно, слово *ludzi* корректнее перевести более нейтральным «людей», что стилистически ближе к оригиналу.

5-я строфа: «отсутствие моей *osoby*⁷» (*brak mojej osoby*) — такой дословный перевод, на первый взгляд, вполне закономерен. Но далее будет рассмотрен альтернативный вариант этого фрагмента в переводе С.М. Толстой.

8-я строфа: «они *поцеловались* не нашим поцелуем» — в переводе возникает тавтология, которой в оригинале не было («*Oboje wumienili nie nasz pocałunek*») и которой можно было избежать. «Украден был не мой чемодан» («*Zginęła nie moja walizka*»): более точный перевод — «исчез».

9-я строфа: «... *отлично* сдал экзамен» — не совсем точный перевод («*dobrze zdał egzamin*»), несколько повышающий эмоциональный градус оригинала.

10-я строфа: как было отмечено выше, в этой строфе задача переводчика — сохранить метафору вокзала («*Szczegóły poruszały się po wyznaczonych torach*» — «Подобности двигались по обозначенным путям»). В переводе Эппеля, к сожалению, эта метафора разрушается («Частности совершались согласно *предназначению*»), и связь происходящего с местом действия ослабевает.

11-я строфа: перевод «*umówione spotkanie*» как «условная встреча» кажется досадной опечаткой, деформирующей смысл фрагмента (в дословном переводе — *условленная* или *назначенная* встреча).

12-я строфа: добавление междометия «увы» кажется не слишком оправданным, излишне эмоционально окрашивающим перевод. В оригинале до последней строфы сохраняется подчеркнуто сдержанная интонация. «За пределами нашего *пребывания*»: *obecność* в данном случае точнее перевести как «присутствие».

14-я строфа: переводчик снова добавляет экспрессию в финальную строфу (междометие «ах»). Кроме того, оказывается опущено указательное местоимение «эти» (*te słówka*), что значительно меняет и затрудняет понимание последней строки

⁶ Хронологически это второй сборник Шимборской в русском переводе. Первый сборник вышел в 2005 г. в переводах Святослава Свяцкого [Шимборская 2005].

⁷ Здесь и далее курсив мой — Е.Ш.

(у читателя закономерно возникает вопрос — про какие именно *словечки* говорит автор?).

Несмотря на в целом бережное обращение А.И. Эппеля с оригиналом (за исключением обозначенных выше огрехов в сочетаемости и неточности в переводе отдельных слов), чувствуется желание переводчика добавить эмоциональные акценты в этот очень выверенный, сдержанный текст.

Перевод С.М. Толстой:

Вокзал

1. Мой неприезд в город N.
состоялся точно по расписанию.
 2. Ты был предупрежден
неотправленным письмом.
 3. Ты успел не прийти
в назначенное время.
 4. Поезд прибыл на третий перрон.
Вышло много людей.
 5. В толпе, идущей к выходу,
двигалось и мое отсутствие.
 6. Несколько женщин заместили меня
поспешно
в этой спешке.
 7. К одной подбежал
кто-то, мне не знакомый,
но она узнала его
сразу же.
 8. Они обменялись
не нашим поцелуем,
в это время исчез
не мой чемодан.
 9. Вокзал в городе N.
успешно сдал экзамен
на объективное существование.
 10. Он сам стоял на месте,
а его детали двигались
по проложенным путям.
 11. Состоялась даже
условленная встреча.
 12. За пределами
нашего присутствия.
 13. В утраченном раю
правдоподобия.
 14. Где-то там.
Где-то там.
- Как эти словечки звучат.

Насколько мне известно, переводы Шимборской, выполненные С.М. Толстой, опубликованы не были. Однако при знакомстве с некоторыми из них можно увидеть и почувствовать бережную филологическую работу с текстом, попытку сохранить смыслы и интонации оригинала.

Ниже будут отмечены некоторые особо интересные моменты в этом переводе.

5-я строфа: польское *«brak mojej osoby»* переводится как «мое отсутствие», что по-русски звучит более естественно, чем «Отсутствие моей *osoby*» (см. переводы Эппеля и др.).

6-я строфа: «...поспешно в этой спешке»: С.М. Толстая сохраняет оригинальную тавтологию, но, к сожалению, при переводе нет возможности сохранить связь этой тавтологии с *porciąg pośpieszny*.

10-я строфа: Слово *całość* переводится как «он сам», что вполне объяснимо желанием переводчика сохранить смысловую связь с лирическим локусом — вокзалом. *Szczegóły* передается как «его детали» — опять же, очевидно, с целью напомнить читателю, что перед ним разворачивается метафора вокзала. В этой же строфе хочется особо отметить удачный перевод *Szczegóły poruszały się po wuznaczonej torach* — «А его детали двигались по проложенным путям». Таким образом сохраняется метафорическая целостность текста.

Перевод С.М. Толстой наиболее деликатно передает оригинальную стилистику Шимборской — без повышения эмоционального градуса текста, без искажения изначальных смыслов. Метафора вокзала бережно проводится через весь текст.

Перевод И.А. Щетникова:

Вокзал

1. Мое неприбытие в город N
Произошло точно в срок.
2. Ты был предупреждён
неотправленным письмом.
3. И не явился встретить меня
в назначенный час.
4. Поезд встал у третьей платформы.
Сошло много людей.
5. И в толпе отправилось к выходу
отсутствие моей особы.
6. Несколько женщин заменили меня
поспешно
в этой спешке.
7. К одной из них подбежал
кто-то мне неизвестный,
но она опознала его
в тот же миг.
8. Оба они обменялись
поцелуем (не нашим),
и в это мгновенье исчез
не мой чемодан.
9. Вокзал в городе N
сдал на отлично экзамен
объективного существования.
10. Все по местам.
Подробности двигались
своими путями.
11. Назначенная встреча
тоже произошла.
12. За пределами
нашей общности.
13. В утраченном раю
правдоподобия.
14. Никак иначе.
Никак иначе.
Какая сила в этих словах.

И.А. Щетников — переводчик-полиглот очень широкого спектра, в арсенале которого множество текстов — от античных математических трактатов до поэзии

битников. Помимо польского, И.А. Щетников переводит с испанского, английского, украинского, классических языков.

Вот некоторые особенности этого перевода.

1-я строфа: обращает на себя внимание погрешность в сочетаемости «Неприбытие... произошло».

3-я строфа: «и не явился встретить меня...» — при таком переводе не сохраняется парадоксальность оригинального «*zdażyłeś nie przyjąć...*»

6-я строфа: так же, как и в предыдущих переводах, тавтология («...поспешно в этой спешке») сохраняется, но не удается полностью передать ее значение.

7-я строфа: перевод «*rozpoznała*» как «опознала» в данном контексте кажется неуместным, поскольку вызывает ассоциации с ситуацией опознания покойника.

8-я строфа: не очень понятно вынесение в скобки «Оба они обменялись поцелуем (не нашим)».

9-я строфа: «сдал на отлично» — как и в переводе А.И. Эппеля, при переводе «*dobrze*» как «отлично» меняется эмоциональная окраска строфы. Кроме того, словосочетание «Экзамен объективного существования» по-русски выглядит неестественно.

10-я строфа: «Все по местам» — при таком довольно далеком от оригинала переводе опять же не сохраняется метафора вокзала.

11-я строфа: наблюдается смысловой сдвиг при переводе «*nawet*» как «тоже» вместо более точного «даже».

12-я строфа: «за пределами нашей общности» отделяется от польского «*obesności*» («присутствия»).

14-я строфа: «Никак иначе» — при таком переводе кардинально меняется смысл последней строфы (у Шимборской — «*gdzie indziej*» — «где-то не здесь» или «где-то там»). «Какая сила в этих словах»: заключительная строфа наполнена пафосом и эпичностью, которые совершенно отсутствуют в оригинале («*Jak te słówka dźwięczą*» — «Как эти словечки звенят»). Такая перемена полностью разрушает камерную, несколько отстраненную интонацию Шимборской.

В переводе И.А. Щетникова частично сохраняются оригинальные смыслы и интонации, но заключительная строфа резко меняет смысл и звучание оригинала. Кроме того, в отдельных фрагментах чувствуется желание переводчика дополнить эмоциональный фон текста.

Перевод Г.Ю. Шульпякова:

Вокзал

1. Я не приехала в город N.
строго по расписанию.
2. Как я тебя и предупреждала
в моих неотправленных письмах.
3. В общем, ты мог не приходить
в назначенное мною время.
4. Поезд подошел к третьей платформе.
Вышло много народу.
5. И мое отсутствие присоединилось
к потоку в сторону выхода в город.
6. Сразу несколько женщин бросились
чтобы занять мое место
в этой толпе.
7. Кто-то подбежал к одной из них.
Я никогда не видела его прежде.
Но она — она узнала его
сразу же.

8. И пока они целовались
чужими губами,
с перрона исчез чемодан.
Не мой чемодан.
9. И так, вокзал города N.
сдал на “отлично” экзамен
на предмет объективного бытия.
10. Целое по-прежнему было на своем месте.
Фрагменты мелькали
на обозначенных линиях.
11. Каждая встреча состоялась
тогда, когда была запланирована.
12. На недостижимом от нас
расстоянии.
13. В раю с потерянными
правдоподобием.
14. Где же еще.
Где же еще.
Как шелестят эти маленькие
словечки.

Г.Ю. Шульпяков известен прежде всего как поэт и прозаик, который, насколько известно, не занимался систематическим переводом стихов Шимборской. В таком случае можно ожидать встречу с достаточно вольным переводом и с некоторой долей соавторства и сотворчества, как часто бывает, когда поэты переводят поэтов.

Ниже будут отмечены некоторые особо заметные расхождения перевода с оригиналом.

1-я строфа: «Я не приехала...» – переводчик кардинально меняет синтаксис первой строки. В итоге резко повышается степень присутствия лирического «я».

2-я строфа: «Как я тебя и предупреждала в *моих* неотправленных письмах» – здесь наблюдается аналогичное изменение синтаксиса, за счет чего интонация становится еще более личной (местоимения «я» и «мой» в оригинале отсутствуют).

3-я строфа: «В общем, ты мог не приходиться...» – продолжается модификация ключевых смыслов стихотворения. Из строфы, переведенной таким образом, исчезает изначальный парадокс («Ты успел не прийти в назначенное время»). Далее во фрагменте «В назначенное мною время» снова встречается личное местоимение, которого нет в оригинале.

6-я строфа: «Сразу несколько женщин бросились...» – дополнение эмоционального фона оригинала. Также переводчик отказывается от авторской тавтологии («*pospiesznie w tym pośpiechu*»).

7-я строфа: «Я никогда не видела его прежде», «Но она – она узнала его сразу же» – вновь наблюдаем изменение оригинального синтаксиса. Лирическое «я», у Шимборской скромное и приглушенное, в очередной раз выводится на первый план. Усиленный акцент на «она» подчеркивает противопоставление двух героинь, которое в оригинале совсем не такое явное.

8-я строфа: «И пока они целовались чужими губами...» – вместо глагола совершенного вида, который был у Шимборской («*Oboje wymienili nie nasz pocałunek*»), выбран глагол несовершенного вида, в итоге вместо краткого приветствия получается значительный эпизод с долгим поцелуем (примечательно, что в оригинале нет слова «губы», только «поцелуй»). Строфа приобретает экспрессивную окраску, что совершенно не вписывается в изначально заданную Шимборской стилистику.

«С перрона исчез чемодан. *Не мой чемодан*» – в этом фрагменте наблюдается очередное синтаксическое изменение, направленное на подчеркивание лирического «я».

10-я строфа: «Фрагменты мелькали на обозначенных линиях» — при таком переводе опять же не сохраняется метафора вокзала.

11-я строфа: «Каждая встреча состоялась тогда, когда была запланирована» — вместо конкретной встречи героя и героини переводчик пишет о «каждой встрече» и меняет оригинальный синтаксис.

12-я строфа: «На недосыгаемом от нас расстоянии» — вновь перед нами далекий от оригинала перевод (у Шимборской дословно — «за пределами нашего присутствия»).

13-я строфа: «В раю с потерянным правдоподобием» — здесь также происходит смысловой сдвиг, причины которого не очень понятны («потерянный» в оригинале относится к «раю» — «*W raju utraconym prawdopodobieństwem*»).

14-я строфа: «Где же еще» — как и в предыдущем переводе, смысл оригинала в последней строфе меняется очень существенно (*Gdzie indziej* — дословно «Где-то там»).

«Как шелестят эти маленькие словечки»: «шелестят» — добавочная образность по сравнению с оригиналом, хотя такой выбор можно объяснить возможным желанием переводчика подобрать фонетический аналог польскому «*dźwięczą*». В словосочетании «маленькие словечки» «маленькие» — добавление переводчика.

Итак, можно заключить, что в своем переводе Г. И. Шульпяков во многом персонализует стилистику Шимборской, смело преобразуя «безличный» синтаксис в предельно личный, добавляя экспрессивную лексику и порой меняя до неузнаваемости отдельные фрагменты текста. Вполне возможно, у переводчика не было цели выполнить перевод максимально близкий к оригиналу, а скорее представить свою интерпретацию стихотворения Шимборской.

В заключительном фрагменте своей Нобелевской лекции Вислава Шимборская говорит: «...в поэзии, где взвешивается каждое слово, ничто не является обычным и нормальным. Ни один холм и ни одно облако над ним. Ни один день и ни одна наступающая за ним ночь. И главное — ничье существование на этом свете. Похоже, что у поэтов всегда будет много работы» [Шимборская 1997]. В этих словах удивительно точно и лаконично выражена суть поэтики и стилистики Шимборской — выверенная простота каждой фразы, интонации, паузы. А за этой лукавой простотой скрывается поразительно сложное, парадоксальное содержание.

Несомненно, у поэтов всегда будет много работы. Впрочем, как и у переводчиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов И. Была между ними особая связь... Шимборская по-русски // Culture.pl. 01.02.2022. URL: <https://culture.pl/ru/article/byla-mezhdu-nimi-osobaya-svyaz-shimborskaya-po-russki> (дата обращения: 30.04.2023).
- Климакин Е. Непредсказуемая Шимборская // Culture.pl. 02.07.2017. URL: <https://culture.pl/ru/article/peredskazuemaya-shimborskaya> (дата обращения: 30.04.2023).
- Мякишев В. Неразделимое творческое наследие: Стихотворения Виславы Шимборской в переводе Анны Ахматовой и Анатолия Наймана // Slavia Orientalis. 2018. № 1. С. 143–164.
- Рапопорт А. «Избранное» от избранных. Об издании избранной поэзии Виславы Шимборской // Иностранная литература. 2008. № 9. URL: noblit.ru/node/1400 (дата обращения: 23.04.2023).
- Шимборская В. Поэт и мир. Нобелевская лекция 1996 года / перевод с польского и послесловие К. Старосельской // Иностранная литература 1997. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1997/5/poet-i-mir.html> (дата обращения: 28.04.2023).
- Шимборская В. Соль. СПб.: LOGOS, 2005. 216 с.
- Шимборская В. Избранное = Wiersze wybrane / пер. А. Эппеля. М.: Текст, 2007. 304 с.
- Balbus S. Świat ze wszystkich stron świata. O Wisławie Szymborskiej. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1996. 249 s.

- Balcerzan E. W szkole świata // *Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacja*. 1991. № 4 (10). S. 30–44.
- Baranowska M. *Tak lekko było nic o tym nie wiedzieć... Szymborska i świat*. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 1996. 134 s.
- Bikont A., *Szczęśna J. Cianfrusaglie del passato. La vita di Wisława Szymborska / A cura di A. Ceccherelli*. Milano: Adelphi, 2015. 455 p.
- Brajerska A. «Filutka z filigranu», czyli o przekładzie językowego naśladownictwa z ekfrastycznych wierszy Wisławy Szymborskiej // *Pamiętnik Literacki*. 2012. № 1. S. 187–219.
- Brajerska-Mazur A. *Filutka z filigranu paraduje w cudzym losie. Wisława Szymborska w anglo-języcznym przekładzie Stanisława Barańczaka i Clare Cavanagh*. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2012. 368 s.
- Elbanowski A. «He confiado por entero en su intuición perceptiva». Los traductores de Wisława Szymborska // *Estudios Latinoamericanos*. 2016/2017. 36/37. P. 265–293.
- Farre X. Cuadros y fotografías. Sobre la poesía de Wisława Szymborska en el contexto polaco // *Turia*. 2018. P. 150–167.
- García Gutiérrez M. El plano onírico encontrado en La Estacion de Ferroviario de Wisława Szymborska. // *Academia*. URL: https://www.academia.edu/30038949/EL_PLANO_ONIRICO_EN_LA_ESTACION_DEL_FERROCARRIL_DE_WISLAWA_SZYMBORSKA (дата обращения: 02.05.2023). <https://www.academia.edu/30038949>.
- Gawronski S. Pietro Marchesani: tradurre Wisława Szymborska // *RaiCultura / Letteratura*. URL: <https://www.raicultura.it/letteratura/articoli/2019/12/Pietro-Marchesani-tradurre-Wisława-Szymborska-03be434-afca-4eaf-b698-0c6c2a759d7a.html> (дата обращения: 03.05.2023).
- Legeżyńska A. *Wisława Szymborska*. Poznań: Dom Wydawniczy Rebis, 1997. 127 s.
- Ligeza W. Marzenie o lepszym świecie // *Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacja*. 1991. № 4 (10). S. 67–78.
- Ligeza W. O poezji Wisławy Szymborskiej. Świat w stanie korekty. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2002. 386 s.
- Michałowski P. Wisławy Szymborskiej poetyka zaprzeczeń // *Pamiętnik Literacki*. 1996. № 87/2. S. 123–143.
- Novelli S. Szymborska, il “miracolo normale” delle parole // *Treccani magazine / Lingua italiana*. 16.07.2017. URL: https://www.treccani.it/magazine/lingua_italiana/articoli/percorsi/percorsi_83.html (дата обращения: 03.05.2023).
- Stanisz-Lubowiecka A. Od negacji do afirmacji. Poetyka negacji w wierszu Wisławy Szymborskiej «Widok z ziarnkiem piasku» i jego angielskim przekładzie Stanisława Barańczaka i Clare Cavanagh // *Przekładaniec*. 2016. № 32. S. 271–294.
- Stanisz-Lubowiecka A. Sztuczne raje prawdopodobieństwa. O funkcjach negocowania w wierszu pt. Dworzec Wisławy Szymborskiej i jego angielskim przekładzie autorstwa Stanisława Barańczaka i Clare Cavanagh // *Postscriptum polonistyczne*. 2017. № 1. S. 259–271.
- Szymborska W. *La gioia di scrivere: Tutte le poesie (1945–2009) / Prefazione e traduzione di Pietro Marchesani*. Milano: Adelphi, 2009. 774 p.
- Szymborska W. *Map: Collected and last poems / Translated by Stanisław Barańczak, Clare Cavanagh, edited by Clare Cavanagh*. New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2015. 447 p.

Рукопись поступила в редакцию 24.04.2023

Рукопись принята к печати 25.05.2023

REFERENCES

- Balbus S. *Świat ze wszystkich stron świata. O Wisławie Szymborskiej*. Kraków, Wydawnictwo Literackie, 1996, 249 p.
- Balcerzan E. W szkole świata. *Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacja*. 1991, no. 4 (10), pp. 30–44.
- Baranowska M. *Tak lekko było nic o tym nie wiedzieć... Szymborska i świat*. Wrocław, Wydawnictwo Dolnośląskie, 1996, 134 p.
- Belov I. Była mezhdu nimi osobaya svyaz' ... Shimborskaya po-russki. *Culture.pl*. 01.02.2022. Available at: <https://culture.pl/ru/article/byla-mezhdu-nimi-osobaya-svyaz-shimborskaya-po-russki> (accessed: 30.04.2023). (In Russ.)
- Bikont A., *Szczęśna J. Cianfrusaglie del passato. La vita di Wisława Szymborska*, a cura di A. Ceccherelli. Milano, Adelphi, 2015, 455 p.
- Brajerska A. «Filutka z filigranu», czyli o przekładzie językowego naśladownictwa z ekfrastycznych wierszy Wisławy Szymborskiej. *Pamiętnik Literacki*. 2012, no. 1, pp. 187–219.
- Brajerska-Mazur A. *Filutka z filigranu paraduje w cudzym losie. Wisława Szymborska w anglo-języcznym przekładzie Stanisława Barańczaka i Clare Cavanagh*. Lublin, Wydawnictwo KUL, 2012, 368 p.

- Elbanowski A. «He confiado por entero en su intuición perceptiva». Los traductores de Wisława Szymborska. *Estudios Latinoamericanos*. 2016/2017, 36/37, pp. 265–293.
- Farre X. Cuadros y fotografías. Sobre la poesía de Wisława Szymborska en el contexto polaco. *Turia*. 2018, pp. 150–167.
- García Gutiérrez M.M. El plano onírico encontrado en La Estación de Ferrocarril de Wisława Szymborska. *Academia*. URL: https://www.academia.edu/30038949/EL_PLANO_ONIRICO_ENCONTRADO_EN_LA_ESTACION_DEL_FERROCARRIL_DE_WISLAWA_SZYMBORSKA (accessed: 02.05.2023).
- Gawronski S. Pietro Marchesani: tradurre Wisława Szymborska. *RaiCultura / Letteratura*. URL: <https://www.raicultura.it/letteratura/articoli/2019/12/Pietro-Marchesani-tradurre-Wisława-Szymborska-03fbe434-afca-4eaf-b698-0c6c2a759d7a.html> (accessed: 03.05.2023).
- Klimakin Ye. Nepredskazuyemaya Shimborskaya. *Culture.pl*. 02.07.2017. URL: <https://culture.pl/ru/article/nepredskazuemaya-shimborskaya> (accessed: 30.04.2023). (In Russ.)
- Legeżyńska A. *Wisława Szymborska*. Poznań, Dom Wydawniczy Rebis, 1997, 127 p.
- Ligeża W. Marzenie o lepszym świecie. *Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacja*. 1991, no. 4 (10), pp. 67–78.
- Ligeża W. *O poezji Wisławy Szymborskiej. Świat w stanie korekty*. Kraków, Wydawnictwo Literackie, 2002, 386 p.
- Michałowski P. Wisławy Szymborskiej poetyka zaprzeczeń. *Pamiętnik Literacki*. 1996, no. 87/2, pp. 123–143.
- Myakishev V. Nerazdelimoye tvorcheskoye naslediyе: Stikhotvoreniya Vislavy Shimborskoy v perevode Anny Akhmatovoy i Anatoliya Naymana. *Slavia Orientalis*. 2018, no. 1, pp. 143–164. (In Russ.)
- Novelli S. Szymborska, il «miracolo normale» delle parole. *Treccani magazine, Lingua italiana*. 16.07.2017. URL: https://www.treccani.it/magazine/lingua_italiana/articoli/percorsi/percorsi_83.html (accessed: 03.05.2023).
- Rapoport A. «Izbrannoye» ot izbrannykh. Ob izdaniy izbrannoy poezii Vislavy Shimborskoy. *Inostrannaya literatura*. 2008, no. 9. URL: noblit.ru/node/1400 (accessed: 23.04.2023). (In Russ.)
- Stanisz-Lubowiecka A. Od negacji do afirmacji. Poetyka negacji w wierszu Wisławy Szymborskiej «Widok z ziarnkiem piasku» i jego angielskim przekładzie Stanisława Barańczaka i Clare Cavanagh. *Przekładaniec*, 2016, no. 32, pp. 271–294.
- Stanisz-Lubowiecka A. Sztuczne raje prawdopodobieństwa. O funkcjach negowania w wierszu pt. Dworzec Wisławy Szymborskiej i jego angielskim przekładzie autorstwa Stanisława Barańczaka i Clare Cavanagh. *Postscriptum polonistyczne*, 2017, no. 1, pp. 259–271.
- Szymborska W. *La gioia di scrivere: Tutte le poesie (1945–2009)*. Prefazione e traduzione di Pietro Marchesani. Milano, Adelphi, 2009, 774 p.
- Szymborska W. Poet i mir. Nobelevskaya lektsiya 1996 goda, perevod s pol'skogo i poslesloviye K. Starosel'skoy. *Inostrannaya literatura*. 1997, no. 5. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1997/5/poet-i-mir.html> (accessed: 28.04.2023). (In Russ.)
- Szymborska W. *Sol'*. St. Petersburg, LOGOS, 2005, 216 p.
- Szymborska W. *Izbrannoye = Wiersze wybrane*, per. A. Eppelya. Moscow, Tekst, 2007, 304 p.
- Szymborska W. *Map: Collected and last poems* / Translated by Stanisław Barańczak, Clare Cavanagh, edited by Clare Cavanagh. New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2015. 447 p.

Received on 24.04.2023

Accepted on 25.05.2023

Информация об авторе:

Шабалина Екатерина Владимировна
Кандидат филологических наук
Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина
г. Екатеринбург, Российская Федерация
ORCID: 0009-0008-2510-2835
E-mail: shabalina99@gmail.com

Information about the author:

Ekaterina V. Shabalina
Ph D. (Philology)
Ural Federal University named after the first
President of Russia B.N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russian Federation
ORCID: 0009-0008-2510-2835
E-mail: shabalina99@gmail.com

СООБЩЕНИЯ

Славяноведение, 2023, № 5, с. 108–117

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 5, pp. 108–117

DOI: 10.31857/S0869544X0027868-7

Оригинальная статья / Original Article

Новые исследования о чешской истории спорта

© 2023 г. В.В. Котов

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

vikvikkot@gmail.com

Аннотация. В сообщении рассматриваются три монографии, посвященные чешской истории спорта второй половины XIX – первой половины XX в.: «Тело в движении: перформативность сокольского движения в период формирования современной чешской нации» (2020 г.) театроведа Т. Конивковой-Фрибертовой, «Сокол Брно I 1862–1938: история элитного моравского общества» (2020 г.) историка спорта М. Страховой и «Русский спорт в Чехословакии от возникновения Первой республики до 50-х годов XX века» (2021 г.) историка-слависта П. Калеты. Результаты этих исследований позволяют определить спорт как пространство многочисленных культурных трансферов и значимый исторический фактор, оказавший заметное влияние на повседневную жизнь, политику и искусство XIX–XX вв., а спортивные структуры – как удобное «зеркало», в котором отражаются различные модернизационные изменения и смена политических режимов.

Ключевые слова: Брно, русская эмиграция, сокольское движение, социальный перформанс, Университет Масарика, чешская историография, чешский национализм.

Ссылка для цитирования: *Котов В. В.* Новые исследования о чешской истории спорта // *Славяноведение*. 2023. № 5. С. 108–117. DOI: 10.31857/S0869544X0027868-7.

New Studies on Czech Sports History

© 2023. Viktor V. Kotov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

vikvikkot@gmail.com

Abstract. The essay examines three monographies on Czech sports history in the second half of the 19th century and the first half of the 20th century: *The Moving Body: Performativity within the Sokol Movement in the Period of Formation of the Modern Czech Nation* (2020) by theatre scholar Tereza Konývková Frýbertová, *Sokol Brno I 1862–1938: History of the Elite Moravian Association* (2020) by sports historian Milena Strachová and *Russian Sporting Activities in Czechoslovakia from*

the Beginning of the First Republic until the 1950s (2021) by historian and Slavist Petr Kaleta. The results of these studies lead us to consider sport as a space of multiple cultural transfers and an important factor that influenced everyday life, politics, and art in the 19th and 20th centuries. Sports institutions as a research subject are also relevant as a kind of a mirror to different modernization processes and the changes of political regimes.

Keywords: Brno, Czech historiography, Czech nationalism, Masaryk University, Russian emigration, Sokol movement, social performance.

For citation: *Viktor V. Kotov. New Studies on Czech Sports History // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No. 5. P. 108–117. DOI: 10.31857/S0869544X0027868-7.*

В 2020–2021 гг. в издательстве Университета Масарика в Брно вышли три книги, посвященные чешской истории спорта¹ второй половины XIX – первой половины XX в.: «Тело в движении: перформативность сокольского движения в период формирования современной чешской нации» (2020) театроведа Т. Конивковой-Фрибертовой [Konůvková Frýbertová 2020], «Сокол Брно I 1862–1938: история элитного моравского общества» (2020) историка спорта М. Страховой [Strachová 2020] и «Русский спорт в Чехословакии от возникновения Первой республики до 50-х годов XX века» (2021) историка-слависта П. Калеты [Kaleta 2021]. Хотя данная тема уже давно привлекает внимание исследователей, появление этих работ представляется значимым событием в историографии. Монографии были написаны независимо друг от друга, а их авторы представляют различные гуманитарные дисциплины и научные коллективы.

Две из них рассматривают историю сокольства, в третьей работе этому движению посвящена первая из восьми глав. Сокольство являлось одним из наиболее значимых факторов чешской истории второй половины XIX – первой половины XX в. Развитие этого движения относится к числу наиболее изученных страниц чешской истории спорта [Nolte 2002; Sak 2012; Waic 2013]. Сокольские общества возникли в начале 1860-х годов и соединяли, по образцу немецких «Турнферайнов», национализм и широко понимаемую гимнастику. Постепенно они получили широчайшее распространение в так называемых чешских землях², а затем и за их пределами. В 1889 г. был основан Чешский сокольский союз, к 1906 г. объединивший все богемские, моравские и силезские организации. В 1913 г. их количество достигло 1 167, а число их членов превысило 125 000 человек (включая более 21 000 женщин)³. В 1947 г. совокупное число взрослых членов 3 366 чехословацких сокольских обществ и обучавшихся в них детей и подростков составляло около миллиона человек⁴.

Монография Т. Конивковой-Фрибертовой «Тело в движении: перформативность сокольского движения в период формирования современной чешской нации» представляет дополненную версию ее докторской диссертации, защищенной в 2018 г. на философском факультете Университета Масарика. Объектом этого исследования стали сокольские хореографические картины, трактуемые как «культурные перформансы» в понимании социолога

¹ Здесь и далее используется широкое толкование слова «спорт», не ограничивающееся соревновательными практиками.

² Во второй половине XIX в. уже не существовало особой административной связи между Богемией, Моравией и Австрийской Силезией, анахронично обозначаемых в историографии как «чешские земли».

³ Statistika České Obce Sokolské za rok 1913, 181–182.

⁴ Statistická příručka Československé republiky 1948, 125–126.

Дж. Александера, т.е. «социальные процессы, с помощью которых акторы, по одиночке или сообща, представляют другим смысл своей социальной ситуации»⁵ [Konůvková Frýbertová 2020, 11]. Эти перформансы были рассмотрены в свете конструирования и распространения чешской и вторичной сокольской идентичностей. Данный круг проблем ранее затрагивался в статьях антиковеда Э. Стегликовой (одного из преподавателей Конивковой-Фрибертовой в Университете Масарика) [Stehlíková 1985] и историка кино М. Шпанигеловой [Španihelová 2016], а также в монографии историка П. Роубала о чехословацких спартакиадах [Roubal 2016].

Книга основывается на работе с рядом давно и многократно изученных исторических источников (а именно, пражских сокольских публикаций и архивных материалов чешского Национального музея) (ср. [Jandásek 1932, 171–172; Nolte 2002, 238–239; Sak 2012, 305–309; Waic 2013, 181–189, 193–194]), которые, однако, интерпретируются по-новому: благодаря использованию подхода театроведения и других гуманитарных дисциплин акцент делается на визуальной стороне сокольской культуры, а также причинах и последствиях ее эстетической привлекательности для людей XIX–XX вв. Так, исследовательница подчеркнула значение эффектных сокольских перформансов для закрепления движения в чешской коллективной памяти, функционирование которой трактовалось исходя из идей семиотиков Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского [Лотман 1971; Konůvková Frýbertová 2020, 10–13].

После описания методологии исследования автор обратилась к работам одного из основателей сокольского движения М. Тырша, а также к восприятию чешскими «соколами»-мужчинами собственных тел, включая представления об их органическом единстве друг с другом и с «родственными» телами остальных «соплеменников» (манифестировавшиеся в том числе посредством хореографических картин), о совершенствовании этих тел с помощью гимнастических упражнений и, наконец, об особой форме, в которую они облачались [Konůvková Frýbertová 2020, 25–70].

Наибольшую значимость представляет последующий анализ двух примеров сокольских перформансов: церемонии освящения знамени «Пражского Сокола» в 1862 г., включавшей первое сокольское публичное гимнастическое выступление, и Юбилейного торжества этого общества в 1882 г., традиционно воспринимаемого как первый Всесокольский слет [Ibid., 71–102]. Данный анализ включал изучение четырех типов перформативных средств, выделенных театроведом Э. Фишер-Лихте: телесности, театрального пространства, а также звукового и временного аспектов [Фишер-Лихте 2015]. Выбор этих двух примеров представляется целесообразным, но не достаточным, поскольку так и не удалось показать динамику развития соответствующих элементов сокольской культуры: многочисленные публичные выступления «соколов», проходившие в 1860–1870-е годы⁶, а также подготовка к проведению несостоявшегося Сокольского съезда в 1868 г. (альтернатива немецким «Гурнфестам» и своего рода «нулевой» сокольский слет) обходятся автором стороной. Что касается мероприятия 1862 г., следует также отметить почти не упоминаемую предшествовавшую традицию освящения знамен местными добровольными обществами. Эта традиция во многом определила сценарий сокольского торжества, включавшего такие обязательные пункты, как передача знамени из женских рук

⁵ Перевод А.В. Резаева и Н.Д. Трегубовой [Резаев 2017, 143]. В качестве синонима социолог также использовал термин «социальный перформанс».

⁶ См.: Památník vydaný na oslavu dvacetiletého, 198.

и прикрепление его гвоздями к древку, сопровождаемое провозглашением девизов⁷. Конивкова-Фрибертова применила к освящению сокольского знамени идеи антрополога В. Тёрнера, а также его предшественника А. ван Геннепа (см. [Геннеп 1999; Тэрнер 1983]), сравнив это торжество с инициацией [Konůvková Frýbertová 2020, 83–84]. Любопытно, что ранее ее коллега З. Дуда также обратился к наследию Тёрнера, сопоставив сокольские поездки-«вылеты» с обрядами перехода [Duda 2009, 457–459].

Если празднество 1862 г. понимается Конивковой-Фрибертовой как репрезентация сокольского сообщества, то фестиваль 1882 г. – национального. В 1887 г. планировалось провести второй сокольский слет, который должен был быть приурочен к 25-летию «Пражского Сокола». Однако, столкнувшись с рядом ограничений со стороны полиции, организаторы, подобно устроителям сокольского съезда 1868 г., решили отложить мероприятие, и в итоге оно прошло в 1891 г. Начиная с третьего слета 1895 г., фестивали проводились раз в шесть лет. Эта традиция прерывалась лишь Первой и Второй мировыми, а также Холодной войнами (1895, 1901, 1907, 1912, 1920, 1926, 1932, 1938, 1948, 1994, 2000, 2006, 2012, 2018 гг.)⁸. Следующий XVII слет намечен на июнь–июль 2024 г.

Монография Конивковой-Фрибертовой завершается кратким обращением к слетам первой половины XX в. и в первую очередь – к фестивалю 1912 г., на котором была представлена хореографическая картина, изображавшая битву при Марафоне в 490 г. до н.э. [Konůvková Frýbertová 2020, 103–112]. Эта картина также понимается историком как репрезентация сокольского и всего чешского национального сообщества и связывается с тем значением, которое придавали чешские гимнасты античному наследию и идее защиты родины с оружием в руках [Ibid., 103–112].

Книга содержит отдельные дискуссионные положения. Так, более чем спорным представляется определение гимназии пражского района Мала-страна, которую М. Тырш посещал в 1840-е годы, как чешской [Ibid., 27] (см. [Sak 2012, 19]), а также тезис о сдержанном отношении Тырша к образу гуситов [Konůvková Frýbertová 2020, 35]. Кроме того, старт почитания «соколами» Яна Гуса неверно датирован началом XX в. [Ibid., 54] (см. [Котов 2019]). Требуется дополнительное обоснование утверждение о различиях между «яростными» немецкими и «гармоничными» ненаступательными чешскими националистическими представлениями о мужских добродетелях [Konůvková Frýbertová 2020, 41, 69]. Последнее положение схоже с тезисом исследовательницы М. Шпанигеловой о различии между «агрессивными» турнирскими и «конструктивными» сокольскими занятиями по военной подготовке [Španihelová 2016, 33].

Также в работе Конивковой-Фрибертовой встречаются неточные сведения. Так, в 1858 г., когда М. Тырш мог выступить в качестве натурщика для художника Й. Манеса, сокольское движение еще не возникло [Konůvková Frýbertová 2020, 64]. Необходимо отметить, что первыми должностями Тырша в «Пражском Соколе» были позиции заместителя старосты, заведующего хозяйством и рядового гимнастического инструктора, а не секретаря [Ibid., 32]⁹. Начало основной части его методических «Основ гимнастики» было опубликовано в 1868 г.¹⁰ и, соответственно, было написано не позднее этого времени, а не в 1873 г. [Ibid., 40]. Первый сокольский альманах носил название

⁷ Ср.: Z Kutné Hory, 3; Z Prostějova 18. října, 680–681.

⁸ Исключением был слет 1912 г.

⁹ Тырш М. Statisticko-historický přehled jednot, 37.

¹⁰ Tyršův tělocvik s ilustracemi!, 2.

«Статистическо-исторический...» (1866 г.), а не «Историко-статистический обзор...» [Ibid., 56, 119] (ср. [Ibid., 81])¹¹. Тырш был избран в Рейхсрат в 1873 г., а не в конце 1860-х годов. [Ibid., 33] (см. [Jandásek 1932, 93]). Данная неточность также встречается в других публикациях о сокольском движении [Waic 2013, 51]¹². Наконец, создание журнала «*Sokol*» («Сокол») в январе 1871 г. не было реакцией на кризис в сокольском движении, так как последний начался лишь после провала «Фундаментальных статей», т.е. проекта австро-богемского соглашения, в октябре того же года. [Konůvková Frýbertová 2020, 85].

В 2020 г. также была опубликована монография М. Страховой «Сокол Брно I 1862–1938: история элитного моравского общества» [Strachová 2020]. В следующем году она была защищена в рамках процедуры хабилизации¹³ на педагогическом факультете Университета Масарика. В книге рассматривается история чешского «Гимнастического общества в Брно», действовавшего в 1862 (1864)–1867 гг., и значительная часть истории местного общества «Сокол». Последнее существовало в 1868–1877, 1878–1941 гг. (в 1878–1882 гг. под названием «Чешское гимнастическое общество»), а также в послевоенный период, и возобновило свою деятельность в 1990 г. Цифра I в названии издания связана с произошедшим в 1907 г. переименованием чешского гимнастического общества «Тырш» (возникшего в 1892 г.) в «Сокол Брно II»¹⁴. Использование обозначения «Сокол Брно I» применительно ко всему рассматриваемому периоду представляется анахроничным. Также следует отметить, что определение этого общества как «элитного» противоречит эгалитаризму сокольской идеологии: М. Страхова могла иметь в виду масштаб влияния общества среди моравских сокольских обществ и в рамках Чешского (Чехословацкого) сокольского союза, а также спортивные успехи его членов в межвоенный период.

Данное исследование является первой чешской объемной научной работой об отдельном сокольском обществе на современном этапе исследования этой тематики. Историк задействовала фонд «Сокола» в Брно, хранящийся в местном Моравском земельном архиве, а также подобный фонд из Архива города Брно¹⁵. Кроме того, исследовательница привлекла ряд других архивных и опубликованных источников. В состав работы был включен обзор историографии сокольского движения, имеющей прагоцентричный характер [Strachová 2020, 8–9].

Структура основной части работы представляется произвольной: события 1862–1870 гг. рассматриваются в параграфе «Зарождение брновского Сокола...» [Ibid., 18–35] главы «Австрийская монархия после 1848 г.», тогда как следующим трем десятилетиям посвящена глава «Прекрасная эпоха» [Ibid., 36–60]. Выбор 1870 г. как рубежного не связан с какими-либо значимыми внутренними или внешними событиями. Отдельные главы были посвящены началу XX в. [Ibid., 61–82] и периоду первой Чехословацкой республики [Ibid., 83–107]. Значительное внимание в работе уделяется женскому вопросу [Ibid., 28–29, 66–70, 81–82, 106–107], церемонии освящения знамени общества в мае 1871 г. [Ibid., 41–44], сокольскому слету в Брно в июне-июле 1914 г. [Ibid., S. 71–79] и возведению масштабного сокольского комплекса, включавшего стадион,

¹¹ Тырш М. Statisticko-historický přehled jednot.

¹² Ср.: Památník vydaný na oslavu dvacetiletého, 22.

¹³ Т.е. присвоения звания доцента.

¹⁴ Sokolská jednota «Тырш», 2.

¹⁵ Здесь и далее слово «земельный» используется в значении «относящийся к одной из австрийских коронных земель (территориально-административных единиц верхнего уровня в составе монархии Габсбургов)». Название чешского архива имеет исторический характер.

другие спортивные сооружения и иные объекты [Ibid., 92–96, 98–101]. Изложение доводится до участия моравских «соколов» в последнем межвоенном слете в Праге в 1938 г.

Также работа включает главу о повседневной жизни членов «Сокола» Брно [Ibid., 108–121], краткий биографический словарь [Ibid., 122–145], статистические данные [Ibid., 145–154], приложения (в основном – иллюстрации) [Ibid., 159–172], список общих собраний членов изучаемых обществ и их руководителей, а также компакт-диск с перечислением различных второстепенных административных работников и гимнастических инструкторов.

В состав приложений входит текст устава «Гимнастического общества в Брно» от 1862 г. [Ibid., 159–160]. Согласно известным источникам, политик Я. Гелцелет подал данный текст на рассмотрение моравского наместничества 21 января 1862 г., при этом в качестве названия организации было указано «Моравское гимнастическое общество»¹⁶. Страхова утверждает, что текст устава был готов только 1 февраля 1862 г., а подан на утверждение в наместничество – 1 марта. Указание на 21 января якобы являлось отсылкой ко дню смерти писательницы Б. Немцовой [Ibid., 20]. Также исследовательница отметила, что в ходе доработки устава название организации было изменено на «Гимнастическое общество в Брно» [Ibid., 22]. Следует отметить, что в одной из наиболее авторитетных работ о сокольском движении, монографии американского историка К. Нолти ««Сокол» в чешских землях до 1914 г.: Подготовка нации» (2002), эта организация ошибочно обозначается как «Моравское гимнастическое общество» [Nolte 2002, 71, 88].

В книге «Сокол Брно I...» также содержатся отдельные неточные или ошибочные сведения и дискуссионные утверждения. Так, в 1850-е годы моравским наместником был Леопольд, а не Алоис Лажанский [Strachová 2020, 11]. Вслед за историком М. Вайцем, М. Страхова ошибочно утверждает, что Я. Малипетр получил должность богемского земельного преподавателя гимнастики в 1849, а не 1856 г. [Ibid., 15; Waic 2013, 16]. Также следует отметить, что в примечаниях перепутаны периоды, в которые политики К. Эльвер и А. Скене занимали пост бургомистра Брно [Strachová 2020, 16]. Зал на улице Цейл не был первым местом проведения занятий общества «Турнферайн» в Брно – это помещение использовалось турнирами с декабря 1862, а не 1861 г. [Ibid., 18]¹⁷. Упоминая о роспуске «Гимнастического общества в Брно», автор, вероятно, ошибочно смешивает сессии общего собрания членов, прошедшие 20 января и 17 февраля 1867 г. [Ibid., 28]. «Гимнастическое общество пражских дам и барышень» возникло не 15, а 21 ноября 1869 г., когда состоялось его учредительное собрание [Ibid., 29]. Автором статьи «О школьной гимнастике...» в журнале «Sokol» был инструктор В. Курц, а не М. Тырш [Ibid., 35]¹⁸. Священник Ф. Сушил не присутствовал на освящении знамени «Сокола» Брно в 1871 г., так как умер в 1868 г. [Ibid., 43–44]. Наконец, вопросы вызывает пространная цитата из антисемитского трактата, прокомментированная фразой, что с этим «мнением [...] можно согласиться или поспорить» [Ibid., 105].

Особый интерес для российского читателя представляет книга «Русский спорт в Чехословакии от возникновения Первой республики до 50-х годов XX века» (2021) П. Калеты, посвященная эмигрантам первой волны, покинувшим Российскую империю и образовавшие на ее территории государства

¹⁶ Památník vydaný na oslavu dvacetiletého, 266.

¹⁷ Locales und Provinzielles, 2237.

¹⁸ Kurz V. O tělocviku školním..., 7–8.

в ходе Первой мировой и Гражданской войн¹⁹. Определение «русский» носит условный характер, что связано как с отсутствием понятия «российский» в чешском языке, так и с позицией автора, ориентировавшегося на терминологию чехословацких документов [Kaleta 2021, 8]. Историк использовал ряд архивных фондов, хранящихся в Праге, Брно, Опаве и других чешских и словацких городах, а также материалы чехословацкой прессы изучаемого периода. Как уже было упомянуто выше, первая глава монографии посвящена сокольству [Ibid., 18–32]. Ее первая часть затрагивает распространение движения в Российской империи (включая деятельность основанного в 1910 г. Союза Русского Сокольства и чешских преподавателей гимнастики в различных российских учебных заведениях), а вторая – в межвоенной Чехословакии (включая деятельность Союза Русского Сокольства за границей (1923 г.) и его первого главы Д.Н. Вергуна, а также трения между русскими «соколами», жившими в Чехословакии и Югославии). Следует отметить, что в этой главе не упоминается посвященная данной тематике статья историка Й. Вацека [Vacek 1995] и не используется фонд «Краевого союза русского сокольства в Чехословакии» и другие материалы документального отдела Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге, хранящиеся в настоящий момент в Государственном архиве Российской Федерации в Москве²⁰.

Следующие главы посвящены соревновательным спортивным дисциплинам. Основное содержание каждой из них составляют очерки о конкретных организациях и спортсменах: в главе о футболе рассмотрена история пражского футбольного клуба «Русь» (1921 г.) и биографии футболистов В.Е. Балдина, М.А. Калякина и Ц.Н. Чанчинова, уроженцев Одессы, Кронштадта и Денисовки (Воронежская губерния) соответственно [Kaleta 2021, 33–62], в главе о шахматах – история пражских шахматных клубов «Алехин» (1922 г., названного в честь А.А. Алехина) и «Русский шахматный клуб» (1929 г.), а также биографии шахматистов Е.Ф. Максимовича, Г(Й).Я. Подгорного и М. Катетова, родившихся соответственно в Курске, Ревеле (Таллине) и Чембаре (Белинском) [Ibid., 63–96], в главе о боксе – биография боксера И.А. Одинцова, место рождения которого не было точно установлено [Ibid., 97–107], в главе о теннисе – история Русского Лаун-Теннис Клуба в Праге (1922/1930 г.) и биография теннисиста В.М. Шмидовича, уроженца Харькова [Ibid., 108–115], в главе о конном спорте – биография жокея В.А. Геймовского, родившегося в Шавли (Шауляе) [Ibid., 116–151], и, наконец, в главе о парусном спорте – биографии яхтсменов Б.А. Железняк и А.А. Медведева, уроженцев Вильны (Вильнюса) и Актюбинска (Актобе) соответственно [Ibid., 152–174].

Помимо спортивных достижений русских эмигрантов, П. Калета изучил обстоятельства их переезда в Чехословакию и профессиональную карьеру. Так как спорт длительное время носил преимущественно любительский характер, В.Е. Балдин работал артистом балета в Национальном театре в Праге, Е.Ф. Максимович был сотрудником РЗИА, а В.А. Геймовский служил в чехословацкой армии [Ibid., 42, 76, 134–135]. Историк также исследовал политическую деятельность Геймовского, одного из лидеров молодежной организации «Витязь» [Ibid., 143–151]. На этом и других примерах в работе описывается конец истории масштабной русской диаспоры в Чехословакии в 1940-е годы.

¹⁹ Об историографии данной темы см. [Серапионова 2009, 188–190].

²⁰ Об истории и значении РЗИА см. [Серапионова 2011].

В последней главе, посвященной хоккею, затрагиваются биографии спортсменов, родившихся уже в межвоенной Чехословакии — хоккеистов В.К. Кобранова, В.О. Забродского (также успешный теннисист) и его брата О.О. Забродского [Ibid., 175–225]. Их основные спортивные успехи пришлось на послевоенный период: победы в чемпионатах Чехословакии, серебряные медали Олимпийских игр 1948 г. и золотые — чемпионатов мира 1947 и 1949 г. (не в полном составе). Биографии Кобранова и Забродских могут служить своеобразной параллелью случая З. Зикмунда, успешного московского хоккеиста и теннисиста — сына А. Зикмунда, чешского «сокола», сыгравшего важную роль в создании советской физкультуры [Borák 2013, 74]. Хотя впоследствии призеры Игр в Санкт-Морице эмигрировали из Чехословакии, в стране осталась часть других вышеупомянутых спортсменов, например, М. Катетов, преподававший математику в Карловом Университете [Kaleta 2021, 93–96].

В завершение необходимо отметить, что все три разбираемые здесь книги снабжены иллюстрациями и содержат английские аннотации, а последняя из них — также русскую.

В целом, несмотря на методологические различия, работы Т. Конивковой-Фрибертовой, М. Страховой и П. Калеты подтверждают, что спорт являлся пространством особо многочисленных культурных трансферов и значимым историческим фактором, оказавшим заметное влияние не только на повседневную жизнь, но также на политику и искусство XIX–XXI вв. Кроме того, данные исследования показывают, что спортивные структуры могут выступать для ученых в качестве своего рода «зеркала», в котором отражаются различные модернизационные изменения и смена политических режимов.

Появление в течение двух лет нескольких научных монографий по истории современного спорта, опубликованных в издательстве одного из главных чешских университетов, представляется ещё одним шагом на пути превращения данной темы, изначально привлекавшей в первую очередь историков-любителей, в «легитимный» объект академических междисциплинарных исследований. Дальнейшим следствием развития этого процесса может стать возникновение соответствующих чешских научных центров, не связанных с подготовкой спортивных специалистов и педагогов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Kurz V.* O tělocviku školním a čím se od spolkového liší // Sokol. 1871. № 1. S. 7–8.
Locales und Provinzielles // Brüner Zeitung. 30.11.1862. S. 2237.
Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského / ed. J. Müller a F. Tallowitz. Praha: Sokol Pražský, 1883. 340 s.
Sokolská jednota «Tyrš» // Moravská orlice. 7.2.1907. S. 2.
Statistika České Obce Sokolské za rok 1913 // Sokol. 1915. № 9–10. S. 180–183.
Statistická příručka Československé republiky 1948. Praha: Státní úřad statistický, 1948. 145 s.
Tyrš M. Statisticko-historický přehled jednot Sokolských pro rok 1865. Praha: Miroslav Tyrš, 1866. 144 s.
Tyršův tělocvik s ilustracemi! // Národní noviny. 27.7.1868. S. 2.
Z Kutné Hory // Národní listy. 28.12.1861. S. 3.
Z Prostějova 18. října // Národní noviny. 31.10.1848. S. 680–681.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Геннеп А. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
Котов В.В. Ян Гус, гуситы и «соколы»: инструментализация событий XV века чешскими националистами и отзвуки их акций в Российской империи (1862–1916) // Vox medii aevi. 2019. № 2.

- С. 102–126. URL: <http://voxmehiaevi.com/volumens/2019–2/2019–2-kotov> (дата обращения: 17.12.2022).
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам V / отв. ред. Ю. М. Лотман. Тарту: Тартуский государственный университет, 1971. С. 144–166.
- Резаев А., Трегубова Н. Социология общения в поле социальных наук // Социологическое обозрение. 2017. № 2. С. 133–162.
- Серапионова Е. П. Русские в Чехословакии в 1920–1930-е гг. (Проблема сохранения национальной идентичности) // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.) / отв. ред. Т. А. Покивайлова. М.: Индик, 2009. С. 188–206.
- Серапионова Е. П. Русский заграничный исторический архив как хранитель национального наследия // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия / отв. ред. Т. А. Покивайлова. СПб.: Алетейя, 2011. С. 325–338.
- Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 277 с.
- Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности. М.: Международное театральное агентство «Play&Play» – Издательство «Канон+», 2015. 376 с.
- Borák M. *Moskevská pohřebiště: Češi a českoslovenští občané popravení v Moskvě v letech 1922–1953*. Opava: Slezská univerzita v Opavě, 2013. 275 s.
- Duda Z. Zábavná vlastenecká pouť s hudbou a cvičením těla za vedra, deště i větru aneb «sokolové na výletě» // *Čas zdravého ducha v zdravém těle: kapitoly z kulturních dějin přelomu 19. a 20. století* / ed. D. Blümllová, P. Kubát. České Budějovice: Jihočeské muzeum v Českých Budějovicích, 2009. S. 455–471.
- Jandásek L. *Život Dr. Miroslava Tyrše*. Brno: Moravský legionář, 1932. 174 s.
- Kaleta P. *Ruský sport v Československu od počátku první republiky do padesátých let 20. století*. Brno: Masarykova univerzita, 2021. 277 s.
- Konývková Frýbertová T. *Performativita sokolského hnutí v období formování moderního českého národa*. Brno: Masarykova univerzita, 2020. 126 s.
- Nolte C. E. *The Sokol in the Czech lands to 1914: Training for the Nation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. 258 p.
- Roubal P. *Československé spartakiády*. Praha: Academia, 2016. 405 s.
- Sak R. *Miroslav Tyrš: Sokol, myslitel, výtvarný kritik*. Praha: Vyšehrad, 2012. 336 s.
- Stehlíková E. *Obřadní a divadelní prvky v sokolském hnutí // Divadlo v české kultuře 19. století: sborník symposia v Plzni 10.–12. března 1983*. Praha: Národní galerie v Praze, 1985. S. 161–166.
- Strachová M. *Sokol Brno I, 1862–1938: dějiny elitní moravské jednoty*. Brno: Masarykova univerzita, 2020. 183 s.
- Španihelová M. *Tělocvičný spolek Sokol a otázka modelace české národní identity // Vektory kulturního vývoje: Identity, utopie, hrdinové* / ed. P. A. Bílek, M. Procházka, J. Wiendl. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 2016. S. 29–42.
- Vacek J. *Ruský a ukrajinský Sokol v Československu // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945. Sborník studií. Sv. 3* / ed. V. Veber. Praha: Seminář pro dějiny východní Evropy při ÚSD FF UK, 1995. S. 42–52.
- Waic M. *Tělovýchova a sport ve službách české národní emancipace*. Praha: Karolinum, 2013. 211 s.

Рукопись поступила в редакцию 08.04.2023

Рукопись принята к печати 15.05.2023

REFERENCES

- Borák M. *Moskevská pohřebiště: Češi a českoslovenští občané popravení v Moskvě v letech 1922–1953*. Opava, Silesian Univ. Publ., 2013, 275 p. (In Czech)
- Duda Z. *Zábavná vlastenecká pouť s hudbou a cvičením těla za vedra, deště i větru aneb «sokolové na výletě». Čas zdravého ducha v zdravém těle: kapitoly z kulturních dějin přelomu 19. a 20. století*, eds. D. Blümllová, P. Kubát, České Budějovice, Jihočeské muzeum v Českých Budějovicích Publ., 2009, pp. 455–471. (In Czech)
- Fischer-Lichte E. *Ästhetik des Performativen*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 2004, 378 p. (in German) (Russ. ed. Fisher-Likhte E. *Estetika performativnosti*. Moscow, Mezhdunarodnoje teatral'noje agentstvo «Play&Play» Publ. and «Kanon+» Publ., 2015, 376 p.) (In Russ.)

- Gennep A. *Obriady perekhoda: Sistematicheskoe izuchenije obriadov*. Moscow, Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literature» RAS Publ., 1999, 198 p. (In Russ.)
- Jandásek L. *Život Dr. Miroslava Tyrše*. Brno, Moravský legionář Publ, 1932, 174 p. (In Czech)
- Kaleta P. *Ruský sport v Československu od počátku první republiky do padesátých let 20. století*. Brno, Masaryk Univ. Publ., 2021, 277 p. (In Czech)
- Konývková Frýbertová T. *Performativita sokolského hnutí v období formování moderního českého národa*. Brno, Masaryk Univ. Publ., 2020, 126 p. (In Czech)
- Kotov V.V. Ian Gus, gusity i «sokoly»: instrumentalizatsiia sobytii XV veka cheshskimi natsionalistami i otzvuki ikh aktsii v Rossiiskoi imperii (1862–1916). *Vox medii aevi*, 2019, no. 2, pp. 102–126. Available at: <http://voxmediaaevi.com/volumens/2019-2/2019-2-kotov> (accessed 17.12.2022) (In Russ.)
- Lotman Iu.M., Uspenskii B.A. O semioticheskom mekhanizme kul'tury. *Trudy po znakovym sistemam V*, ed. Iu.M. Lotman, Tartu, Tartu St. Univ. Publ., 1971, pp. 144–166. (In Russ.)
- Nolte C.E. *The Sokol in the Czech lands to 1914: Training for the Nation*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2002, 258 p.
- Rezajev A., Tregubova N. Sotsiologija obshcheniia v pole sotsial'nykh nauk. *Sotsiologicheskoe obozrenije*, 2017, no. 2, pp. 133–162. (In Russ.)
- Roubal P. *Československé spartakiády*. Praha, Academia Publ., 2016, 405 p. (In Czech)
- Sak R. *Miroslav Tyrš: Sokol, myslitel, vývarný kritik*. Praha, Vyšehrad Publ., 2012, 336 p. (In Czech)
- Serapionova Je. P. Russkije v Chekhoslovakii v 1920–1930-je gg. (Problema sokhraneniia natsional'noi identichnosti). *V poiskakh luchshei doli. Rossiiskaia emigratsiia v stranakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Jevropy (vtoraia polovina XIX – pervaja polovina XX v.)*, ed. T.A. Pokivailova, Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 188–206. (In Russ.)
- Serapionova Je. P. Russkii zagranichnyi istoricheskii arkhiv kak khranitel' natsional'nogo naslediia. *Migratsiia i emigratsiia v stranakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Jevropy v XVIII–XX vv. Sokhraneniije natsional'noi identichnosti i istoriko-kul'turnogo naslediia*, ed. T.A. Pokivailova, St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2011, pp. 325–338. (In Russ.)
- Stehlíková E. Obřadní a divadelní prvky v sokolském hnutí. *Divadlo v české kultuře 19. století: sborník symposia v Plzni 10.–12. března 1983*, Praha, National Gallery Prague Publ., 1985, pp. 161–166. (In Czech)
- Strachová M. *Sokol Brno I, 1862–1938: dějiny elitní moravské jednoty*. Brno, Masaryk Univ. Publ., 2020, 183 p. (In Czech)
- Španihelová M. Tělocvičný spolek Sokol a otázka modelace české národní identity. *Vektory kulturního vývoje: Identity, utopie, hrdinové*, eds. P.A. Bílek, M. Procházka, J. Wiendl, Praha, Faculty of Arts – Charles Univ. Publ., 2016, pp. 29–42. (In Czech)
- Terner V. *Simvol i ritual*. Moscow, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka», 1983, 277 p. (In Russ.)
- Vacek J. Ruský a ukrajinský Sokol v Československu. *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945. Sborník studií. Sv. 3*, eds. V. Veber, Praha, Seminář pro dějiny východní Evropy při ÚSD FF UK Publ., 1995, pp. 42–52. (In Czech)
- Waic M. *Tělovýchova a sport ve službách české národní emancipace*. Praha, Karolinum Publ., 2013, 211 p. (In Czech)

Received on 08.04.2023

Accepted on 15.05.2023

Информация об авторе:

Котов Виктор Викторович
младший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-4262-3129
E-mail: vikvikkot@gmail.com

Information about the author:

Viktor V. Kotov
Junior Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-4262-3129
E-mail: vikvikkot@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Славяноведение, 2023, № 5, с. 118–129

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 5, pp. 118–129

DOI: 10.31857/S0869544X0027869-8

Оригинальная статья / Original Article

Дружба и научное сотрудничество А.Н. Пыпина и П.А. Ровинского (по материалам личной переписки)

© 2023 г. В.Б. Хлебникова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

istfilos@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается содержание личной переписки двух известных ученых второй половины XIX – начала XX в. А.Н. Пыпина и П.А. Ровинского, хранящейся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Письма, которыми близкие друзья и коллеги обменивались в течение нескольких десятилетий, содержат важные сведения биографического характера и проливают свет на разностороннее профессиональное сотрудничество ученых. Несомненно, эти письма являются ценным источником для изучения истории русской славистики в целом и научного наследия П.А. Ровинского и А.Н. Пыпина в частности.

Ключевые слова: история российского славяноведения, творческое взаимодействие ученых, личный архив А.Н. Пыпина, письма П.А. Ровинского.

Ссылка для цитирования: *Хлебникова В.Б. Дружба и научное сотрудничество А.Н. Пыпина и П.А. Ровинского (по материалам личной переписки) // Славяноведение. 2023. № 5. С. 118–129. DOI: 10.31857/S0869544X0027869-8*

Friendship and Scientific Cooperation Between A.N. Pypin and P.A. Rovinsky (Based on Personal Correspondence)

© 2023. Varvara B. Khlebnikova

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

istfilos@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the content of the personal correspondence of A.N. Pypin and P.A. Rovinsky, two famous scientists of the second half of the 19th – early 20th centuries. These letters are stored in the Department of Manuscripts of the Russian National Library. The messages exchanged over several decades between close friends and colleagues contain important biographical information and shed light on the professional collaboration of the two scholars. Undoubtedly, these letters are a valuable source for studying the history of Russian Slavic studies in general and the scientific heritage of P.A. Rovinsky and A.N. Pypin in particular.

Keywords: history of Russian Slavic studies, creative interaction of scientists, personal archive of A.N. Pypin, letters of P.A. Rovinsky.

For citation: *Varvara B. Khlebnikova. Friendship and Scientific Cooperation Between A.N. Pypin and P.A. Rovinsky (Based on Personal Correspondence) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No. 5. P. 118–129. DOI: 10.31857/S0869544X0027869-8*

Жизнь и деятельность двух ярких ученых второй половины XIX — начала XX в. — Александра Николаевича Пыпина и Павла Аполлоновича Ровинского — обстоятельно изучены современными авторами. Но биография и научное наследие каждого из них рассматривалось по отдельности. В исторических исследованиях их судьбы почти не соприкасаются, тогда как в жизни они были очень близкими друзьями и соратниками, оказывали друг другу неоценимую помощь в сложных ситуациях и оставались верны своей дружбе до самой смерти. Сохранившиеся в отечественных архивах материалы содержат важную и интересную информацию о личных связях и профессиональных контактах А.Н. Пыпина и П.А. Ровинского. Она проливает свет на такой актуальный для всех эпох вопрос, как научная этика, корпоративная солидарность и взаимопомощь. Гуманитарии рубежа XIX–XX вв., как и наши современники, сталкивались с испытаниями, неудачами, денежными затруднениями, оказывались в немилости у начальства. И поддержка друзей зачастую была надежной гарантией того, что в даже неблагоприятных обстоятельствах все-таки можно было достичь значительных творческих успехов. Рассказать о сотрудничестве А.Н. Пыпина и П.А. Ровинского позволяет сохранившаяся в архивах переписка, продолжавшаяся несколько десятилетий, но до сих пор не введенная историками в научный оборот в полной мере.

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга (далее ОР РНБ) хранится архив А.Н. Пыпина (Ф. 621). Он поступил в библиотеку в 1920 г. Дочь А.Н. Пыпина, В.А. Ляцкая, согласилась продать его и составила первую подробную аннотированную опись собранных отцом документов. В 1943–1944 гг. невестка (жена сына Николая) подарила библиотеке часть бумаг ученого, еще остававшуюся в семье. Сотрудники отдела рукописей РНБ завершили обработку этих материалов в 1958 г. Фонд содержит самые разные документы, значительную его часть составляет переписка А.Н. Пыпина с коллегами, издателями, друзьями и членами семьи. Несколько папок заслуживают особого внимания: дела 722–725 — письма П.А. Ровинского, дело 895 — послания В.К. Томашевского, поверенного в делах П.А. Ровинского, опекавшего детей слависта после его отъезда на Балканы в 1879 г. Хронологические границы этой переписки — конец 60-х годов XIX в. — 1904 (год смерти А.Н. Пыпина). Сохранились 94 письма П.А. Ровинского и 15 писем В.К. Томашевского, около 300 листов рукописного текста. Почерк П.А. Ровинского прочесть очень трудно, особенно неразборчиво славист писал в старости. Может быть, поэтому содержание переписки двух ученых пока мало кому известно. Кроме материалов отдела рукописей РНБ, в статье использованы документы П.А. Ровинского, которые хранятся в отделении Российской академии наук ИРЛИ (Пушкинский дом)¹. Там есть и воспоминания детей А.Н. Пыпина Веры и Николая² о дружбе ученых. Перечисленные источники — это только

¹ Далее по тексту: ИРЛИ (Пушкинский дом).

² ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 163. Оп. 4. Д. 20.

часть документов, имеющих в отечественных архивах и проливающих свет на деятельность и сотрудничество двух известных исследователей.

К сожалению, не сохранились письма А. Н. Пыпина к П. А. Ровинскому, вероятно потому, что славист много путешествовал. Он часто оказывался в очень стесненных обстоятельствах и, видимо, не смог сберечь обширную переписку со своими многочисленными корреспондентами. Зато А. Н. Пыпин бережно хранил письма друга, и по их содержанию ясно видно, какие темы обсуждались. П. А. Ровинский много лет прожил за границей, тосковал по семье и друзьям, радовался каждому письму, приходившему из России. Поэтому писал он А. Н. Пыпину подробно и обстоятельно, сообщал о маршрутах своих поездок, обращался за помощью, отвечал на вопросы и просьбы, делился переживаниями и впечатлениями. Годами продолжавшаяся переписка спасала П. А. Ровинского от одиночества, поднимала настроение и позволяла быть в курсе важных событий на родине. Особенно ценно то, что друзья подходили к большинству обсуждаемых вопросов с близких позиций, они понимали друг друга с полуслова. Например, в мае 1868 г. П. А. Ровинский написал А. Н. Пыпину из Белграда: «Публично я этого никогда не скажу, а перед тобой можно, потому что ты сам знаешь славянство»³. Очевидная близость взглядов, откровенный диалог делает переписку еще более ценной, так как позволяет понять отношение обоих корреспондентов к тем или иным актуальным событиям.

Ученые были ровесниками и земляками. П. А. Ровинский родился в 1831 г., А. Н. Пыпин в 1833. Они принадлежали к одному сословию и к одной имущественной группе мелкопоместных дворян. Детство и юность провели в Саратовской губернии, учились в губернской гимназии Саратова, где и началась их дружба, она продолжалась до смерти А. Н. Пыпина в 1904 г. П. А. Ровинский пережил друга на двенадцать лет (умер в 1916 г.). Оба юноши поступили на историко-филологический факультет Императорского Казанского университета. П. А. Ровинский успешно закончил факультет и стал преподавать на одной из его кафедр. А. Н. Пыпин перевелся в Санкт-Петербургский университет, где, как тогда считалось, качество образования было выше. Оба друга с большим уважением относились к профессору Казанского университета В. И. Григоровичу, сумевшему пробудить в своих студентах научный интерес к изучению славянства. П. А. Ровинский многие годы поддерживал связь и переписку с В. И. Григоровичем. Откровенно рассказывал о том, что было для него важно, например, обсуждал вопрос о своей женитьбе⁴. В письме, отправленном из Белграда 19 апреля 1868 г., он подробно описывал свои впечатления о Сербии и мечтал добраться до Болгарии, добавляя: «Тогда, Виктор Иванович, отправимтесь (так в письме. — В.Х.) туда вместе, я буду Вашим кавасом!»⁵. В декабре того же года он написал: «О многом хотелось бы мне поговорить с Вами, многуважаемый Виктор Иванович, но на письме это неудобно, и потому я откладываю все до приятного с Вами свидания»⁶. П. А. Ровинский в письмах к В. И. Григоровичу неоднократно подчеркивал ту роль, которую сыграл учитель в его дальнейшей жизни: «С особенной признательностью я вспоминаю то время, когда я принялся заниматься славянской филологией. Сила

³ В письме Ровинский сетовал на отсутствие заметных событий в научной и культурной жизни сербской столицы, где «все живут единственно для себя»: «Музыкальности ни на грош. Поэзии, кажется, еще меньше. Литература почти не существует». ОР РНБ. Ф. 621. Д. 722. Л. 3.

⁴ ОР РНБ. Ф. 086. Картон 4. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 6.

обстоятельств и недостаток твердой воли были причиной, что я не удержался на той дороге. Но как бы я не уклонился от прежнего направления, я остаюсь по сю пору верен ей в том отношении, что не перестаю жить и действовать в славянском мире. И в этом случае главной путеводной нитью и точкой опоры служат мне те уроки и указания, которые я вынес из Вашей аудитории»⁷.

А.Н. Пыпин тоже не забыл о своем учителе. В 1901 г. он начал диктовать дочери автобиографические заметки, в которых высоко оценил научные и педагогические заслуги В.И. Григоровича: «Это было нечто совершенно новое, оригинальное и привлекательное». Студенты изумлялись тому, что профессор на равных обращался к ним: «Начиная говорить нам о славянстве, он даже как будто предполагал, что мы уже достаточно знаем всех этих болгар, сербов, поляков, чехов, верхних и нижних лужичан, словаков, хорутан (так называл он словинцев)». Юный Пыпин был поражен, как мало знают в России о славянах: «Мы до сих не имели понятия о стольких народах, нам родственных, и, по словам профессора, столь примечательных, и о которых он говорил с таким сочувствием» [Пыпин 1910, 37]. Интерес к славянской теме еще больше сблизил П.А. Ровинского и А.Н. Пыпина: «Мое любопытство и любознательность в этом направлении встретились с такой же любознательностью моего старшего приятеля П.А. Ровинского» [Там же, 38]. В мемуарах А.Н. Пыпин подчеркнул успешность методики преподавания, выбранной В.И. Григоровичем. Он считал, что многие преподаватели торопятся ввести студентов в курс новейших научных исследований, забывая о просветительских задачах, и тогда «молодые ученые» оказываются «в своем предмете, как в дремучем лесу, где вынуждены сами искать свою тропинку к серьезным вопросам науки». В.И. Григорович, напротив, давал «общий курс», в котором подробно ознакомил слушателей с предметом исследования и специальной литературой. Действительный член Академии наук А.Н. Пыпин считал такой пропедевтический (приготовительный, подготовительный) подход необходимым элементом высшего образования [Там же, 40].

И у А.Н. Пыпина, и у П.А. Ровинского университетская карьера не сложилась, так как оба считались политически неблагонадежными. А.Н. Пыпин был дружен со своим двоюродным братом Н.Г. Чернышевским, через него и П.А. Ровинский сблизился с семьей Чернышевского. В молодости А.Н. Пыпин решительно критиковал политику Министерства народного просвещения. Из-за этого он долго ждал научного признания и академических званий. П.А. Ровинский был активным участником первой «Земли и воли», ему удалось избежать уголовного преследования, но работать в России в официальных учреждениях славист не смог. Его эффективная и получившая общественное признание деятельность на посту директора колонии несовершеннолетних преступников под Петербургом быстро закончилась из-за острых разногласий с вышестоящим руководством. На протяжении многих лет А.Н. Пыпин и П.А. Ровинский не только переписывались, но и оказывали друг другу профессиональную помощь, у них сложилась своего рода творческая кооперация, связанная с разным образом жизни. А.Н. Пыпин был прочно привязан к Петербургу, к журналам, в которых активно трудился («Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы»), к Академии наук, где был ординарным академиком с 1898 г. Он много работал в разных научных и общественных организациях. П.А. Ровинский был «номадный», так его назвала В.А. Ляцкая; всю жизнь провел в разъездах, старость встретил на чужбине. Только очень

⁷ Там же. Л. 30б.

солидный возраст и пошатнувшееся здоровье заставили его окончательно осесть в России, это случилось уже после смерти А.Н. Пыпина. У старинных друзей было совсем мало времени для личного общения, переписка стала едва ли не единственным способом обсудить все, что их волновало. А.Н. Пыпин, скорее всего, посвящал П.А. Ровинского в подробности петербургской научной и общественной жизни. П.А. Ровинский регулярно и подробно описывал то, что происходило на его глазах в славянских странах. Он годами собирал для А.Н. Пыпина библиографические данные о новинках славянских литератур, присылал из Черногории новые произведения тамошних прозаиков и поэтов.

Собрание писем, хранящееся в РНБ, начинается с поездки П.А. Ровинского в Сербию в 1868–1869 гг., куда он отправился корреспондентом «СПб ведомостей». Но славист не смог найти общего языка с издателем газеты В.Ф. Коршем. Он часто жаловался в письмах А.Н. Пыпину, что его корреспонденции либо сокращают, либо совсем не печатают⁸. Это плохо отражалось и на материальном положении П.А. Ровинского, и на моральном состоянии. Ему казалось, что пользы от такой работы мало, потому что русская читающая публика так и не узнает всех важных подробностей политических потрясений, происходивших тогда в Сербии. Сначала П.А. Ровинский спрашивал друга, есть ли возможность повлиять на политику редакции «СПб ведомостей», а потом попросил забрать статьи и передать их в газету А.А. Краевского «Голос». Но и здесь слависта постигла неудача. Он стремился писать серьезные аналитические обзоры, а редакция требовала ограничиться краткими информационными сообщениями. В конце концов П.А. Ровинский был вынужден совсем отказаться от журналистской деятельности. Правда, отправляясь в Сербское княжество, ученый ставил перед собой еще одну важную цель. Он намеревался объехать страну и собрать материалы о жизни сербского народа в 60-е годы XIX в. Несмотря на денежные затруднения, славист смог организовать эту поездку [Хлебникова, 99–108]. Бюрократический, обывательский Белград не понравился ученому, навевал тоску, раздражал политическими интригами. Напротив, путешествие по провинции, знакомство с народом (крестьянами, торговцами и ремесленниками, священниками и учителями) вдохновили его на написание серии глубоких и содержательных статей, открывших русским читателям экономическую и общественную жизнь Сербского княжества. При поддержке А.Н. Пыпина – постоянного члена редколлегии, эти статьи были опубликованы в «Вестнике Европы» в 1868, 1870, 1875 и 1876 гг. [Ровинский 1868; Ровинский 1870; Ровинский 1875; Ровинский 1876].

Во время пребывания в Сербии П.А. Ровинский заводил многочисленные знакомства, стараясь расширить научные и публицистические связи русских и сербских авторов. Например, просил А.Н. Пыпина помочь оформить подписку «СПб ведомостей» для сербской газеты «Единство», о которой написал: «Между прочим замечу, что это очень порядочная газета»⁹. Можно предположить, что именно во время сербского путешествия сложилась практика постоянного сотрудничества двух ученых в славянских делах. Во-первых, А.Н. Пыпин получал от П.А. Ровинского актуальные и достоверные сведения о том, что происходило в то время в балканской стране, где сменился политический режим. Русские газеты писали об этом фрагментарно или вовсе не писали. Во-вторых, П.А. Ровинский информировал А.Н. Пыпина не только о литературной или

⁸ ОР РНБ. Ф. 621. Д. 722. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 19.

общественной деятельности самых ярких сербских интеллектуалов, но и о существовании в Сербском княжестве разных общественных объединений, стараясь вовлечь друга в их работу. В мае 1869 г. он сообщил, что А.Н. Пыпина выбрали почетным членом одного из литературно-исторических обществ Белграда и предлагал присылать статьи для опубликования в Сербии. Славист объяснял просьбу тем, что сербские коллеги пока не слишком преуспели в науке, и им нужна помощь. Он писал: «Членов общества много, а писать некому. Поэтому если что-нибудь дашь из своего, ты сделаешь большое одолжение, а главное, покажешь, как надо писать»; «в продолжение двадцати лет у них не появилось ни одной монографии по истории Сербии»¹⁰. В свою очередь, живя в России и пользуясь большим авторитетом, А.Н. Пыпин активно способствовал публикации статей П.А. Ровинского в ведущих русских журналах.

В последующие годы переписка продолжалась, П.А. Ровинский писал другу во время поездки в США в 1874 г. и после возвращения в Россию. Ненадолго он занял должность директора Земледельческой колонии и ремесленного приюта для малолетних преступников, которая располагалась под Петербургом. Этот период жизни слависта был особенным, можно сказать, педагогическим. Подрастали его собственные дети, нужно было найти для них подходящие учебные заведения, на это требовались средства, которых по-прежнему не хватало¹¹. Воспитанники колонии — подростки со сломанными судьбами, тоже требовали постоянного внимания. Письма П.А. Ровинского наполнены отвращением к духу безразличия и казенщины, исходившему из тех пенитенциарных заведений, откуда он принимал ребят в свою колонию. «Имел случай видеть это [1 слово неразборчиво] произведение русского художества, и скажу тебе: здание зданием, а люди людьми, и русская тюрьма какой была, такой и осталась», — писал он А.Н. Пыпину¹². Груз ответственности, лежавшей на сотрудниках колонии, не давал возможности расслабиться. В феврале 1875 г. славист был болен, с нетерпением ждал, когда сможет вернуться к своим обязанностям и жаловался: «Не так тяжело мне было болеть, а тяжело было то, что без моего личного участия в делах застой и разлад; теперь я снова возьмусь за дело, покуда ничего худшего не произошло и пойдет лучше; а были трудноватые минуты. Вот побываешь, сам увидишь...»¹³. В письмах он не раз приглашал А.Н. Пыпина приехать в колонию. Ее посещали многие общественные деятели, писатели и публицисты, оставившие самые положительные отзывы об организации воспитательного и учебного процесса и о заслугах П.А. Ровинского на посту директора¹⁴.

В марте 1878 г. случилась единственная за много лет ссора П.А. Ровинского и А.Н. Пыпина, причина ее неизвестна, но оба были серьезно обижены друг на друга¹⁵. В переписке наступила пауза. В июле 1878 г. П.А. Ровинский уе-

¹⁰ Там же. Л. 21–22.

¹¹ В августе 1875 г. П.А. Ровинский писал А.Н. Пыпину о хлопотах, связанных с поступлением сыновей Аполлона и Александра в учебные заведения: «Итак, экзамены, экзамены [...] Затем деньги, деньги [...] На этом основании не могу пока помочь Кате (старшая дочь П.А. Ровинского.— В.Х.)». ОР РНБ. Ф. 621. Д. 723. Л. 18об.

¹² Там же. Л. 25.

¹³ Там же. Л. 9.

¹⁴ Например, статья Ф.М. Достоевского в «Дневнике писателя» за январь 1876 г. Собр. соч. в 15 томах. Т. 13. С. 435–437.

¹⁵ Сохранилась записка Ровинского, в которой был просьба передать с курьером «сочинение Бокля, которое я должен вернуть по принадлежности». На записке слова, написанные рукой Пыпина: «Мы виделись с ним третьего дня, на другой день, то есть вчера, он хотел сам придти ко мне, но предпочел не придти, а прислать посыльного! Совесть, должно быть, не пустила». ОР РНБ. Ф. 621. Д. 723. Л. 41.

хал корреспондентом «Нового времени» на Балканский полуостров, ставший театром очередной русско-турецкой войны. Его дети остались на попечении В.К. Томашевского. В апреле 1879 г. славист прочел в газетах, что в Петербурге в районе Воскресенского моста произошел мощный взрыв. Там неподалеку проживали его сыновья Аполлон и Александр. П.А. Ровинский написал А.Н. Пыпину взволнованное письмо, просил узнать, не пострадали ли члены его семьи: «Если все целы, передай прилагаемое при сем письмо по адресу, а если нет, напиши коротко и ясно». Эти слова свидетельствуют о мучительных переживаниях отца, который не знает, живы ли его дети, и огромной силе духа, о мужестве, с которым ученый готов был узнать самое плохое. Ему нужны были не утешения и жалость, а определенность, потому что неведение и неизвестность – самые тяжелые для человека испытания. Письмо заканчивалось такими словами: «Извини, пожалуйста, что обращаюсь с просьбой, несмотря на происшедшую между нами размолвку, в которой, впрочем, моя роль была пассивная, что не мешает мне считать тебя таким же, каким всегда считал, и относиться к тебе с полным уважением»¹⁶. Так при драматических обстоятельствах состоялось примирение двух верных товарищей.

Поездка П.А. Ровинского на Балканы была полна испытаний и неожиданностей, в мае 1879 г. австрийские власти выдворили его из Сараево, доставив на границу Черногории. Начался самый важный период в жизни слависта. Сначала в качестве санитаря он принял участие в военном походе черногорского войска, отправившегося занять Плавско-Гусиньский округ. Эти земли, заселенные албанцами, должны были по решению великих держав, отойти к княжеству. Затем ученый поселился в Цетине и начал изучать небольшую горную страну, за которой в российской публицистике закрепилась слава оплота славянской свободы. К 1880 г. он уже обзавелся широким кругом знакомых, собрал уникальный этнографический материал, обойдя многие области и племена Черногории. И, как прежде, был вынужден прибегать к помощи А.Н. Пыпина в деле издания своих трудов. Например, в августе 1880 г. П.А. Ровинский делился планом публикации целой серии статей под общим названием «Очерки Черногорья». Трудность заключалась в том, что у него были испорчены отношения с главным редактором «Вестника Европы» («Стасюлевич не принимает моих статей»). Кроме того, редколлегия в принципе не публиковала работ с продолжением, как это делали в других журналах. Поэтому славист подчеркивает, что сюжет каждого очерка будет завершенным, и в то же время «будет представлять как бы несколько глав из одного целого». Становится понятно, что материал, собранный Ровинским в 1880 г., был намного шире, чем содержание одной или нескольких статей. В этом же письме есть просьба передать О.Ф. Миллеру работу о богомилах «для Славянского комитета или для Географического общества»¹⁷. В ноябре 1880 г. ученый отправлял статьи в «Русскую мысль» и в «Русский курьер». Он с горечью отметил в письме к А.Н. Пыпину, что сотрудники «Русской мысли» печатают его работу с большим опозданием («держат мне статьи по году») ¹⁸. «Русский курьер» в тот момент был закрыт на четыре месяца. Поэтому П.А. Ровинский готов был сотрудничать и с «Русским инвалидом». Оплата напечатанных статей была тогда едва ли не единственным источником его дохода.

¹⁶ Там же. Л. 47об.

¹⁷ Там же. Л. 48.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 621. Д. 724. Л. 11.

В ноябре 1882 г. славист снова жалуется А.Н. Пыпину на трудности с публикацией в «Русской мысли». Он рассказал, как редактор посылал «самые слезные письма, умоляя меня, кроме находившейся в его руках статьи «Бар и Улцинь», предоставить в его распоряжение еще статью по поводу «освоения Никшича», и в то же время в редакции и не думали печатать ничего моего». Поэтому пришлось снова просить друга переправить статью в редакцию «Вестника Европы», хотя без особой надежды на успех: «Что с нею делать, я и сам не знаю. «Вестник Европы» ее, конечно, не напечатает, но нельзя ли будет сунуть ее в какой-нибудь журналичко, только бы не совсем даром? Будь добр, похлопочи об этом, а если не удастся, то, по крайней мере, возьми ее на сохранение»¹⁹. В этом же письме описаны подробности путешествия слависта, которые свидетельствуют, как тяжело было собирать этнографические материалы для статей. «Вот уже пять дней, как я воротился из внутренностей Черногории, куда больше уже не пойду, так как не осталось уголка, где бы я ни побывал. Эта последняя экскурсия была для меня самая тяжелая, потому что на пути схватил лихорадку, от которой до конца не мог отделаться. Мой запас хинина истощился; сообщения с Цетинем никакого, воротиться, не окончивши, не хотелось; и я шел вперед и вперед, опираясь на старый запас сил и здоровья, и, наконец, достиг Никшича, где попавши в лучшую обстановку, тотчас почувствовал себя лучше; а на Цетине и совсем поправился, как будто вовсе не хворал»²⁰. Научная энергия исследователя, преодолевающего многочисленные препятствия и даже не совсем уверенного в том, что результаты его трудов станут известны русским читателям, вызывает глубокое уважение.

Конечно, П.А. Ровинский прекрасно понимал, как важна для него поддержка А.Н. Пыпина, и старался отблагодарить товарища, несмотря на материальные затруднения. Он регулярно отправлял в Петербург литературные сборники и альманахи, стихи князя Николы, о которых сам был невысокого мнения. Много лет собирал библиографию южнославянских литератур для трудов А.Н. Пыпина. Рекомендовал своих знакомых, ехавших из Черногории в Россию, надеясь, что другу будет интересно узнать о балканских делах из первых рук. С большим удовольствием сообщил, что А.Н. Пыпин был выбран почетным членом читальни в Баре: «О тебе знают не только в столице Черногории, но и в отдаленных ее уголках»²¹. Посылал сувениры и находки из раскопок Диоклеи, принимал сына А.Н. Пыпина Николая, приехавшего на Адриатику поправить здоровье²².

К 1884 г. у П.А. Ровинского был собран огромный материал для монографии, но не было денег на дорогу в Россию, к тому же накопились долги, не выплатив их, невозможно было уехать из Княжества. Друзья-дипломаты тайно от ученого собрали по подписке деньги, чтобы он смог отправиться в Петербург и издать свой труд. Вице-консул в Дубровнике В.Б. Пассек, зная о дружбе П.А. Ровинского и А.Н. Пыпина, написал последнему письмо и предложил участвовать в подписке. А.Н. Пыпин отозвался сам и привлек друзей и коллег, набрал сто рублей и отправил в Черногорию. Однако П.А. Ровинский в Россию не приехал. А.Н. Пыпин обратился к В.Б. Пассеку, интересуясь судьбой друга и денег. Попавший в неловкое положение вице-консул ответил, что славист не добрался до Петербурга в силу стечения обстоятельств. В последний

¹⁹ Там же. Л. 13об.

²⁰ Там же. Л. 13.

²¹ ОР РНБ. Ф. 621. Д. 723. Л.39.

²² ОР РНБ. Ф. 621. Д. 725. Л. 1–5.

перед отъездом момент к нему обратился черногорский князь Никола и предложил заняться устройством герцеговинских беженцев на строительстве дороги недалеко от Никшича. Поэтому славист «вот уже полгода сидит в какой-то землянке и «наслаждается созерцанием работающих юнаков. Конечно, исплатить ему! Он делает благое дело, но отъезд его в Россию все-таки затянулся». Дипломат приложил к своему ответу полученное от П.А. Ровинского письмо, где речь шла об этой истории²³. Как видим, А.Н. Пыпин, и не он один, помог другу преодолеть не только затруднения с издателями журналов. Он готов был прийти на выручку в непростом денежном вопросе. Здесь требовалась особая деликатность, П.А. Ровинский был в этом отношении очень щепетильным человеком. В 1885 г. ученый, наконец, приехал в Петербург и начал издавать свою многотомную монографию о Черногории, последняя часть которой вышла в 1915 г. [Ровинский 1888].

П.А. Ровинский постоянно держал друга в курсе литературной жизни Княжества. В стране был невиданный подъем народного творчества, словно все жители поголовно увлеклись сочинительством: «Поэтов у нас множество и все печатаются, а есть и писатели драм (один образчик пошлю теперь же, если только найду в продаже), которые печатают сербские журналы и даже хвалят их, но это возможно только в сербской литературе, где литературной критики не существует. Об этих сочинениях можно сказать, что их бездарность выкупается только добродетельностью и благонамеренностью, невысокой, впрочем, пробы»²⁴. Как правило, новоиспеченные авторы не обладали художественным талантом, но страстно хотели опубликовать свои творения в немногочисленных черногорских журналах и газетах. Пример такой неумной страсти к книжному творчеству подавал сам черногорский правитель, сочинявший стихи и пьесы, которые время от времени ставили на сценах в славянских землях. П.А. Ровинский полагал, что эти произведения «в целом не могут удовлетворить более требовательного критика»²⁵. Славист считал полезным преподать черногорцам своего рода урок художественной литературы и тем самым хоть немного ослабить натиск сочинителей на местные редколлегии. Лекарством от графомании могло стать прочтение классических произведений русских и европейских писателей. Он просил А.Н. Пыпина помочь подписать Цетинскую читальню на журнал «Вестник Европы», договорившись, что пересылку возьмет на себя СПб Славянское благотворительное общество. По мнению П.А. Ровинского, знакомство с настоящей литературой и профессиональными рецензиями литературных критиков должны были заставить местных литераторов задуматься над качеством своих сочинений.

Конечно, были тогда в Черногории и по-настоящему одаренные литераторы, сумевшие проявить свои способности, например, отмеченные славистом Й. Сундечич, Р. Роганович, Л. Костич. П.А. Ровинский просил А.Н. Пыпина дать их работам объективную литературоведческую оценку. Особое внимание он обратил на С. Матавуля, с которым сблизился в 80-е годы XIX в. Молодой писатель был, несомненно, даровит, но не обладал никакой профессиональной подготовкой: «Завтра нужно печатать, а он ныне садится и строчит одну главу, не имея ни определенного плана, ни содержания, так что никогда не знает, чем и как кончит, и или бросит повесть незаконченную, или кое-как ее скомкает». С. Матавуля, видимо, и сам чувствовал потребность в толковых

²³ ОР РБН. Ф. 621. Д. 724. Л. 33–34об.

²⁴ Там же. Л. 57.

²⁵ Там же. Л. 55.

советах, поэтому в начале знакомства просил П.А. Ровинского «делать замечания», но критику воспринимал довольно болезненно. Славист перестал комментировать публикации начинающего прозаика, но не мог оставить его без квалифицированной помощи, поэтому просил А.Н. Пыпина выполнить эту неприятную миссию, «это для него необходимо, или не выйдет ничего путного, а талант есть»²⁶. Таким образом, можно отметить еще одно важное достоинство П.А. Ровинского — умение разглядеть в молодом поколении незаурядных людей и оказать им серьезную поддержку, поделиться своими знаниями и опытом.

Не один раз П.А. Ровинский пытался расстаться с Черногорией. Солидный возраст и тоска по детям заставляли вернуться на родину. В 1900–1901 гг. он жил в России, но неожиданно для всех решил снова уехать в Княжество. В письме к А.Н. Пыпину разъяснил свое намерение тем, что из-за острых разногласий с черногорским двором русская дипломатическая миссия в Цетине осталась без сотрудников. Много лет ученый работал в миссии драгоманом и не мог оставить в трудную минуту коллег без поддержки, поспешив на помощь новому министру-резиденту П.М. Власову. В январе 1902 г. славист приехал в Черногорию и был встречен с таким энтузиазмом и любовью, что даже почувствовал смущение. «В Которе я был совершенно между своими; одна коляска специально ждала меня, хотя о своем прибытии я никого не предупреждал. Везде на дороге меня останавливали, а в Негушах было такое нападение, что я насилу вырвался. Что было в Цетине, не могу описать. Удивительно! Не сделал я этому народу ровно ничего, да и не в состоянии, а между тем встречали меня с такой радостью, точно я их близкий родной или даже будто какая-то персона. Первую неделю на Цетине мне прохода не было от обниманий и целований чуть ни с каждым встречным [...]. Как не любить мне эту страну и народ, когда и меня любят», — рассказывал он другу о своем возвращении в Княжество²⁷. Правда, черногорский князь был неприветлив, поэтому ученый заметил: «Держусь от двора в стороне».

Конфликт русского представителя П.М. Власова и черногорского монарха набирал силу, на миссию оказывалось сильное давление. П.А. Ровинского угнетало то, что в России все «знают обо всем, что делает князь, то есть грабит страну, не платит долгов торговцам и жалования чиновникам, а в то же время на субсидии всевозможным журналам тратит больше 70 000 гульденов и на агитацию между албанцами бросается также тысяч 15, и это во время финансового кризиса! Не говоря уже о том, что тратится ими всеми (княжеской семьей. — В.Х.) за границей. И, несмотря на это, к прежней субсидии в 200 тысяч рублей теперь придали еще 300 тысяч, следовательно, всего пансиона, кроме даров от своей страны, более миллиона гульденов, и он все еще делает недозволенную мину...»²⁸. П.А. Ровинский не скрывал от А.Н. Пыпина своего возмущения и черногорской камарильей, и русскими руководителями: «Власов из кожи лезет, изводит себя, чтобы служить своему царю верой и правдой, а ему этого вовсе и не нужно, только бы сохранить приятные отношения. Из этого выходит, что Власов, человек умный, которого ничем не проведешь и до крайности честный, который не способен пойти ни на какую сделку, поставив себе задачей уяснить истинное положение Черногории и вывести князя на чистую

²⁶ Там же. Л. 57.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 621. Д. 725. Л. 61–61об.

²⁸ Там же. Л. 67.

воду [...], не щадя себя, оказывается совершенно ненужным и даже вредным, и даже глупым!»²⁹.

Переживания и неурядицы в работе миссии пагубно отразились на здоровье ученого, в 1904 г. ему пришлось уехать в Вену на лечение из-за тяжелого приступа стенокардии. Денег, как всегда, не было, и он снова просил друга похлопотать о выплате хотя бы части гонорара за монографию «Черногория в ее прошлом и настоящем». Однако и сам А.Н. Пыпин в это время был серьезно болен, что тоже тревожило П.А. Ровинского. В августе 1904 г. он делился опасениями с дочерью Екатериной: «Для меня потеря была бы особенно громадная; нас вяжут и воспоминания, и наше прошлое; ни с кем я не был так близок, как с ним, со мной он ободряется, а и я с ним чувствую себя бодрее и смелее; не говоря уже о научном деле, в котором он для меня все»³⁰. Чтобы приободрить тяжело болевшего Пыпина, в ноябре 1904 г. П.А. Ровинский отправил письмо, в котором поделился планом совместного отдыха за границей. Он предлагал организовать эту поездку как увлекательное путешествие³¹. Но в декабре из газет славист узнал о смерти друга. В письме к дочери он снова выразил восхищение и уважение к А.Н. Пыпину: «Он умер как солдат на своем посту и работал до последней минуты своей жизни. Замечательный он был человек, хотя таким далеко не казался, и это почувствуется и осознается только теперь, когда его не стало. Свежее направление в Академии в значительной степени опиралось на него; причем много значил его несомненный ученый авторитет, многолетняя деятельность на ученом поприще [...] и необыкновенный такт»³². Потеря друга заметно отразилась на П.А. Ровинском. В.А. Ляцкая вспоминала: «С уходом папы ушло для Павла Аполлоновича настоящее и возможность с близким другом переживать дорогое и полное воспоминаний прошлое, и Павел Аполлонович вдруг сделался стареньким»³³.

Спустя годы В.А. Ляцкая в мемуарах описала крепкую привязанность своего отца к П.А. Ровинскому и их трогательную заботу друг о друге: «Папа нежно любил его, и как они бывали характерно живописны, когда отправлялись вдвоем в Екатеринослав к Наташе (вторая дочь А.Н. Пыпина. — В.Х.) в 1899–1901 гг. Папа, аккуратно застегнутый в драповом пальто с барашковым воротником, определенный, несколько старомодный (“Ваше степенство”, — обращались к нему извозчики). Павел Аполлонович в старом легоньком пальтице, вылинявшего до неузнаваемости цвета, в помятой мягкой шляпе, с “торбой” через плечо. “Торба” бывала полна съестных припасов на весь путь — дня на три. Не забывалось и “подкрепительное”, до которого Павел Аполлонович был большой охотник»³⁴. Это простое, наполненное любовью и уважением воспоминание, где упомянуты привычки и слабости двух друзей, расскажет современному читателю не меньше, чем объемные монографии их самих и посвященные их научным заслугам исследования. Подводя итог, стоит еще раз подчеркнуть, как много значила дружба и взаимопомощь для двух ученых, сумевших занять достойное место в истории российской науки. Возможно, без этого сотрудничества не появились бы на свет многие труды П.А. Ровинского о Черногории, а «История славянских литератур» А.Н. Пыпина выглядела бы менее полной.

²⁹ Там же. Л. 69.

³⁰ ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 163. Оп. 5. Д. 74. Л. 5.

³¹ ОР РНБ. Ф. 621. Д. 725. Л. 81об.

³² ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 163. Оп. 5. Д. 74. Л. 1об.

³³ ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 163. Оп. 4. Д. 20. Л. 21.

³⁴ Там же. Л. 17.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЕ – «Вестник Европы»
ИРЛИ (Пушкинский дом) – Институт русского языка и литературы (Пушкинский дом)
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 163. Архив Е.А. Ляцкого. Оп. 4. Д. 20; Оп. 5. Д. 74.
ОР РНБ. Ф. 621. Архив А.Н. Пыпина. Д. 722, 723, 724, 725, 895.
ОР РНБ. Ф. В.И. Григоровича (086). Картон 4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Пыпин А.Н. Мои заметки. М.: Издательство Л.Э. Бухгейм. 1910. 312 с.
Ровинский П. Два месяца в Сербии (Из путевых воспоминаний) // Вестник Европы. 1868. Кн. 11. Ноябрь. С. 364–386.
Ровинский П. Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника // Вестник Европы. 1870. Кн. 4. Апрель. С. 530–579. Кн. 5. Май. С. 132–188
Ровинский П. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году // Вестник Европы. 1875. Кн. 11. Ноябрь. С. 5–34. Кн. 12. Декабрь. С. 699–725.
Ровинский П. Сербская Моравы. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году // Вестник Европы. 1876. Кн. 4. Апрель. С. 517–558.
Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1888–1915. Т. I–III.
Хлебникова В.Б. Путевые и журналистские заметки П.А. Ровинского о Сербии // Славяноведение. 2017. № 3. С. 99–108.

Рукопись поступила в редакцию 17.02.2023
Рукопись принята к печати 27.05.2023

REFERENCES

- Khlebnikova V.B. Putevye i zhurnalistskie zametki P.A. Rovinskogo o Serbii. *Slavyanovedenie*, 2017, no. 3, pp. 99–108. (In Russ.)
Rypin A.N. *Moi zametki*. Moscow, Izdatelstvo L.E. Buhgejm Publ., 1910, p. 312. (In Russ.)
Rovinskij P. Dva mesyaca v Serbii (Iz putevyh vospominanij). *Vestnik Evropy*, 1868, b. 11, nov., pp. 364–386 (In Russ.)
Rovinskij P. Belgrad. Ego ustrojstvo i obshchestvennaya zhizn'. Iz zapisok puteshestvennika. *Vestnik Evropy*, 1870, b. 4, apr., pp. 530–579; b. 5, may., pp. 132–188 (In Russ.)
Rovinskij P. Vospominaniya iz puteshestviya po Serbii v 1867 godu. *Vestnik Evropy*, 1875, b. 11, nov., pp. 5–34; b. 12, dec., pp. 699–725 (In Russ.)
Rovinskij P. Serbskaya Morava. Vospominaniya iz puteshestviya po Serbii v 1867 godu. *Vestnik Evropy*, 1876, b. 4, apr., pp. 517–558. (In Russ.)
Rovinskij P.A. *Chernogoriya v ee proshlom i nastoyashchem*. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk Publ., 1888–1915, t. I–III. (In Russ.)

Received on 17.02.2023

Accepted 27.05.2023

Информация об авторе:

Хлебникова Варвара Борисовна
кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0009-0006-2022-8274
E-mail: istfilos@gmail.com

Information about the author:

Varvara B. Khlebnikova
Ph D. (History), Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0009-0006-2022-8274
E-mail: istfilos@gmail.com

Славяноведение, 2023, № 5, с. 130–132

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 5, pp. 130–132

DOI: 10.31857/S0869544X0027870-0

Рецензия / Review

«Беларуская літаратура і літаратуразнаўства». Сборнік навуковых артыкулаў. Мінск: Беларуская навука, 2022. 507 с.

«Белорусская литература и литературоведение». Сборник научных статей

© 2023 г. Н.М. Куренная

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ikurennoy@gmail.com

Ссылка для цитирования: Куренная Н.М. «Беларуская літаратура і літаратуразнаўства». Сборнік навуковых артыкулаў. Мінск: Беларуская навука, 2022. 507 с. // *Славяноведение*. 2023. № 5. С. 130–132. DOI: 10.31857/S0869544X0027870-0

Byelorussian Literature and Literary Studies. Collection of Scholarly Articles. Minsk, Belaruskaia navuka, 2022. 507 p.

© 2023. Natalya M. Kurennaia

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

ikurennoy@gmail.com

For citation: Natalia M. Kurennaia. Byelorussian Literature and Literary Studies. Collection of Scholarly Articles. Minsk, Belaruskaia navuka, 2022. 507 p. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 5. P. 130–132. DOI: 10.31857/S0869544X0027870-0

Основу рецензируемого труда составляют материалы международной конференции «Беларуская літаратура і літаратуразнаўства: канцэпцыі, напрамкі, навуковыя школы», которая состоялась в Минске 1–2 апреля 2021 г. в честь 90-летнего юбилея Института литературоведения им. Янки Купалы НАН Беларуси, у истоков которого стояли классики национальной литературы – Янка Купала и Якуб Колас.

За свою почти столетнюю историю белорусское литературоведение достигло серьезных научных результатов: были изданы обобщающие труды по теории и истории национальной литературы от древности до наших дней,

многочисленные монографии, посвященные творчеству выдающихся белорусских писателей, в настоящее время продолжается работа над 50-томной серией «Золотая коллекция белорусской литературы» («Залатая калекцыя беларускай літаратуры»), опубликовано двадцать томов, последний из которых – «Поэзия периода Великой Отечественной войны» (2020). Особого внимания заслуживает деятельность ученых-текстологов, подготовивших к публикации полные собрания сочинений классиков белорусской литературы, продолжается работа над 10-томным изданием произведений Янки Брыля.

Структура рецензируемого сборника в основном соответствует программе юбилейной конференции. Статьи разделены на тематические блоки: «Актуальные проблемы белорусского литературоведения», «История литературы: актуализация прошлого и его научное осмысление», «Белорусская литература XX–XXI вв.: творческая индивидуальность и художественный процесс», «Белорусская и зарубежная литературы: типология взаимосвязей и национальной идентификации». Сборник дополнен документальными материалами из истории Института.

Количество статей юбилейного труда (более семидесяти) делает невозможным даже их полное перечисление, не говоря о возможности краткого анализа, но можно обозначить основные направления и проблемы, которые находятся в центре внимания авторов. По существу, сборник представляет собой научный свод очерковых статей, посвященных истории белорусского литературоведения от его зарождения до настоящих дней в широком контексте основных концепций, направлений, творческих портретов многих выдающихся белорусских и зарубежных литераторов. Такой подход к описанию основных проблем национальной литературоведческой мысли (своеобразное движение во времени) позволил авторам сборника достичь значимых целей: подтвердить и дополнить новыми фактами, уточняющими некоторые прежние оценки и характеристики, существующую ныне периодизацию, показать главные философско-эстетические тенденции и смену литературных парадигм, акцентировать внимание на изменении жанровых приоритетов и художественных достижениях.

Статьи рецензируемого труда можно условно разделить на три вида – первые представляют собой развернутые научно-исторические очерки, анализирующие особенности и специфику того или иного периода литературоведческих исследований, вторые посвящены описанию индивидуальных авторских тактик литературоведческого анализа известных белорусских ученых-литературоведов и представителей молодого поколения, третий вид статей носит междисциплинарно-аналитический характер.

Первый раздел посвящен деятельности выдающихся ученых, сотрудников Института В.А. Журавлева, В.А. Коваленко, Г.В. Киселева, М.И. Мушинского, А.А. Адамовича, А.С. Яскевича и многих других, фундаментальные труды которых значительно повлияли на развитие современных методов белорусского литературоведения (статьи *З.П. Мельниковой, И.М. Шаладонова, И.М. Кислицыной, И.Н. Запрудского, Е.А. Минкевич*). В обзорно-исторической

статье «Институт Янки Купалы и его ровесники» (*Я.А. Городницкий*) представлена деятельность Института на различных этапах его существования, особо выделен период середины XX в., который автор считает особым, наиболее плодотворным временем для коллектива Института. Причина такого научного и творческого «взлета» объясняется автором не только профессиональной зрелостью и талантами исследователей, но и литературоцентричностью самой эпохи. Сотрудниками Института в эти годы были известные белорусские писатели и литературоведы Иван Науменко, Алесь Адамович, Виктор Коваленко, «талант которых с одинаковой силой раскрылся в научной сфере и в литературном творчестве» (*Гарадніц Я.А. Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы і яго равеснікі // Беларуская літаратура і літаратуразнаўства. Мінск: Беларуская навука, 2022. С. 13*). Позднее эту традицию продолжили В.В. Гниломедов, В.И. Мархель, Н.Н. Арочка и др.

В 1960-е годы были опубликованы фундаментальные двухтомники «История белорусской литературы дооктябрьского периода» и «История белорусской советской литературы», ставшие знаковыми научными трудами, в определенной мере разрушившими устоявшиеся официозные взгляды на белорусскую художественную литературу. Прозаические и поэтические произведения оценивались авторами этих трудов в первую очередь по морально-философским и идейно-эстетическим критериям, что вполне вписывалось в стилистику эпохи «оттепели».

Статьи раздела «Актуальные проблемы белорусского литературоведения» продемонстрировали многогранность, профессионализм и широту взглядов их авторов, научный интерес которых простирается от нового прочтения произведений классиков белорусской литературы XIX–XX вв. – В. Дунина-Марцинкевича, Якуба Коласа, Янки Купалы (*А.В. Трофимчик, А.С. Крыжевич, Д.М. Дрозд*) до проблем теории сонетологии (*И.Г. Бавтрель*), вопросов координации текста и произведения через призму литературоведческой теории эмоции (*С.В. Колядко*), исследования философских компонентов белорусской литературы (*А.И. Лойко*) и методологии исследования конфликта (*О.Р. Хонякова*).

В отдельный раздел «История литературы: актуализация прошлого и его научное обоснование» объединены работы, посвященные литературоведческому анализу наиболее значимых произведений белорусской литературы прошлых веков. Были выявлены аксиологические приоритеты белорусской словесности XVI в. (*А.В. Брезгунов*) и аксиологические компоненты творчества Яна Чачоты (*Т.С. Кохан*),

исследована поэтика сна в поэме «Тарас на Парнасе» К. Вереницына (С.М. Тычина), проблемы интерпретации, жанровой специфики и поэтики произведения В. Дунина-Марцинкевича «Быльцы, рассказы Навума» (И.М. Запрудский), роль личности и творческого наследия Владислава Сырокомли в белорусском литературоведении конца XIX–XXI вв. (М.П. Воробей) и др.

Проблемам поэтики и художественной оригинальности автора-творца, проявляющейся на различных уровнях – структурном, семантическом, философском, психологическом, эмоциональном, посвящен раздел «Белорусская литература XX–XXI вв.: творческая индивидуальность и художественный процесс». Новое время способствовало обогащению и проникновению в белорусскую лирику новых разнообразных поэтических форм, например, японских хоку и танка. В 1996 г. была издана книга «Круглы год: Хоку беларускіх паэтаў». Среди его авторов были известные белорусские поэты – М. Танк, Ю. Олдов, А. Глобус и др. (Т.П. Барисюк).

Не осталась без внимания авторов сборника и современная белорусская драматургия, творческие цели и художественные новации ее создателей, относящихся к разным поколениям. Знаменательно, что одной из важных проблем современной национальной драматургии в условиях существующего в Белоруссии билингвизма стал выбор языка, который «становится не просто и не столько фактором национального или гражданского самоопределения. Это и проект, и бренд, и доминанта стиля, и средство авторефлексии, и один из способов *public relation*» (Кісель І. Білінгвізм: праблема ці шанс сучаснай літаратуры Беларусі? // Русская и белорусская литература на рубеже XX–XXI веков: Мінск: РИВШ, 2014. С. 86) (Л.У. Иконникова).

Авторы завершающего раздела сборника «Белорусская и зарубежная литературы: типология взаимосвязей и национальной

идентификации», используя компаративистский метод, представили жанровый и аксиологический диапазон белорусской, азербайджанской, итальянской, польской литературы разных исторических периодов, исследовали литературные способы самоописания национальной идентичности, выявили роль мифа и его трансформаций, особенности и специфику синкретизма жанровых форм в современной литературе. Отдельные статьи раздела посвящены малоизученным мотивам в произведениях классиков и малоизвестных широкой публике авторов, создававших свои произведения на польском языке, – Тетки (А. Пашкевич), Г. Пузыни, С. Складенко, К. Крагельской.

Несмотря на наличие в сборнике статей, посвященных современной белорусской словесности, хотелось бы отметить, что по многим параметрам новаторские художественные достижения белорусских писателей и поэтов заслуживают более углубленного литературоведческого анализа и оценки, поскольку содержание этих произведений актуально, а художественная палитра, несомненно, отмечена оригинальностью и многообразием авторских поэтик.

Таким образом, статья юбилейной книги, объединенные под одной обложкой, представили широкую панораму белорусской словесности в синхронии и диахронии. За девять десятилетий национальное литературоведение прошло непростой путь от публикации отдельных критико-филологических статей начального периода до монографических работ мирового уровня. Национальное литературоведение, став за девяносто лет академической наукой, с успехом выполняет цели, определенные его отцами-основателями – не отставать от живого литературного процесса, открывать новые имена, способствовать широкому распространению результатов собственных методов литературного анализа.

Информация об авторе:

Куренная Наталья Михайловна
доктор филологической наук,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4118-3697
E-mail: ikurennoy@gmail.com

Information about the author:

Natalia M. Kurenay
DSc. (Philology),
Leading Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4118-3697
E-mail: ikurennoy@gmail.com

Славяноведение, 2023, № 5, с. 133–136

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 5, pp. 133–136

DOI: 10.31857/S0869544X0027872-2

Рецензия / Review

Rieber A.J. *Storms over the Balkans During the Second World War*. Oxford: Oxford University Press, 2022. 306 p.

Рибер А.Дж. Штормы над Балканами во время
Второй мировой войны

© 2023 г. Стефан Гужвица

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

sguzvica@hse.ru

Рецензия подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Ссылка для цитирования: *Гужвица Ст.* Rieber A.J. *Storms over the Balkans During the Second World War*. Oxford: Oxford University Press, 2022. 306 p. // *Славяноведение*. 2023. № 5. С. 133–136. DOI: 10.31857/S0869544X0027872-2

Rieber A.J. *Storms over the Balkans During the Second World War*. Oxford: Oxford University Press, 2022. 306 p.

© 2023. Stefan Gužvica

National Research University Higher School of Economics
(St. Petersburg, Russian Federation)

sguzvica@hse.ru

The review is financially supported by the Program of fundamental studies of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE)

For citation: *Stefan Gužvica.* Rieber A.J. *Storms over the Balkans During the Second World War*. Oxford: Oxford University Press, 2022. 306 p. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie*. 2023. No. 5. P. 133–136. DOI: 10.31857/S0869544X0027872-2

Автор рецензируемой книги профессор Пенсильванского университета и ряда других престижных учебных заведений Альфред Дж. Рибер (1931) является одним из признанных американских историков-русистов. Начав карьеру в 1950-е годы в Колумбийском университете, он посвятил докторскую диссертацию

отношениям Сталина с французской компартией в 1940-е годы. Стремление лучше понять истоки сталинской внешней политики заставило Рибера в дальнейшем обратиться к проблемам истории Российской империи, особенно эпохи реформ Александра II, в том числе к истории становления русской бюрократии. Рибер

был в числе молодых американских историков, приезжавших в 1960-е годы в СССР, стажировавшихся и консультировавшихся у П.А. Зайончковского. В последующие десятилетия на первый план в кругу научных интересов Рибера вновь вышли проблемы советской истории, внешней политики СССР, международных отношений в новейшее время, его перу принадлежит множество работ, в том числе ряд фундаментальных монографий. Уважение к архивным изысканиям и умение критически взглянуть на источник сочетается у А. Рибера в силу его огромной эрудиции с умением проводить широкие параллели и выходить на обобщения. Отдельно следует сказать о профессоре Рибере как педагоге. Точно также, как он сам прошел в молодости школу Зайончковского, десятки способных историков из России и постсоветских стран прошли, начиная с 1990-х годов, школу Рибера в Центральноевропейском университете в Будапеште, где он долгое время преподавал.

В одной из последних работ Альфред Дж. Рибер обратился к истории Балкан во время Второй мировой войны. Им предпринята попытка сравнить стратегии пяти важнейших политических игроков в регионе: Муссолини, Гитлера, Сталина, Черчилля и Тито. Методология Рибера отчасти опирается на школу «Анналов», и в самой первой сноске он упоминает относительно забытого американского ученика Фернана Броделя, Траяна Стояновича – выходца с Балкан, который много писал о регионе. Рибер подчеркнул значение географического детерминизма в возникновении войн на Балканах, принимая во внимание и другие факторы – традиции иррегулярных войск в слабеющей Османской империи, влияние межимперского соперничества и многочисленные культурные контрасты в «калейдоскопическом смешении населения» региона (с. 7). Другой важный методологический ориентир для Рибера – Макс Вебер. Исходя из его теоретических построений, историк пришел к выводу о том, что, если что-то и делало рассматриваемых им деятелей «великими», так это харизматическая власть, отличительный признак правления в XX в. Старомодным представлениям об исключительных личностях (всегда мужчинах), формировавших ход истории, автор противопоставил глубокое понимание того, что харизматическая власть, присущая многим политикам, всегда прокладывала свой курс, преодолевая унаследованное общественное состояние, ломая его исторически сложившуюся структуру. Рибер обратил внимание и на еще один момент: лидеров государств, восставших из пепла поражения в Первой мировой войне, в частности, Гитлера, Сталина и Тито, при всей их непохожести объединяло

то, что они происходили из приграничных территорий (свой интерес к феномену пограничья американский историк продемонстрировал и во многих прежних работах).

Но каждый режим имел свою специфику. Как убедительно показал автор, строй Муссолини был «возведен на песке» (с. 70), а режим Гитлера в конечном счете был подорван его собственным неистовым антиславянским расизмом. При этом Рибер указал на некоторые важные явления, не привлекавшие должного внимания национальных балканских историографов – например, на маловероятность (в силу ряда причин) поддержки оккупационной власти нацистской Германии большинством населения Албании или на массовые антимусульманские погромы четников в 1943 г. Хотя и Гитлер, и Муссолини иногда допускали в балканской политике компромиссы, их практика террора в конечном счете оттолкнула значительные слои населения. Именно массовые репрессии, затронувшие не только элиты, но и другие социальные группы, привели к постоянным восстаниям на Балканах, которые сорвали фашистские планы в этом регионе и, более того, ограничили возможности Германии и Италии как на Ближнем Востоке, так в известной мере и в войне против СССР. Что касается коммунистических режимов, то в основе их революционной идеологии лежало не только стремление к смене элит (иногда посредством лозунгов Народного фронта), но и выдвижение социальных проектов, способных предложить пути преодоления отсталости соответствующих государств и получить серьезную общественную поддержку.

При обращении к истории Балкан во второй половине XX в. Рибера больше интересовали не причины победы или провала коммунизма в той или иной стране, а общая структура деятельности соответствующих органов. В новой монографии, как и в ряде предыдущих работ, он отметил поразительную преемственность российской внешней политики при совершенно иной идеологии. При этом автор уникален в способности не «ориентализировать» Россию, к чему склонны многие западные исследователи, а если можно так сформулировать, «эссенциализировать» ее, т.е. подойти к ней в духе эссенциализма, теоретической установки, направленной на выявление у любого рассматриваемого явления некоего неизменного набора качеств и свойств. Так, Рибер показал, что сталинская политика «социализма в отдельно взятой стране» практически ознаменовала возврат к царской внешней политике, которая уделяла большое внимание Турции и проблеме черноморских проливов с целью получения доступа к Босфору. Это делало в глазах

Москвы восточную часть Балкан более важной, чем западную, и перевернуло прежний взгляд Коминтерна на полуостров как на единое пространство. Риебер провел также параллели между политикой Сталина на балканском направлении и преобразовательными устремлениями, проявившимися в ходе французских (наполеоновских) революционных войн начала XIX в. (с. 125), к сожалению, не сосредотачиваясь на этой теме более подробно, поскольку это несколько выходит за рамки темы книги. Союзник Сталина в военное время, Черчилль, предстает в схожем свете: как защитник британских имперских интересов в Восточном Средиземноморье. И Сталину, и Черчиллю удалось достичь относительной гармонии действий на Балканах, которая проявлялась до конца войны. Особый интерес представляет то, как Риебер описал конкурирующие британские органы разведки и их противоречивые планы применительно к региону, которые сказались на ходе войны.

Вторая часть книги сфокусирована в первую очередь на событиях, приведших к конфликту Сталина и Тито. Эпохальная борьба между ними, развернувшаяся в 1948 г., интересна Риеберу именно тем, что Давид, по сути, победил Голиафа. Действительно, Тито несколько в повествовании американского историка отличается от других рассмотренных в книге харизматических правителей: его трудно причислить к лидерам «имперских» держав. Ведь при всех амбициях Тито Югославия с точки зрения территории и численности населения не могла быть настолько сильным игроком, как большие державы, имевшие свои интересы на Балканах. И тем не менее ее внешняя политика заслуживает должного внимания, поскольку в отличие от своих балканских соседей она тоже участвовала в «большой игре» великих держав, и Риебер не без оснований даже обозначил определенные планы Тито как «имперский проект» (с. 189). При этом, конечно, имеется в виду не империализм в марксистском смысле, а скорее стремление, прыгая выше головы, подключаться к геополитической игре великих держав на Балканах.

Риебер показал в книге, что ни один из крупных игроков не понимал до конца замыслы своих младших партнеров: Гитлер был разочарован Муссолини, и, в свою очередь, оба они с презрением смотрели на лидеров вроде хорвата Павелича. Черчилля, по-видимому, столь же мало заботили интересы французов в этом регионе (и отсутствие большого внимания к Франции, некогда столь важному игроку на Балканах и в Турции, не является случайным упущением со стороны автора). Точно так же с течением времени Сталин все больше разочаровывался в Тито.

Работа Риебера особенно ценна, на мой взгляд, как часть растущего поля исследований, посвященных истокам раскола между Тито и Сталиным, восходящим еще к началу 1940-х годов. Автор убедительно показывает, что у них были серьезные стратегические (и теоретические) разногласия еще до вторжения стран оси Берлин – Рим в Югославию, которые обострились по мере того, как Гитлер и Муссолини наращивали агрессию в регионе. В то время как пакт Молотова – Риббентропа, казалось бы, обезопасил западную границу СССР, вмешательство Гитлера на Балканах оставило юго-западный фланг довольно открытым, это следствие договора часто упускается из виду, но Риебер не преминул его отметить (с. 163). При всех разногласиях заботы Сталина об обеспечении безопасности СССР совпали с радикальным и революционным антифашизмом Тито, пролив их связь и позволив югославскому лидеру в конечном счете окрепнуть настолько, чтобы полностью отвернуться от Сталина – то, что он не планировал и даже едва ли предвидел, стало неизбежным, возможно, даже уже во время войны. Тито стал помехой для Сталина и серьезной угрозой его нормальным отношениям с британцами в Греции и, более того, источником конфликта, который мог даже привести к Третьей мировой войне. В то время как советский лидер проводил «реалполитик», его югославский союзник, согласно трактовке Риебера, все еще надеялся на окончательное выяснение отношений с капиталистическими державами. По иронии судьбы Тито после своего отлучения от Коминформа был вынужден искать убежища, заключив косвенный союз с НАТО.

Книга написана в научно-популярном стиле и рассчитана на широкую аудиторию, при этом она снабжена научным аппаратом и опирается на скрупулезно перечисленные первоисточники. В первой части показано, как рассматриваемые харизматические лидеры были связаны с определенными политическими силами в регионе, в то время как вторая часть подводит к кульминации – событиям 1948 г., конфликту Сталина и Тито. Монография Риебера будет полезна как студентам университетов, так и широкой аудитории, а некоторые содержащиеся в ней выводы, особенно касающиеся Албании и советско-югославских отношений, представляют большой интерес для всех, кто серьезно занимается этим регионом. Главный недостаток книги – плохо выполненная редакторская работа, и можно только надеяться, что это будет исправлено при переиздании.

Работа Риебера, хотя и посвящена пяти историческим деятелям, на самом деле развенчивает многие наши предубеждения относительно

самостоятельности и свободы, которыми пользуются крупные политические лидеры. Все они наследуют определенные социально-политические структуры, из которых трудно вырваться, и видимые «вмятины», которые они оставляют своей деятельностью, часто оказываются в лучшем случае простыми царапинами в истории. В итоге грандиозные балканские планы всех пятерых лидеров рухнули: Гитлер и Муссолини пали под обломками установленных ими крайне несостоятельных общественных порядков; Сталин лицеизрел, как его замыслы провалились сначала из-за действий Тито, казавшихся ему безрассудными, а затем в силу его собственной неспособности обуздать югославского лидера; потеряв власть, Черчилль наблюдал, как разваливающаяся Британская империя постепенно отказывалась от всех своих обязательств в Восточном Средиземноморье (хотя

она и продолжала сохранять значительное влияние в регионе в течение десятилетий). Даже Тито, который неожиданно оправился после удара, нанесенного по нему в 1948 г., так и не осуществил свой первоначальный план создания единого федеративного государства рабочих и крестьян на Балканском полуострове. В поисках места своего государства на международной арене он безуспешно потом обращался к разным международным проектам (от Балканского пакта до Движения неприсоединения), но сама Социалистическая Федеративная Республика Югославия, ядро его государственного проекта, пережила его всего на десяток лет. «Штормы над Балканами» показывают нам, что, сталкиваясь с долгосрочными структурными обстоятельствами и железными законами истории, каждый «великий деятель» в конечном счете неизбежно оказывается проигравшим.

Информация об авторе:**Гужвица Стефан**

кандидат исторических наук, доцент
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0120-9300
E-mail: sguzvica@hse.ru

Information about the author:**Stefan Gužvica**

Ph D. (History), Assistant Professor
National Research University
Higher School of Economics
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0120-9300
E-mail: sguzvica@hse.ru

Славяноведение, 2023, № 5, с. 137–140

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 5, pp. 137–140

DOI: 10.31857/S0869544X0027873-3

Рецензия / Review

А.К. Александрова. «Потуже затянуть пояса». Антикризисная политика правительства Г. Папандреу в Греции (октябрь 2009 — ноябрь 2011 г.). М. — СПб., Нестор-История, 2022. 383 с.

© 2023 г. А.С. Лубоцкая

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

lia-ann@mail.ru

Ссылка для цитирования: Лубоцкая А.С. А.К. Александрова. «Потуже затянуть пояса». Антикризисная политика правительства Г. Папандреу в Греции (октябрь 2009 — ноябрь 2011 г.). М. — СПб., Нестор-История, 2022. 383 с. // *Славяноведение*. 2023. № 5. С. 137–140. DOI: 10.31857/S0869544X0027873-3

A.K. Aleksandrova. «Tighten Our Belts»: Anti-crisis Policies of the G. Papandreou Administration in Greece (October 2009 — November 2011). Moscow — Saint-Petersburg, Nestor-Istoria, 2022. 383 p.

© 2023. Anna S. Lubotskaya

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

lia-ann@mail.ru

For citation: Anna S. Lubotskaya. A.K. Aleksandrova. «Tighten Our Belts»: Anti-Crisis Policies of the G. Papandreou Administration in Greece (October 2009 — November 2011). Moscow — Saint-Petersburg, Nestor-Istoria, 2022. 383 p. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 5. P. 137–140. DOI: 10.31857/S0869544X0027873-3

В крупных многотомных изданиях, посвященных истории Древнего мира, греческому государству всегда отводились отдельные главы и даже тома: Греция изумляла античными институтами, философией, религиозными воззрениями, искусством. Это была поистине колыбель западной культуры, откуда интеллектуалы, художники черпали идеи для будущих полотен и великих произведений. В XXI в. Афины вновь поразили мир, но в другом ключе. Финансовые события в этой небольшой, но некогда великой европейской стране поставили пространство Евросоюза на грань катастрофы,

одномоментно оголив недостатки существующей системы общеевропейского прогресса.

Почему, как так получилось и что делать дальше? Ответы на эти вопросы постаралась найти А.К. Александрова в долгожданной для многих эллинистов монографии ««Потуже затянуть пояса». Антикризисная политика правительства Г. Папандреу в Греции (октябрь 2009 — ноябрь 2011 г.)». Сразу хочется оговориться: пусть будущих читателей не смущают узкие рамки заявленной темы. Правительственной политики в книге много, но параллельно автор затронула огромный пласт сопутствующих

проблем. Недаром в введении подчеркнута: «Политика правительства Г. Папандреу во многом предопределила дальнейшее социально-политическое и экономическое развитие страны, оказала влияние на действия последующих греческих правительств, разработку и реализацию механизма международной помощи. В монографии предпринята попытка всесторонне проанализировать эту политику: выяснить ее цели, задействованные ресурсы, механизмы реализации, результаты» (с. 6–7).

Для достижения поставленной цели автор привлекла обширную базу источников на греческом, английском, немецком языках. Это «дипломатические, парламентские и административные документы; законодательные акты; статистические данные, материалы официальных сайтов правительств и государственных ведомств Греции и, в некоторых случаях, ФРГ; публичные выступления политиков и представителей правительств Греции и ФРГ; а также материалы, опубликованные в СМИ» (с. 24). Прекрасно разработана историография вопроса. Автором были изучены работы, посвященные предыстории греческого кризиса, представлен огромный охват мнений о его природе и причинах, при этом не только политико-экономических, но и религиозных. А.К. Александрова рассмотрела мнения зарубежных и иностранных специалистов по ряду проблем: правомерность жестких мер ЕС в отношении Греции; Меморандум о взаимопонимании (договор о финансовой помощи, подписанный Грецией и международной «тройкой» кредиторов) и возможное банкротство страны; «культурные аспекты восприятия кризиса 2010-х годов греками»; история повседневности Греции в сложных финансово-экономических условиях. И хотя опубликованных работ очень много, А.К. Александрова подметила важную особенность большинства из них – субъективность авторов: «Основная часть греческих исследователей стремилась оправдать свою страну. А например, немецкие исследователи в силу возникшего в 2010-е годы общественного конфликта между странами чаще остальных пытались возложить на греков ответственность за кризис в еврозоне. С учетом этих противоречий перед современными и будущими исследователями стоит задача дать непредвзятую оценку событий, касающихся кризиса в Греции» (с. 24). Именно такую оценку, основанную на богатой информационной базе, и стремилась предложить читателю А.К. Александрова.

Книга «Потуже затянуть пояса» состоит из трех больших разделов. Первый из них – «Потерянное десятилетие» – посвящен детальному изучению предкризисной истории Греции:

анализируются социально-экономическое развитие страны, особенности ее политического устройства. В частности, в политической организации современного греческого государства автор подметила сохраняющуюся клановую структуру власти: «Влиятельные кланы Греции последних десятилетий, в первую очередь Папандреу и Караманлисы, сформировали систему экономического и политического патронажа, поддержание которого вело к неконтролируемому расходованию бюджетных средств» (с. 38). Подчеркнула А.К. Александрова и преждевременность вступления страны в ЭВС – экономический и валютный союз ЕС. Да, экономические вливания в экономику страны были огромны и создавали видимость стабильности и процветания. В течение «тучных лет» экономическое чудо в Греции привело к усилению внешнеполитических позиций Афин на Балканах, страна перестала быть балканским государством в Европе, а превратилась в активно развивающееся европейское государство на Балканах. Впервые в истории Греции в страну потянулась трудовая иммиграция, а баснословность греческого чуда привлекла к ней взоры всего Балканского полуострова, повысив роль Афин на региональном и международном уровнях. Правда, и здесь таились свои теневые стороны: Греции, «вопреки ожиданиям ее партнеров по ЕС и НАТО, не удалось реализовать многосторонние инициативы, направленные на включение региона в европейский интеграционный процесс. Кроме того, Греция упустила историческую возможность стать лидером в сфере образования, научных исследований, развития технологий и управления человеческими ресурсами» (с. 45). Не сумела страна воспользоваться и финансово-экономическими благами ЭВС. Причины тому автор увидела не только в структурных проблемах греческой экономики, но и в диспропорциях, заложенных в самой конструкции ЭВС, разделенного на «благополучный» Север и «неблагополучный» Юг: «Асимметрия проявлялась прежде всего в торговом дисбалансе между двумя макрорегионами» (с. 52). В результате снижалась конкурентоспособность южных стран, прежде всего Греции, происходил спад промышленного производства при чрезмерном росте сферы услуг, а «деиндустриализация усиливала региональные диспропорции» (с. 53). К этому можно добавить неэффективность самого греческого государства, показателем чего являлись: огромный государственный сектор – «бюрократический монстр», коррупция и массовое уклонение от уплаты налогов, несовершенная налоговая система, наличие огромного теневого рынка – всего того, что свидетельствовало о негативных тенденциях в социально-экономическом развитии страны, удачно замаскированных видом динамично

развивающихся Афин и Салоник. Помогала подерживать мнимый образ благосостояния и фальсифицируемая власть статистика. Впрочем, как отметила автор, «греческое правительство неоднократно подделывало свои статистические данные, о чем Еврокомиссия, конечно же, знала, но не предпринимала никаких реальных мер по исправлению ситуации» (с. 62).

Финансовый кризис 2009 г. стал настоящим форс-мажором, рукотворным катаклизмом для архаичной, закостеневшей в своих недостатках экономики страны. Первым попыткам разрешить нарастающий кризис в Греции посвящен следующий раздел книги: «В поисках выхода из долгового кризиса». Начат он с обзора внеочередных парламентских выборов в Греции октября 2009 г., на которых победу одержал лидер партии ПАСОК Георгиос Папандреу.

Несмотря на сложность финансово-экономического состояния страны, востребованность реформ, вопреки существующей повестке, лидер социалистов выступил с заведомо нереализуемой программой «повышения государственных доходов» и получил безусловный карт-бланш со стороны населения. Однако «сразу же после прихода к власти Г. Папандреу заявил, что предыдущее правительство «Новой демократии» оставило своим преемникам дела в гораздо худшем состоянии, чем ожидалось, и обвинил его в осуществлении финансовых махинаций и фальсификации статистических данных, что и привело Грецию к преддефолтному состоянию» (с. 81). Как итог — новое правительство было вынуждено отказаться от амбициозной предвыборной программы и начать изыскивать «реалистический выход из сложившейся ситуации».

К особой заслуге автора следует отнести использование нового ракурса в изложении государственной деятельности Г. Папандреу. В отличие от большинства исследователей-критиков, негативно оценивающих личность лидера социалистов, А.К. Александрова указала на колоссальный масштаб деятельности данного политика. Папандреу была предпринята попытка «устранить основные проблемы финансового управления в Греции, такие как отсутствие прозрачности, несовершенная система контроля и отчетности» (с. 89), начата реформа налогообложения, административно-территориальная реформа, «направленная на ликвидацию неравномерного регионального развития Греции», активизирована работа по улучшению условий ведения бизнеса в стране.

Правда, и это особо подчеркнула А.К. Александрова, вновь сказавшись медлительность в реализации назревших реформ: «Причины такой медлительности заключаются, возможно, в неполном осознании катастрофического

положения, в котором оказалась страна, и, как следствие, в применении гораздо более мягких, чем требовалось, инструментов воздействия на экономику» (с. 103). Ухудшению экономического положения Греции способствовала и двойственная политика европейских стран, прежде всего локомотива ЕС — Германии. С одной стороны, отвергалась сама возможность греческого дефолта и выхода страны из еврозоны, с другой — крупные государства-участники Евросоюза не желали тратить деньги собственных налогоплательщиков. Эта неспешность в принятии болезненных решений позволила международным спекулянтам играть на понижение кредитного рейтинга Греции.

Лишь 25–26 марта 2010 г. на саммите ЕС было достигнуто соглашение об оказании финансовой помощи Греции. Деньги поступали как со стороны ЭВС, так и МВФ. «Предполагалось, что сам факт существования подобного механизма успокоит финансовые рынки и необходимости в его запуске не будет. Однако сложная социально-экономическая ситуация внутри страны в сочетании с рядом внешних факторов [...] привела к полной потере доверия к Греции на финансовых рынках. В результате процентные ставки по греческим облигациям поднялись до чрезмерной высоты, и рефинансирование долгов страны на рыночных условиях стало практически невозможным» (с. 156).

Третий раздел книги «В тисках меморандума» посвящен механизму спасения страны, ее выходу из кризиса, в общих словах соответствующий названию книги «потуже затянуть пояса». Здесь автор методично, демонстрируя прекрасное знание материала, раскрыла характер предписанной Греции помощи. И в очередной раз хочется подчеркнуть, что А.К. Александрова проделала титанический труд, детально рассмотрев все направления бюджетной политики Г. Папандреу. Каждая реформа и прописанная мера для оздоровления греческого государства изучалась, взвешивалась и оценивалась автором с предельным вниманием. Впрочем, рассматривая алгоритм реформ наравне с общественно-политической ситуацией в стране, А.К. Александрова резонно заметила: «Возникал вопрос: а позволит ли такая политика, навязанная Евросоюзом, решить собственно греческие проблемы, или же она проводится только для того, чтобы предотвратить кризис в еврозоне. Многие греки считали, что лучше пережить дефолт, чем оказаться на долгие годы под контролем “тройки” кредиторов, и осуждали правительство Г. Папандреу за принятое решение, ведь, по сути, речь шла о частичной потере национального суверенитета Греции» (с. 169).

Несмотря на спасение страны от сиюминутного дефолта, реформы, навязанные извне с педантичной строгостью, привнесли много отрицательного в обыденную жизнь Эллады. Критика страны, общемировой разбор ее финансово-экономических проблем «подорвали политические и экономические позиции Греции на Балканах. Прежде ключевая для ЕС и НАТО страна региона была отброшена на периферию, а на ее место лидера стали претендовать другие государства, такие как Румыния и Болгария» (с. 244).

Меры бюджетной экономии без параллельных инвестиционных вливаний привели к растущей рецессии, понизили уровень жизни греческого населения, активизировали процессы «интеллектуальной иммиграции» молодежи в другие страны, радикально изменили политическую картину в Греции. Исчезла крупнейшая партия страны ПАСОК, ответственная за политику «затягивания поясов». На ее место пришла новая политическая сила – свежая кровь – леворадикальная коалиция СИРИЗА, увлекшая своей молодостью и революционностью большинство греческого электората. Не вполне однозначными оказались и результаты намеченных реформ: «бюджетная консолидация отставала от планируемого графика из-за не вполне успешной борьбы с уклонением от уплаты налогов и неполного контроля над государственными расходами» (с. 249).

Изучая демонтаж привычной жизни греков, кризис во всех сферах деятельности греческого государства, не обошла своим вниманием автор и такой интересный эпизод, как греко-германский общественно-политический конфликт. Он возник на волне насмешливых и слишком едких статей немецких таблоидов о богатых ленивых греках. Накал общественных страстей достигал порой такого уровня, что «даже на высшем уровне звучали призывы его остановить» (с. 293).

Что ж, отгрели опасные предефолтные бури, ушло в отставку правительство Папандреу, Афины еще не раз получали пакет финансовой помощи под неусыпным контролем кредиторов. В конце концов Греция выстояла, как и Евросоюз в целом, заплатив при этом весьма высокую

цену – еще долгие десятилетия в стране будет ощущаться финансово-экономический голод, а многие поколения греков будут расплачиваться за взятые государством долги. Но несмотря на это, вывод автора получился весьма оптимистичным, что, по моему субъективному мнению, не вполне соответствует истине. Исследователь предположила: «Что в обозримом будущем Греция [...] будет продолжать развиваться в рамках европейского интеграционного объединения, работая над последовательным восстановлением своей экономики, [...] и что у власти в стране в предстоящий период будут находиться политические силы, готовые отвечать этим ожиданиям» (с. 301). Сила Греции за весь период ее независимой истории была сосредоточена в умении лавировать между интересами великих держав. Сегодня это в принципе невозможно. Нынешний день демонстрирует нам обедневшую страну, потерявшую имидж на региональном и общеевропейском уровнях и, по сути, растерявшую способность к ведению какой-либо независимой внешнеполитической деятельности.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что работа А.К. Александровой «Потуже затянуть пояса...» – это по-настоящему фундаментальный исторический труд. В нем детально изучены все аспекты, связанные с развитием греческого государства накануне кризиса, подробно изложены детали преждевременного вступления Греции в ЭВС и механизмы управления данной организации, позволившие законсервировать негативные тенденции в развитии страны. Автором проделана огромная работа по разбору, структурированию, объяснению той колоссальной реформаторской деятельности, которая была намечена правительством Папандреу в связи с кризисом, а впоследствии скорректирована «тройкой» кредиторов. Книга «Потуже затянуть пояса» – это настоящая энциклопедия по истории греческого кризиса, которая будет интересна не только эллинистам, историкам, политологам, но и простым читателям. Тем более, что работа (не простая по теме) написана легким для восприятия языком.

Информация об авторе:

Лубоцкая Анна Сергеевна
кандидат исторических наук
научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4114-9886
E-mail: lia-ann@mail.ru

Information about the author:

Anna S. Lubotskaya
Ph D. (History)
Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4114-9886
E-mail: lia-ann@mail.ru

DOI: 10.31857/S0869544X0027874-4

Оригинальная статья / Original Article

Международная научная конференция
«Шемякинские чтения. Актуальные проблемы истории стран
и народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.»

© 2023 г. Ю.В. Лобачева

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

lobachevaj@gmail.com

Ссылка для цитирования: Лобачева Ю.В. Международная научная конференция «Шемякинские чтения. Актуальные проблемы истории стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.» // *Славяноведение*. 2023. № 5. С. 141–144. DOI: 10.31857/S0869544X0027874-4

International Scholarly Conference
«Shemyakin Readings. Actual Problems of the History of the Countries
and Peoples of Central and South-Eastern Europe in the 18–20th centuries»

© 2023. Yulia V. Lobacheva

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

lobachevaj@gmail.com

For citation: Yulia V. Lobacheva. International Scholarly Conference «Shemyakin Readings. Actual Problems of the History of the Countries and Peoples of Central and South-Eastern Europe in the 18–20th centuries» // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 5. P. 141–144. DOI: 10.31857/S0869544X0027874-4

16 и 17 мая 2023 г. в Институте славяноведения РАН и на платформе *Zoom* состоялась научная конференция «Шемякинские чтения. Актуальные проблемы истории стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.», организованная Отделом истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения совместно с Центром по изучению России и Восточной Европы Отделения истории Философского факультета Белградского университета.

Само мероприятие было посвящено памяти видного российского историка-слависта, специалиста в области истории Сербии и Балкан в Новое время и русско-сербских связей и отношений, Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018). А.Л. Шемякин почти 30 лет являлся сотрудником Института славяноведения и внес немалую лепту как в изучение исследуемых исторических проблем, так и развитие Института и сербистики в России в целом, много способствуя укреплению и расширению российско-сербских научных связей¹. Памяти ученого уже были посвящены две международные научные

¹ Об А.Л. Шемякине и его научном наследии см., например: [Никифоров 2018; Силкин 2018; Лобачева 2023; Русија и Србија 2020; Человек на Балканах 2020] и др.

конференции в Москве и Белграде в 2019 г., а в 2021 г. в Сербии (г. Алексинац) состоялись первые «Шемякинские чтения»; материалы этих научных форумов легли в основу опубликованных позже книг [Человек на Балканах 2020; Русија и Србија 2020; Руски добровольци 2022].

Данные, вторые, «Шемякинские чтения» собрали более 40 участников из России и Сербии – преимущественно коллег А.Л. Шемякина, среди которых его друзья и ученики. 34 исследователя выступили с докладами, темы которых нередко перекликались с исследовательскими интересами слависта, а рабочими языками на заседаниях были русский и сербский.

Пленарное заседание в первый день конференции открыли вступительные слова зав. отделом истории славянских народов периода мировых войн *Е.П. Серапионовой* и директора Института славяноведения *К.В. Никифорова*. Продолжил пленарную сессию научный доклад *К.В. Никифорова* – «Диссиденты в социалистической Сербии». Затем последовало выступление *А. Животича* (Белградский ун-т) на тему «Никола Пашич и Советская Россия / СССР (1917–1926 гг.)». В докладе *А.А. Силкина* (ИСЛ РАН) был рассмотрен «Хорватский вопрос в Королевстве СХС / Югославия как историческая проблема». *Б. Славкович-Мирич* (Ин-т новейшей истории Сербии (ИНИС), Белград) следом осветила близкий в проблемно-тематическом плане сюжет: «Косово и Метохия в 1929 г. – попытка решения национального вопроса путем раздела Югославского государства на бановины». В завершение пленарной части *М. Живанович* (ИНИС) сделала доклад на тему «1944 год в судьбе русской эмиграции в Югославии». Участники конференции внимательно и с интересом заслушали все доклады.

Далее работа конференции продолжилась в рамках двух секций. В одной из них была обширно представлена проблематика, связанная с историей народов Юго-Восточной и Восточной Европы, в другой преимущественно рассматривались вопросы из истории стран и народов Центральной и Восточной Европы.

Научную дискуссию в первой секции начали исследователи из Сербии. *Н. Миликич* (Исторический музей Сербии, Белград) представил доклад под названием «Советские военнопленные по воспоминаниям югославских узников немецких лагерей во время Второй мировой войны». Затем *А.Ю. Тимофеев* (Белградский ун-т, ИНИС) в продолжение темы русской эмиграции, открытой на пленарной сессии, сделал доклад «Последние годы русской эмиграции в Югославии 1941–1954 гг. – исторический опыт». Следом *Й. Перишич* (Белградский ун-т, Музей Югославии, Белград) осветила уже другой сюжет: «Политика или спорт: кто распределяет медали? Чемпионат мира по баскетболу в Маниле (1962, 1978 г.)». Не меньшее внимание привлекло далее выступление *Б. Марцоевич* (Музей жертв геноцида, Белград) на тему «Суд над Юраем Шпилером в Зренянине и объект Хелерова мельница как немой свидетель», а также доклад, который представил следом *А. Йованович* (Ин-т европейских исследований, Белград) – «Американские санкции в отношении СССР и строительство газопровода Уренгой – Помары – Ужгород (1981–1983 гг.)».

Продолжили заседание доклады российских ученых. *М.В. Белов* (ННГУ им. Н.И. Лобачевского) выступил на тему «Долгожданные мемуары: “Воспоминания” Васы Чубриловича как исторический источник». Затем *Я.В. Вишняков* (МГИМО МИД РФ) обратился к вопросу «Русско-сербские экономические отношения конца XIX – начала XX в.». Доклад *Н.С. Гусева* (ИСЛ РАН) был посвящен русско-болгарскому сюжету: «Русские добровольцы в Болгарии во время Балканских войн». Завершило дискуссию выступление *А.В. Ганина* (ИСЛ РАН) на тему «Новые документы о белом подполье на Украине в 1919 г.».

Одновременно с описанной выше содержательная, интересная и плодотворная дискуссия развернулась и в секции «Актуальные проблемы истории стран и народов Центральной и Восточной Европы в XVIII–XX вв.». Начало ей положил доклад *О.В. Хавановой* (ИСЛ РАН) – «Языки устного и письменного общения в окружении австрийского дипломата Николауса Эстерхази в России XVIII в.». Тема выступления *Л.А. Кирилинной* (ИСЛ РАН) звучала так: «Землетрясение 1895 г. в Любляне и его последствия». Затем *Е.П. Серапионова* рассмотрела вопрос «Чешские и словацкие левые в России в годы Гражданской войны», а *П.В. Мошечков* (ИСЛ РАН) обратился к близкому сюжету: «Освещение действий Чешско-Словацкого корпуса в 1918 г. в воспоминаниях военных представителей Французской республики в России». Словенскую же тематику в секции продолжил доклад *Н.С. Пилько* (ИСЛ РАН) – «Словенские земли в составе Королевства СХС. К вопросу о границе с Италией». «Чешско-немецкие отношения в ЧСР в мемуарах американского посланника Л. Эйнштейна» стали предметом освещения в докладе *Н.Н. Станкова* (ИСЛ РАН). Выступление *Д.С. Парфирьева* (ИСЛ РАН) было посвящено другой теме: «Разочарование полонофила: С.Д. Сазонов и межвоенная Польша». Новый в ходе дискуссии сюжет был далее представлен *С.З. Случом* (ИСЛ РАН): «Советские дипломаты в Москве и Берлине в предвоенные годы (1937–1939 гг.)». *А.С. Стякин* (ИСЛ РАН) сделал доклад на тему «Эволюция венгерско-югославских отношений: на пути

нормализации (1956–1964 гг.)». Завершило работу секции выступление О.А. Дубовик (МГУ) – «Болгария 1889–1894: настройка на войну».

В равной степени интересная и содержательная работа развернулась и во второй день конференции. Заседание ученых началось с доклада В.Б. Каширина (Исл РАН) – «“Хотя не все сербского народу будут...”»: Коллективный портрет офицеров Сербского гусарского полка русской армии в середине XVIII в. (опыт просопографического исследования)». Продолжило его выступление Л.В. Кузьмичевой (МГУ) на тему «Научное наследие доктора Латинки Перович (1933–2022)». «Влияние соглашения о Константинополе и проливах на позицию России относительно переговоров Антанты с нейтральными государствами о вступлении в Первую мировую войну. Положение Сербии» стало предметом рассмотрения в докладе М. Радивоевича (Белградский ун-т). Далее М.В. Лескинен (Исл РАН) представила доклад на тему «Метафора славянского родства в визуальных российских образах (1860–1880). Вопросы методологии реконструкции».

Затем выступила К.В. Мельчакова (Исл РАН) с докладом «“Русы” в Боснийском вилайете. По материалам консульских донесений 1850–1870-х годов». А.А. Леонтьева (Исл РАН) представила подготовленный в соавторстве с И.В. Зайцевым (Ин-т востоковедения РАН, ГМВ) доклад: «Неизвестный османский дефтер из собрания РГБ: к вопросу атрибуции». Завершил первую часть заседания доклад Ю.В. Лобачевой (Исл РАН) «Белград в произведениях русских очевидцев XIX в.».

Заключительную часть конференции открыла А.Н. Канарская (Исл РАН) докладом «Несостоявшийся проект: попытка воссоздания компартии Польши в 1938–1940 гг.». Следующие два выступления были посвящены вопросам из истории югославян: Л.К. Новосельцевой (Исл РАН) на тему «Никола Пашич и Яша Томич в ролевой модели партийного лидера (по работам А.Л. Шемякина и Л. Ракича)» и А.С. Аникеева (Исл РАН) – «Реформы в Югославии в период советско-югославского конфликта. 1948–1953 гг.».

В завершение краткой хроники конференции хотелось бы еще раз подчеркнуть ее международный характер (девять докладов из 34 сделали коллеги из Сербии), а также содержательную насыщенность и продуктивность имевшей место научной дискуссии. Как видно из обзора, темы многих докладов были связаны с научными интересами А.Л. Шемякина, памяти которого этот научный форум и был посвящен.

С видеоматериалами конференции можно ознакомиться на *youtube*-канале Института славяноведения РАН, готовится к публикации и сборник статей по ее итогам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лобачева Ю.В. Андрей Леонидович Шемякин и его вклад в развитие славистики // Славяне и Россия: Историческое славяноведение и балканистика. К 75-летию основания Института славяноведения. Колл. монография / отв. ред. С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 319–341.
- Никифоров К.В. «Спасибо России за то, что она подарила нам Андрея...» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. № 1–2. С. 7–11.
- Силкин А.А. Человек на Балканах: творческий путь А.Л. Шемякина // Славяноведение. 2018. № 5. С. 109–117.
- Человек на Балканах. Памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018) / под общ. ред. А.А. Силкина, Е.П. Серапионовой, Ю.В. Лобачевой, А.Ю. Тимофеева. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. 432 с.
- Русија и Србија на прелому века: српске теме Андреја Шемјакина / [одговорни уредник Алексеј Ј. Тимофејев]. Београд: Институт за новију историју: Центар за Руске и Источноевропске студије «М. Јовановић» Филозофског факултета Универзитета: Информатика; Москва: Институт за словенске студије РАН, 2020 (Београд: Графо сан). 354 с.
- Руски добровольци у Србији 1876: тематски зборник радова = Русские добровольцы в Сербии 1876: тематический сборник трудов / [главни и одговорни уредник Алексеј Ј. Тимофејев]. Центар за руске и источноевропске студије М. Јовановић Филозофског факултета Универзитета у Београду; [Москва]: Институт славяноведения Российской академии наук, 2022 (Београд: Графо сан). 200 с.

REFERENCES

- Chelovek na Balkanakh. Pamiati Andreia Leonidovicha Shemiakina (1960–2018)*, eds. A.A. Silkin, Je.P. Serapionova, Iu.V. Lobacheva, A. Iu. Timofejev. Moscow, Institute of Slavic Studies of the RAS Publ.; St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2020, 432 p. (In Russ.)
- Lobacheva Iu.V. Andrei Leonidovich Shemiakin i jego vklad v razvitije slavistiki. *Slaviane i Rossiia: Istoricheskoe slavianovedenje i balkanistika. K 75-letiiu osnovaniia Instituta slavianovedeniia. Koll. monografija*, ed. S.I. Danchenko. Moscow, Institute of Slavic Studies of the RAS Publ., 2023, pp. 319–341. (In Russ.)

- Nikiforov K.V. «Spasibo Rossii za to, chto ona podarila nam Andreia...». *Slavianskii mir v tret'jem tysiacheletii*, 2018, no. 1–2, pp. 7–11. (In Russ.)
- Russia i Srbija na prelomu vekova: srpske teme Andreja Šemjakina* / [odgovorni urednik Aleksej J. Timofejev]. Beograd: Institut za noviju istoriju: Centar za Ruske i Istočnoevropske studije «M. Jovanović» Filozofskog fakulteta Univerziteta: Informatika; Moscow: Institut za slovenske studije RAN, 2020 (Beograd: Grafo san), 354 p. (In Serb.)
- Ruski dobrovoljci u Srbiji 1876.: tematski sbornik radova* = Russkije dobrovol'tsy v Serbii 1876.: tematicheskii sbornik trudov / [glavni i odgovorni urednik Aleksej J. Timofejev]. Centar za ruske i istočnoevropske studije M. Jovanović Filozofskog fakulteta Univerziteta u Beogradu; [Moscow]: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2022 (Beograd: Grafo san), 200 p. (In Russ. and Serb.)
- Silkin A.A. Chelovek na Balkanakh: tvorcheskii put' A.L. Shemiakina. *Slavianovedenije*, 2018, no. 5, pp. 109–117. (In Russ.)

Информация об авторе:

Лобачева Юлия Владимировна
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-1675-1381
E-mail: lobachevaj@gmail.com

Information about the author:

Yulia V. Lobacheva
Ph D. (History), Senior Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1675-1381
E-mail: lobachevaj@gmail.com

ЮБИЛЕИ

Славяноведение, 2023, № 5, с. 145–147

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 5, pp. 145–147

Оригинальная статья / Original Article

К юбилею Геннадия Филипповича Матвеева

© 2023 г. Ю.А. Борисёнок

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

rodina2001@mail.ru

Ссылка для цитирования: *Борисёнок Ю.А.* К юбилею Геннадия Филипповича Матвеева // *Славяноведение*. 2023. № 5. С. 145–147.

For the Anniversary of Gennady Filippovich Matveev

© 2023. Yury A. Borisenok

Moscow State Lomonosov University
(Moscow, Russian Federation)

rodina2001@mail.ru

For citation: *Yury A. Borisenok.* For the Anniversary of Gennady Filippovich Matveev // *Slavic Studies, Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie*. 2023. № 5. P. 145–147.

2 ноября 2023 г. у известного российского историка-слависта, заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, доктора исторических наук Геннадия Филипповича Матвеева – 80-летний юбилей. Среди многочисленных значимых направлений деятельности ученого и преподавателя особо выделяется «одна, но пламенная страсть»: в последние пятьдесят пять лет он неизменно верен кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, при его живейшем участии укрепившей позиции в качестве важнейшего и надежного ресурса подготовки высококвалифицированных славистических кадров, в том числе и для Института славяноведения РАН.

Увлеченность славянами у Геннадия Филипповича родом из детства. В 1944 г. его отца Филиппа Пахомовича, участника Гражданской, советско-польской и Великой Отечественной войн, отправили на работу в военкомат города Здолбунова в Ровенской обл. Расти и учиться в школе будущему ученому пришлось в мультикультурной среде с украинскими, польскими и даже чешскими оттенками советской действительности. Поступить на исторический факультет МГУ ему удалось только в 1966 г., уже после трехлетней в ту пору службы в Советской армии. Выбор славянской и конкретно польской специализации на третьем курсе был осознанным, а профессиональная подготовка под руководством известного полониста и замечательного педагога Ирины Михайловны Белявской позволила уже в 1970-е годы говорить о появлении в советской славистике серьезного, перспективного и при этом ни на кого не похожего исследователя.

Легких путей в исторической полонистике и славистике Геннадий Филиппович не искал никогда, даже в позднюю брежневскую эпоху, окутанную сплошной с виду пеленой идеологического догматизма. Но и в таких условиях уже кандидатская диссертация Матвеева, посвященная непростой участи польских национал-демократов в 1921–1927 гг., отличалась и высоким качеством научного анализа, и не особенно скрываемой под причислением эндеков в названии к «буржуазному

лагерю» известной дерзостью замысла. Студентам кафедры, имевшим удовольствие на излете советской власти слушать лекции молодого доцента Матвеева по истории Польши, становились понятны разительные отличия настоящего научного подхода от скучных казенных стереотипов тогдашней историографии.

Эти отличия в полной мере проявились в докторской диссертации Геннадия Филипповича, основные положения которой нашли отражение в новаторской монографии «“Третий путь”? Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период» (М., 1992). Важнейшая для понимания исторических процессов в Восточной Европе первой половины XX в. тема политического самоопределения крестьянства обходила стороной советской историографией вследствие «мелкобуржуазности» и способности посеять сомнения в правильности устоявшихся оценок явления. Характерна широта взгляда исследователя, рассмотревшего помимо польских и чехословацких сюжетов сходные явления на болгарской и югославянской почве. Способность отойти от традиционной в среде историков-славистов заикленности на излюбленных «национальных квартирах» в дальнейшем ярко проявилась в работе Матвеева над выдержавшими три издания в последние четверть века (1998, 2008, 2022) вузовскими учебниками по истории южных и западных славян.

Создание стабильного учебника стало одним из приоритетов Геннадия Филипповича после избрания его в 1991 г. заведующим кафедрой истории южных и западных славян. Сложнейшая в условиях постсоветского разброда и шатаний задача реализовывалась им в содружестве с коллегой по кафедре З.С. Ненашевой сообразно потребностям времени, учебник из двухтомника в наши дни превратился в трехтомник, получив признание в педагогическом сообществе.

Профессор Матвеев, уверенно и демократично стоящий у руля кафедры более трех десятилетий, давно стал одной из ее значимых фигур. Во многом благодаря его усилиям курс истории южных и западных славян не только не исчез из учебной программы, но и стал обязательным для студентов сразу трех курсов истфака, со второго по четвертый, и польза от такого преподавания несомненна. Постоянная вовлеченность в кафедральную и факультетскую работу, упорные и творческие усилия по подготовке дипломников, аспирантов, кандидатов и докторов наук органически сочетаются у Геннадия Филипповича со значимыми научными результатами. «Архивная революция» 1990-х годов ознаменовалась его плодотворной работой в «польских» фондах бывшего Особого архива, ныне хранящихся в Российском государственном военном архиве. Совместно с польскими коллегами в 1995–1998 гг. им были опубликованы сборники архивных документов «СССР – Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949», «“Восстание в Заолзье”. Польская спецоперация» и «Операция “Лом”. Польская диверсионная деятельность в Закарпатской Руси». Многолетняя кропотливая архивная работа ознаменовалась изданием в 2004 г. совместно с польскими историками сборника документов и материалов «Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.», а в 2011 г. имевшей большой резонанс монографии «Польский плен: Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах». Исследование позволило установить важнейшее в свете бесплодных споров публицистов обстоятельство, что в польском плену в тот период погибли не менее 25–28 тыс. красноармейцев.

Крупным событием в российской исторической полонистике стала увидевшая свет в 2008 г. в известной серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» книга Матвеева о Юзефе Пилсудском. Геннадий Филиппович, на протяжении всей научной карьеры неизменно далекий и от покаянного понофильства, и от громкопящей понофобии, наряду с подробным политическим портретом одного из самых известных поляков XX в. представил и человеческое измерение его личности, успешно пытаясь отыскать «ключ к Пилсудскому».

Более полувека Матвеев поддерживает разнообразные и плодотворные контакты с видными польскими историками, но при этом всегда выдерживает свою самостоятельную научную позицию, аргументированно разъясняет непохожесть своих взглядов на воззрения польских коллег. Эта его стратегия хорошо видна и в его работе в российско-польской группе по сложным вопросам, и в его ярких текстах в совместном проекте «Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях» (2010, 2017), и в его текстах в капитальном труде Института славяноведения РАН «Польша в XX веке. Очерки политической истории» (М., 2012). Тот же собственный, аргументированный на основе архивных материалов подход к сложнейшим проблемам истории Польши и польско-советских перипетий отличают и недавние статьи Геннадия Филипповича 2020-х годов, посвященные Польше в советской внешней политике 1919–1921 гг. и проблеме «балансирования» в политике Ю. Пилсудского эпохи «санации».

И последнее, но, пожалуй, самое главное. Бывает и так, что видный ученый в повседневном общении суров, надменен, заносчив, заумен и пристрастен, и окружающие вынуждены все это терпеть. Профессор Матвеев на протяжении всей долгой научной карьеры осознанно и разнообразно

проявляет прямо противоположные качества. Яркий и изобретательный лектор, благожелательный и развивающий лучшие качества подопечных научный руководитель, интересный и эрудированный собеседник, всегда готовый поделиться с коллегами научными знаниями и жизненным опытом, талантливый и вдумчивый редактор чужих текстов — это лишь небольшая часть несомненных достоинств этого замечательного человека.

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия, членом которой Геннадий Филиппович является на протяжении уже многих лет, и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают своему безмерно уважаемому автору здоровья и творческих успехов.

Информация об авторе:

Борисёнок Юрий Аркадьевич
кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4958-2799
E-mail: rodina2001@mail.ru

Information about the author:

Yury A. Borisenok
Ph D. (History), Assistant Professor
Moscow State Lomonosov University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4958-2799
E-mail: rodina2001@mail.ru

НЕКРОЛОГИ

Славяноведение, 2023, № 5, с. 148–150

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 5, pp. 148–150

Оригинальная статья / Original Article

Памяти Валерия Леонидовича Мусатова (1941–2023)

Ссылка для цитирования: Памяти Валерия Леонидовича Мусатова (1941–2023) // *Славяноведение*. 2023. № 5. С. 148–150.

Valery Leonidovich Musatov (1941–2023)

For citation: Valery Leonidovich Musatov (1941–2023) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 5. P. 148–150.

31 июля 2023 г. после длительной тяжелой болезни скончался историк и дипломат Валерий Леонидович Мусатов, видный специалист по внешнеполитической истории Восточной Европы в новейшее время, кандидат исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, заслуженный работник дипломатической службы Российской Федерации.

Валерий Леонидович Мусатов родился в марте 1941 г. в Ульяновской области. Его отец, Леонид Николаевич, участник Великой Отечественной войны, находился в послевоенные годы на партийной работе, а затем, получив дополнительное образование в Высшей дипломатической школе при МИД СССР, стал карьерным дипломатом. В 1960–1980-е годы он был послом СССР в ряде африканских стран.

Пойдя по стопам отца, В.Л. Мусатов по окончании в 1964 г. МГИМО связал себя с дипломатической карьерой, а также с деятельностью в партаппарате на внешнеполитическом направлении. Его узкой специализацией еще на студенческой скамье стала Венгрия. После двухгодичной работы в структуре МИД (в том числе стажировки в посольстве СССР в Будапеште) в 1966 г. (в возрасте 25 лет!) он был приглашен на должность младшего референта, затем референта в Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Прекрасное знание венгерского языка позволяло ему не раз выступать в качестве переводчика во время бесед Л.И. Брежнева и Я. Кадара и в том числе на известной неформальной встрече в Завидове в марте 1972 г. Тогда советский лидер потребовал от венгерского руководства свертывания начатых в 1968 г. (синхронно с обновительными процессами Пражской весны) экономических реформ, вызывавших в Москве беспокойство их рыночной направленностью и несоответствием господствовавшим среди советской элиты представлениям о допустимом в условиях социализма. Эти исторические встречи нашли впоследствии отражение в мемуарных текстах В.Л. Мусатова.

С 1973 г. В.Л. Мусатов более десяти лет служил в посольстве СССР в Венгрии в качестве советника и советника-посланника. Вернувшись в 1984 г. в аппарат ЦК КПСС, он возглавил сектор, занимавшийся Венгрией и Румынией, в Отделе ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, а затем, после реорганизации аппарата, был (до событий августа 1991 г.) заместителем, потом первым заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалина, курируя в этом качестве восточноевропейское направление советской внешней политики. Шел пересмотр концептуальных основ советской дипломатии в Восточной Европе, происходила переоценка некоторых ключевых событий в новейшей истории региона. В.Л. Мусатов был, в частности, первым, кому с санкции горбачевского руководства было позволено глубоко изучить хранившиеся в архивах ЦК КПСС документы, проливающие свет на решения, принятые в Кремле в условиях драматических венгерских событий осени 1956 г., и подготовить конкретные предложения о корректировке официальных оценок. Несколько позже предметом его

специального изучения стала советская политика в условиях чехословацкого кризиса 1968 г. и событий 1980–1981 гг. в Польше.

В 1990-е годы, когда после развала СССР и краха системы социализма перед российским государством встали задачи формирования в принципиально новых условиях политики как на восточноевропейском направлении, так и на постсоветском пространстве, В.Л. Мусатов работал в Дипломатической академии МИД РФ, возглавляя там Центр европейских исследований. С 1996 г. в структуре главного аппарата МИД он занимался выработкой и проведением внешнеполитической линии в отношении стран СНГ, возглавлял в конце 1990-х годов один из департаментов МИД, был членом коллегии МИД России. В 2000–2006 гг. В.Л. Мусатов назначили чрезвычайным и полномочным послом Российской Федерации в Венгрии и по совместительству он представлял Россию в Дунайской комиссии. В 2006 г. Валерий Леонидович перешел на работу в администрацию президента Российской Федерации, а в дальнейшем всецело переключился на научно-исследовательскую деятельность, в том числе в Институте международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН (ныне в составе Института экономики РАН). Первую монографию «Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981)» В.Л. Мусатов опубликовал в 1996 г. В ней проявились не только глубокое знание архивных документов, иногда именно им впервые введенных в научный оборот, но и присущая ему способность выходить на обобщения, обращаясь к сравнительно-историческим исследованиям. Затем последовали книги: «Россия и Восточная Европа: связь времен» (М., 2008); «Россия в паутине глобализации» (М., 2010); «Второе “освобождение” Восточной Европы» (М., 2016) и др.

С горечью восприняв крах мировой системы социализма, укреплению которой он посвятил два с половиной десятилетия карьеры, В.Л. Мусатов в 1990-е годы обратился к выявлению комплекса причин этого грандиозного по своим последствиям события, приведшего к нарушению баланса сил, причем не в пользу России. Будучи убежденным российским государственным деятелем, считавшим отстаивание интересов своей страны неизменным приоритетом для любого не только дипломата, но и эксперта-международника, он вместе с тем всегда негативно реагировал на любые проявления великодержавного чванства в российской и советской внешней политике. В не меньшей степени, чем его глубокая эрудиция, это вызывало уважение иностранных партнеров, с которыми он даже в ходе бурных дискуссий умел найти общий язык на многочисленных международных конференциях (в том числе в рамках двусторонних комиссий российских историков с историками Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы). Так, в мае 2012 г., когда в связи со 100-летием со дня рождения Яноша Кадара встал вопрос об оценке вклада в венгерскую историю этого политика, более трех десятилетий стоявшего в главе своей страны, из России на большую юбилейную конференцию пригласили именно В.Л. Мусатова – не только как серьезного эксперта-историка, но и как человека, лично знавшего Я. Кадара, и непосредственного свидетеля значимых исторических событий. Коллеги помнят, как некоторые выступления Мусатова превращались в настоящие сеансы устных мемуаров, раскрывавших подготовленному слушателю ключевые механизмы принятия ответственных внешнеполитических решений в быстро меняющихся условиях, в частности конца 1980-х годов, когда в месяцы революционных перемен в странах советского блока В.Л. Мусатов работал на восточноевропейском направлении внешней политики СССР. Работы В.Л. Мусатова, как правило, основанные на его выступлениях на международных конференциях, публиковались во многих странах, он был участником международного исследовательского проекта «История холодной войны».

На протяжении трех десятилетий, начиная с членства в редколлегии коллективного труда «Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней» (М., 1991), продолжалось плодотворное сотрудничество В.Л. Мусатова с Институтом славяноведения РАН. Он был членом авторских коллективов трудов: «Чехия и Словаки в XX веке. Очерки истории». Т. 1–2 (М., 2005); «Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв. Памяти Т.М. Исламова». СПб., 2009; «1968 год. “Пражская весна”. Историческая ретроспектива» (М., 2010); «Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя» (М., 2011); «Инакомыслие в условиях “реального социализма”. Поиски новой государственности. Конец 60-х – 80-е годы XX в.» (М., 2014); «Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений» (М.; СПб., 2018); «1968. “Пражская весна”: 50 лет спустя. Очерки истории» (СПб., 2021) и др.

Начиная с 1990-х годов не прерывалось сотрудничество В.Л. Мусатова с журналом «Новая и новейшая история», где им было опубликовано большое количество статей по ключевым проблемам послевоенной истории стран Восточной Европы (в том числе в кризисные моменты их развития), внешней политики СССР в рамках мировой системы социализма. Его статьи публиковались также в журнале «Новое время» и во многих других изданиях. В последние годы жизни опытный

эксперт-международник, свидетель многих событий все чаще выступал как мемуарист (см., например: Перестройка глазами сотрудника международного отдела ЦК КПСС // Новая и новейшая история, 2019. № 3, 4).

Светлую память о Валерии Леонидовиче Мусатове, большом профессионале-международнике и ярком самобытном человеке навсегда сохранят коллеги, работавшие с ним.

Коллеги-историки